

НЕВЛЯ

33 • 2013

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах	4
Юрий Александров Юридический практикум	6
Фима Жиганец Танкисты в ночном	17
Борис Копылков Ментовский беспредел. Взгляд изнутри и снаружи	26
Александр Хныков Осколки	42
Роман Дих Хозяин	47
Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (февраль – май 2013 года)	50
По материалам зарубежных СМИ Мир и тюрьма	58
Максим Громов Твой дом – тюрьма	92

ЗА СТЕНОЙ

Александр Август Служебная командировка 116

Юрий Савенко «Закон Димы Яковлева»
глазами психиатра 141

ИСТОРИЯ

Александр Сидоров Китайский чай для
воркутинских эзков, или Как детские стишки
стали гимном советских арестантов 144

Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.

Редакционный совет

Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталья Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Норвежский Хельсинкский
комитет

Учредитель:
Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Ответственный секретарь
Наталья Малыхина
Макет
Лев Михалевский
Обложка
Василий Валериус
Верстка
Анна Фролова
Бухгалтер
Наталья Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах

По состоянию на **1 мая 2013 г.** в учреждениях УИС содержалось 693,4 тыс. человек (– 8,4 тыс. человек к началу года), в том числе:

в 736 исправительных колониях отбывало наказание 573,8 тыс. человек (– 11,2 тыс. человек),

в том числе:

– **в 128 колониях-поселениях** отбывало наказание 39,4 тыс. человек (– 86 человек);

– **в 5 ИК для осужденных к пожизненному лишению свободы** отбывало наказание 1832 человека (+ 13 человек).

В 230 следственных изоляторах и 165 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов, при колониях содержалось 116,3 тыс. человек (+ 2735 человек).

В 7 тюрьмах отбывало наказание 1,02 тыс. человек (+ 123 человека).

В 46 воспитательных колониях для несовершеннолетних 2,2 тыс. человек (– 82 человека).

В учреждениях содержится 57,2 тыс. женщин (– 492 человека), в том числе:

46,8 тыс. осужденных, содержащихся в ИК, ЛИУ, ЛПУ, и 10,4 тыс. чел., в отношении которых избрана мера пресечения заключение под стражу, при женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживает 772 ребенка.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 133 больницы различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 59 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией.

В состав УИС также входят:

– 2459 уголовно-исполнительных инспекций, в которых состоят на учете 465,4 тыс. человек, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы;

– 53 государственных унитарных предприятия исправительных учреждений;

– 587 центров трудовой адаптации осужденных, 52 лечебно-, 41 учебно-производственная мастерская.

При исправительных и воспитательных колониях функционируют:

– 319 вечерних общеобразовательных школ и 549 учебно-консультационных пунктов;

– 333 профессионально-технических училища и 302 обособленных структурных подразделения;

действуют 555 храмов, 702 молитвенные комнаты.

Штатная численность персонала УИС составляет 337,8 тыс. человек, в том числе аттестованных сотрудников – 246,7 тыс. человек (кроме того, переменный состав – 7,2 тыс. человек).

Медицинское обслуживание личного состава осуществляют 56 учреждений здравоохранения, в том числе 34 центра медицинской и социальной реабилитации, 14 больниц, 5 военно-врачебных комиссий и 3 санатория.

В составе УИС действуют **8 учреждений высшего профессионального образования** с 7 филиалами, в том числе Академия права и управления, 74 учебных центра и пункта, институт повышения квалификации, научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательский институт информационных технологий.

Имеется Объединенная редакция, издающая журналы «Преступление и наказание», «Ведомости УИС», газету «Казенный дом».

Юрий Александров

Юридический практикум

Новое в законодательстве

Медицинская помощь в государственных и муниципальных медицинских организациях лицам, лишенным свободы, оказывается в соответствии с договором, заключаемым между учреждением уголовно-исполнительной системы и медицинской организацией (*Постановление Правительства РФ от 28.12.2012 № 1466 «Об утверждении Правил оказания лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы, медицинской помощи в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения, а также приглашения для проведения консультаций врачей-специалистов указанных медицинских организаций при невозможности оказания медицинской помощи в учреждениях уголовно-исполнительной системы»*).

В медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения лицам, лишенным свободы, оказываются все виды медицинской помощи с соблюдением порядка их оказания и на основе стандартов медицинской помощи.

Скорая, в том числе скорая специализированная, медицинская помощь оказывается лицам, лишенным свободы, в экстренной и неотложной форме как в медицинских организациях, так и вне медицинских организаций с учетом соблюдения установленных требований к срокам ее оказания.

По результатам оказания в медицинской организации медицинской помощи лицам, лишенным свободы, в медицинскую документацию вносится информация о состоянии их здоровья, в том числе сведения

о результатах медицинских осмотров, обследований и проведенного лечения, рекомендации по проведению дополнительных обследований (с указанием необходимого объема обследований), а также по дальнейшему лечению и медицинской реабилитации. Указанные сведения сообщаются лицам, лишенным свободы.

Примерная форма договора об оказании медицинской помощи утверждается Минюстом РФ по согласованию с Минздравом РФ.

В срок домашнего ареста будут засчитывать время содержания под стражей (Федеральный закон от 11.02.2013 № 7-ФЗ «О внесении изменения в статью 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Внесенным изменением в статью 107 УПК РФ установлено, что в срок домашнего ареста засчитывается время содержания под стражей.

Совокупный срок содержания под стражей и под арестом (вне зависимости от последовательности, в которой они применялись) при этом не должен превышать предельного срока содержания под стражей.

Применение технических средств контроля к подозреваемому (обвиняемому), находящемуся под домашним арестом (Постановление Правительства РФ от 18.02.2013 № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений»).

Утвержден перечень аудиовизуальных, электронных и иных технических средств, которые могут использоваться, чтобы проконтролировать, находится ли подозреваемый (обвиняемый) в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и соблюдает ли наложенные судом запреты и (или) ограничения.

К средствам персонального контроля отнесены электронный браслет, стационарные и мобильные контрольные устройства, ретранслятор, персональный трекер. В список включено и устройство аудиовизуального контроля. Кроме того, перечислены техсредства и устройства региональных информационных центров.

Установлен также порядок применения уголовно-исполнительными инспекциями перечисленных техсредств контроля.

Так, если подозреваемому или обвиняемому запрещено выходить за пределы жилья, в котором он проживает, инспекция вправе применять электронный браслет вместе со стационарным контрольным устройством, ретранслятором и устройством аудиовизуального контроля.

Электронный браслет устанавливается непосредственно на теле подозреваемого (обвиняемого). Стационарное контрольное устройство и ретранслятор помещаются (активируются) в месте исполнения меры пресечения. Устройство аудиовизуального контроля может устанавливаться в месте исполнения меры пресечения либо выдаваться подозреваемому (обвиняемому) для ношения при нахождении за его пределами. Причем в месте исполнения меры пресечения это устройство устанавливается, если получено письменное согласие лиц, проживающих совместно с подозреваемым (обвиняемым). Непосредственно после установки или выдачи техсредств инспекция разъясняет и вручает подозреваемому (обвиняемому) под роспись правила их эксплуатации.

Если подозреваемый (обвиняемый) повредил либо уничтожил применяемые к нему техсредства, он несет ответственность в порядке и размерах, которые предусмотрены гражданским законодательством.

Суды разъясняют...

Противоречат ли действующему законодательству и нормам международного права пункт 65 ПВР ИУ и пункт 25 приложения № 1 к ПВР ИУ?

С таким заявлением в ВС РФ обратился осужденный Б., полагающий что эти нормы устанавливают ограничения, не предусмотренные федеральным законом, нарушая права осужденных.

ВС РФ заявление Б. оставил без удовлетворения, разъяснив следующее.

Согласно пункту 65 ПВР ИУ ответы по результатам рассмотрения предложений, заявлений, ходатайств и жалоб не позднее чем в трехдневный срок после поступления под роспись объявляются осужденным и выдаются им на руки. При отказе заявителя хранить ответ у себя он приобщается к личному делу осужденного.

Порядок переписки осужденных с судом, прокуратурой, вышестоящим органом уголовно-исполнительной системы, а также с Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, уполномоченным по правам человека в субъекте Российской Федерации, уполномоченным по правам ребенка в субъекте Российской Федерации, общественной наблюдательной комиссией, Европейским судом по правам человека, с защитником или иным лицом, оказывающим юридическую помощь на законных основаниях, регулируется пунктом 53 Правил. В соответствии с данным пунктом Правил, переписка

осужденного с защитником или иным лицом, оказывающим юридическую помощь на законных основаниях, цензуре не подлежит, за исключением случаев, если администрация исправительного учреждения располагает достоверными данными о том, что содержащиеся в переписке сведения направлены на инициирование, планирование или организацию преступления либо вовлечение в его совершение других лиц. В этих случаях контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений осуществляется по мотивированному постановлению руководителя исправительного учреждения или его заместителя.

Рекомендации Комитета министров Rec(2006)2 государствам – членам Совета Европы о Европейских пенитенциарных правилах предусматривают, что консультации и любое общение, включая корреспонденцию, относительно правовых вопросов между заключенными и их юристами должны быть конфиденциальными.

Следовательно, доводы заявителя о том, что оспариваемые положения пункта 65 Правил в нарушение норм УИК РФ и международного права допускают цензуру переписки осужденного с защитником, являются несостоятельными.

В соответствии с пунктом 25 Перечня вещей и предметов, которые осужденным запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать (приложение № 1 к Правилам), осужденным запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать электробытовые приборы (за исключением электробритв, бытовых электрокипятильников заводского исполнения).

Установленный в пункте 25 приложения № 1 к Правилам запрет осужденным иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать электробытовые приборы не является произвольным, поскольку установлен с учетом объективных характеристик электробытовых приборов и не носит дискриминационного характера.

Такой запрет обусловлен необходимостью обеспечить безопасность самих осужденных, персонала, иных лиц, исключить возможность ненадлежащего использования определенных вещей и предметов в условиях исправительного учреждения, а также исключить основания для возможных конфликтов между осужденными по поводу владения этими вещами и предметами. Запрещение осужденным иметь при себе, получать в посылках либо приобретать электробытовые приборы относится к режимным требованиям в области обеспечения пожарной безопасности.

Доводы заявителя о том, что отсутствие вентиляторов, кондиционеров и микроволновых печей существенно ухудшает условия отбы-

вания наказания, являются необоснованными. В исправительных учреждениях осужденные обеспечиваются трехразовым питанием в соответствии с нормами, установленными постановлением Правительства Российской Федерации от 11 апреля 2005 г. № 205.

Федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» в статье 19 устанавливает, что для обеспечения выполнения санитарно-эпидемиологических требований в проектной документации зданий и сооружений с помещениями с постоянным пребыванием людей, за исключением объектов индивидуального жилищного строительства, должно быть предусмотрено устройство систем водоснабжения, канализации, отопления, вентиляции, энергоснабжения. Отопление, вентиляция и кондиционирование воздуха в зданиях исправительных учреждениях проектируются в соответствии с действующими СНиПами.

Номенклатура мебели, инвентаря и предметов хозяйственного обихода для общежитий (камер) и объектов коммунально-бытового назначения учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, и следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы предусматривает наличие таких электробытовых приборов, как холодильники, электрокипятильники, плиты электрические.

Поскольку оспариваемые положения нормативного правового акта соответствуют действующему законодательству, изданы компетентным органом государственной власти и не нарушают права граждан, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, заявление Б. не подлежит удовлетворению.

(Решение ВС РФ от 14.12.2012 № АКПИ12-1528)

Из чего должен исходить суд при решении вопроса о продлении срока содержания обвиняемого под стражей?

Необоснованное применение мер, связанных с ограничением прав, гарантированных статьей 22 (ч. 1) Конституции РФ, пунктом 1 статьи 9 и пунктом 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, недопустимо; при решении вопроса о продлении срока содержания обвиняемого под стражей суд должен исходить не только из обоснованного подозрения, что лицо совершило преступление, но и главным образом из обстоятельств, оправдывающих его содержание под стражей (возможность оказания давления на свидетелей, опасение, что подсудимый скроется от правосудия, может совершить новое преступление и т.д.), а также важности предмета разбирательства, сложности дела, поведения обвиняемого и иных факторов.

В соответствии с положениями статьи 109 УПК РФ в случае невозможности закончить предварительное следствие в срок до 2 месяцев и при отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения этот срок может быть продлен судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня в порядке, установленном частью 3 статьи 108 УПК РФ, на срок до 6 месяцев; дальнейшее продление срока может быть осуществлено в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, только в случаях особой сложности уголовного дела и при наличии оснований для избрания этой меры пресечения судьей того же суда, в частности, по ходатайству следователя, внесенному с согласия руководителя соответствующего следственного органа по субъекту Российской Федерации, иного приравненного к нему руководителя следственного органа, до 12 месяцев (часть 2); срок содержания под стражей свыше 12 месяцев может быть продлен лишь в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, судьей суда, указанного в части 3 статьи 31 УПК РФ, или военного суда соответствующего уровня по ходатайству следователя, внесенному с согласия в соответствии с подследственностью Председателя Следственного комитета РФ либо руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при соответствующем федеральном органе исполнительной власти), до 18 месяцев (часть 3).

Какой-либо неопределенности с точки зрения возможности определения того руководителя следственного органа, к которому следователь правомочен обратиться с ходатайством о продлении срока содержания обвиняемого под стражей, либо суда, в который подлежит направлению такое ходатайство, эти положения статьи 109 УПК РФ не содержат. Устанавливая конкретные основания для продления сроков предварительного следствия, они также не предполагают, что указанные вопросы решаются следователем по его произвольному усмотрению.

Согласно положениям частей 4–7 статьи 109 УПК РФ материалы оконченного расследованием уголовного дела должны быть предъявлены обвиняемому, содержащемуся под стражей, и его защитнику не позднее чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей, установленного частями 2 и 3 той же статьи; если после окончания предварительного следствия материалы уголовного дела были предъявлены обвиняемому и его защитнику позднее чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей, то по его истечении обвиняемый подлежит немедленному освобождению; в случае если после окончания предварительного следствия сроки

для предъявления материалов данного уголовного дела обвиняемому и его защитнику, предусмотренные частью 5 указанной статьи, были соблюдены, однако 30 суток для ознакомления с материалами уголовного дела им оказалось недостаточно, следовательно с согласия руководителя следственного органа по субъекту Российской Федерации или приравненного к нему руководителя иного следственного органа вправе не позднее чем за 7 суток до истечения предельного срока содержания под стражей возбудить ходатайство о продлении этого срока перед соответствующим судом.

(Определение КС РФ от 24.12.2012 № 2323-0)

Противоречит ли Конституции РФ замена неотбытой части назначенного наказания более мягким видом наказания и какой суд должен рассматривать подобные дела?

Федеральный законодатель установил в статье 80 УК РФ, что лицу, отбывающему лишение свободы, суд может заменить оставшуюся не отбытой часть наказания более мягким видом наказания с учетом его поведения в период отбывания наказания и при фактическом отбытии им указанной в законе части наказания (части 1 и 2). Такое правовое регулирование, обеспечивая реализацию закрепленного в статье 50 (ч. 3) Конституции РФ права каждого осужденного за преступление просить о смягчении назначенного ему наказания, в то же время служит вытекающему из конституционных начал гуманизма и справедливости принципу экономии уголовной репрессии, предполагающему применение лишь необходимых и достаточных для достижения ее целей принудительных мер уголовно-правового реагирования.

Из того же исходят и принятые резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1990 года Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), рекомендуя государствам – членам ООН наделять компетентные органы правом широкого выбора альтернативных мер, принимаемых после вынесения приговора, в целях отказа от тюремного заключения и оказания помощи правонарушителям для их быстрого возвращения к нормальной жизни в обществе (правило 9.1).

По смыслу статьи 80 УК РФ, а также с учетом разъяснений, содержащихся в пунктах 4–6 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 года № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», основа-

нием, предопределяющим возможность замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, является поведение осужденного в период отбывания наказания, подлежащее всесторонней судебной оценке в совокупности с другими характеризующими его данными (включая отношение к труду, совершенному деянию и т.п.).

Таким образом, при разрешении соответствующего вопроса судом оцениваются позитивные изменения в поведении осужденного, свидетельствующие о возможности смягчения уголовной репрессии до необходимого и достаточного минимума принудительных мер, обеспечивающих достижение целей наказания. При этом статья 80 УК РФ не обуславливает смягчение наказания такими требованиями к дальнейшему поведению осужденного, нарушение которых позволяет возобновить исполнение оставшейся неотбытой части назначенного приговором наказания, как это имеет место, например, при условно-досрочном освобождении, предполагающем, что ненадлежащее поведение освобожденного в течение испытательного срока может повлечь отмену условно-досрочного освобождения (часть 7 статьи 79 УК РФ) и обращение к реальному исполнению оставшейся неотбытой части наказания (пункт 4.1 статьи 397 УПК РФ).

Тем самым законодатель, располагая достаточно широкой свободой усмотрения при установлении как условных, так и безусловных видов освобождения от наказания, ввел такое регулирование, при котором освобождение положительно характеризуемого осужденного от дальнейшего отбывания наказания путем замены его оставшейся части более мягким видом наказания аннулирует неотбытую часть прежнего наказания, в силу чего последующий возврат к ее исполнению ввиду нарушения осужденным предусмотренных законом требований к отбыванию нового наказания становится невозможным.

Требование Конституции РФ об определении подсудности дел законом означает, что в таком законе должны быть закреплены критерии, которые в нормативной форме (в виде общего правила) заранее – до возникновения спора или иного правового конфликта – предопределяют, в каком суде подлежит рассмотрению то или иное дело, а также в каких случаях и в каком порядке допустимо изменение подсудности, что позволяет суду (судье), сторонам и другим участникам процесса избежать правовой неопределенности в этом вопросе, которую в противном случае приходилось бы устранять посредством решения, основанного на дискреции правоприменительного органа или должностного лица, и тем самым определять подсудность дела не на основании закона.

Приведенная правовая позиция КС РФ в равной мере распространяется и на правовое регулирование подсудности таких связанных с исполнением приговора вопросов, как замена или смягчение наказания, досрочное освобождение от отбывания наказания. По смыслу статей 10, 18 и 118 (части 1 и 2) Конституции РФ рассмотрение указанных вопросов органами судебной власти, призванными самостоятельно на основе принципа разделения властей обеспечивать защиту прав человека и гражданина, относится к сфере правосудия, осуществляемого посредством перечисленных в Конституции РФ видов судопроизводства, в данном случае – уголовного судопроизводства.

Соответственно, предметом деятельности суда на стадии исполнения приговора охватывается не только обращение приговора к исполнению, но и разрешение вопросов, связанных с процессом его исполнения, в том числе с заменой оставшейся неотбытой части наказания более мягким видом наказания в соответствии со статьей 80 УК РФ (пункт 5 статьи 397 УПК РФ). При этом рассмотрение и разрешение судом такого вопроса не предполагает, исходя из задач данной стадии уголовного судопроизводства, установление фактических обстоятельств совершенного преступления, оценку правильности применения уголовного закона и пересмотр существа приговора. Иное свидетельствовало бы о переоценке общественной опасности совершенного деяния, констатированной вступившим в законную силу приговором суда, назначившего наказание, а потому, по сути, о его ошибочности, что приводило бы к нарушению принципа стабильности и общезначимости судебных решений, а также подменяло бы собой закрепленный уголовно-процессуальным законом порядок рассмотрения судом уголовного дела по существу и последующей проверки постановленных им и вступивших в законную силу решений судами кассационной и надзорной инстанций.

УПК РФ (часть 3 статьи 396, пункт 5 статьи 397) устанавливает, что вопрос о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в соответствии со статьей 80 УК РФ разрешается судом по месту отбывания наказания осужденным.

(Определение КС РФ от 17 января 2013 г. № 2-0)

В своем определении КС РФ выявил смысл нормативных положений статьи 1 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий».

Заявителем оспаривалась конституционность законоположения, согласно которому политическими репрессиями признаются различ-

ные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями.

Конституционный суд указал, что по смыслу оспариваемой статьи политическими репрессиями признаются такие меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, которые влекут лишение или ограничение прав и свобод лиц – жертв политических репрессий. Приведенный в ней перечень мер принуждения является открытым, что способствует наиболее полной защите прав и свобод граждан.

(Определение КС РФ от 1 ноября 2012 года № 2003-О)

Могут ли судья, прокурор, следователь и дознаватель участвовать в производстве по делу, если уже имеют в нем иной процессуальный статус либо состоят в родственных отношениях с любым из участников производства по делу?

Нет, не могут. Положения статьи 62 УПК РФ устанавливают обязанность этих лиц при наличии названных оснований уклониться от участия в деле (часть 1); в случае, если такое лицо не устранилось от участия в деле, отвод может быть заявлен подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, защитником, а также государственным обвинителем, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком или их представителями (часть 2).

Кроме того, в целях обеспечения беспристрастности участников уголовного судопроизводства и разделения процессуальных функций уголовно-процессуальный закон запрещает судье, прокурору, следователю и дознавателю участвовать в производстве по уголовному делу, если имеются обстоятельства, дающие основание полагать, что они

лично, прямо или косвенно, заинтересованы в исходе данного уголовного дела, в частности если они являются по этому делу свидетелями.

(Определение КС РФ от 29 ноября 2012 г. № 2417-0)

Как должно осуществляться дознание по уголовным делам?

Дознание по уголовным делам, по которым предварительное следствие необязательно, возложено на орган дознания, осуществляющий и иные полномочия. Так, помимо дознания на него, в частности, возлагается выполнение неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно (пункт 2 части 2 статьи 40 УПК РФ), а также обязательных письменных поручений о проведении оперативно-разыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, оказание содействия при их осуществлении (пункт 4 части 2 статьи 38 УПК РФ).

При этом орган дознания, осуществляя от имени государства уголовное преследование по делам публичного и частно-публичного обвинения, должен руководствоваться в своей деятельности конституционным принципом состязательности сторон, в силу которого функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо, а также принципами уголовного судопроизводства, в том числе принципом законности (статья 7 УПК РФ). Начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, иные сотрудники органа дознания, включая дознавателей и оперативных сотрудников, обязаны строго следовать установленной процедуре досудебного производства по уголовным делам, их деятельность должна отвечать требованиям объективности и беспристрастности. В ином случае законность процессуальной деятельности субъекта доказывания может быть поставлена под сомнение применительно как к самому процессу собирания доказательств, так и к их дальнейшей оценке.

(Определение КС РФ от 29.11.2012 № 2417-0)

Танкисты в ночном

Мы с Макарычем пили водку и рассуждали о вечном. Вечны же в этом мире только две вещи: недостаток денег и избыток мудаков. Поскольку первая часть головоломки изначально нерешаема, как теорема Ферма (интересно, блин, что это за херовина?), сразу перешли ко второму вопросу. Сперва коснулись прогрессивной роли опричнины в истории России, потом естественным образом дополнили до проблем смертной казни.

Макарыч – человек горячий, несмотря на пенсионный возраст. Нелегкая судьба военного корреспондента помотала его, как говорил незабвенный товарищ Сухов, от Амура до самого Чуркестана. Если добавить, что пишет он исключительно о судебных процессах над убийцами, грабителями, сексуальными маньяками и аферистами, понятно, что гуманизм ему чужд так же, как крокодилу комбикорм. Странников отмены смертной казни Макарыч именовал не иначе как бандой дегенератов.

– Они мне рассказывают, что страх смерти, мать-перемать, не удерживает человека от преступления! – полыхал он шаровыми молниями выпученных глаз. – Они с Европой, раздолбай их в нюх копытом, равнять себя вздумали! Европейцы обдрыстанные!

– Бляди, сэр, – подтвердил я наблюдения товарища по стакану.

– Эти твари не понимают, что действовать надо сообразно с рельефом местности, – глубокомысленно изрек Макарыч, разбавляя водку швепсом. – В нашей евроблиназийской империи без Малюты никак нельзя. Разворуют страну к лебням! Возьми хоть дело полковника Засерькина: на тридцать лимонов русских денег закупил для армии мороженой рыбки путасу! Мало что по завышенной цене, так оказалось, путасосину эту вообще жрать человеку не рекомендуется! И что? Восемь лет условно плюс штраф сто тысяч рваных... Да ему «откатили» не меньше миллиона баксов! А расшлепай ты человек сто таких засерькиных – и поглядим на результат.

– Маршал Жуков в Одессе за три дня порядок навел, – втерся я в рассуждения докладчика. – Приказал офицерам отстреливать бандитов на улицах.

– Подумаешь, Жуков! – взвился Макарыч. – Я сам себе Жуков. Расскажу я тебе одну историю из собственной жизни. Случилась она в шестьдесят девятом. Стукнуло мне аккурат двадцать три года, и перебросили нас тогда из Волгограда в Дальневосточный военный округ...

Это было тревожное время. Только что отгремели бои между советскими и китайскими войсками за остров Даманский – который, как оказалось позже, никому и на хрен не был нужен, поэтому его в оконцовке успешно затопили. Но и с той и с другой стороны за этот раздолбайский клочок земли полегло немало народа. Принципы... В общем, наши доблестные артиллеристы выкосили несколько гектаров китайцев ракетными установками «Град», а затем советское руководство решило в спешном порядке укрепить дальневосточные рубежи. Для чего со всех уголков необъятной родины в район советско-китайской границы стали перебрасывать все войска, которые только попались под горячую руку.

Среди отмеченных Всевышним военным перстом оказался и молодой лейтенант Валера Востроносов. В составе гвардейской танковой дивизии он прибыл к месту назначения – в город Белогорск, где формировалась тридцать пятая армия под командованием генерала Занудина. Занудин слыл личностью легендарной. Не только потому, что прошел фронты Отечественной и был отмечен званием Героя Советского Союза. В военную историю России он вошел благодаря еще одному знаменательному факту. Это был единственный офицер, обратившийся к министру обороны с нестандартной просьбой: поменять свою неблагозвучную фамилию с Занудина на Зарудина. Рапорт генерала министр удовлетворил.

Но это случилось позже. Пока же генералу Занудину было не до смены фамилии. Вверенная ему армия напоминала веселый цыганский табор, наскоро собранный из пестрых кибиток. Поскольку переброска частей проводилась в дикой суматохе, на границе оказалась всего одна полная танковая рота – отряд танкового прикрытия. В остальном на пять единиц бронетехники приходился один механик. То есть танков нагнали до японской мамы, но управлять ими было некому.

«Это как же понимать?! – громыхал генерал хорошо поставленным командным голосом. – На танковый полк единственная боеспособная единица, и та хлебовозка! Да если этим желтомордикам приспичит

перейти границу, они нас на наших же танках догонят и отымеют во все дыхательные и пихательные!»

Однако скоро выяснилось, что для армии куда большую угрозу представляют вовсе не части вероятного узкоглазого противника. Отыметь танкистов во все дыхательные и пихательные порывались не столько китайские милитаристы, сколько родные до боли соплеменники. Дело в том, что район, где дислоцировалась тридцать пятая армия, издавна славился своими лагерями, причем далеко не пионерскими. Разные «командировки», «подкомандировки», лагпункты и прочие места обитания советских эзков покрывали местность столь же обильно, как сыпь – тело сифилитика. Большинство лагерников, отмотав долгие срока, оседало в тутошних поселках и городищах. Из бывших аборигенов страны Зэкландии состояла и значительная часть населения шестидесятитысячного Белогорска.

Военную форму эти люди ненавидели на генетическом уровне. Любой человек в погонах у них ассоциировался со злобным вертухаем-конвойником или коварным «кумом»-оперативником. По арестантским понятиям «честный босяк» не должен никогда, ни при каких условиях надевать форму и брать оружие из рук власти! Даже для защиты родины. «Сидельцев», которые воевали против фашистов в штрафных подразделениях, здесь называли «суками». В общем, танкисты попали, по выражению самих же каторжан, как хрен в рукомойник.

Что ни день, то на стол командиров ложились рапорты об избиениях солдат и офицеров. Санчасти, больницы, госпиталь были переполнены некогда бравыми вояками с выбитыми зубами, вывихнутыми ключицами, переломанными ногами и руками, пробитыми головами... Обстановка приближалась к боевой. Китайцы могли не беспокоиться: по части мордобоя Россия перешла на самообслуживание.

Впрочем, некоторые офицеры сперва были настроены благодушно. Например, знакомец Востроносова старший лейтенант Костя Загорский – несгибаемый оптимист и кандидат в мастера спорта по боксу.

«Меньше нарываться надо, – комментировал он очередную стычку военных с местными. – Сперва нажрут, потом начинают к здешним девкам приставать. Вот в рыло и получают».

Вскоре лейтенант Востроносов, направляясь утром в редакцию дивизионной многотиражки «Доблесть боевая», редактором которой он имел честь состоять, обратил внимание на своего приятеля-старлея. Загорский сидел на лавочке у штаба, потупившись и обхватив буйну голову руками.

«Ты чего? – спросил лейтенант печального сослуживца. – Какие проблемы?»

Тот поднял голову, и вопрос отпал сам собой. Физиономия Загорского распухла, как у сытого хомячка, попавшего в добрые руки юных натуралистов. Глаз вообще не было видно. Лишь изредка поблескивали малюсенькие искорки, словно заплутавшей в море рыбацкой шаланде светили сквозь туман огни далекого маяка. По всему было видно: натуралисты свое дело знали крепко.

«Понятно, – констатировал Востроносков. – Нажрался, стало быть, и приставал к местным дездемонам. Или пытался тормознуть головой пролетавший мимо бронепоезд?»

«Да пошел ты... – грустно отвечивал Загорский. – Представляешь, вчера три жлоба остановили средь бела дня прямо в центре города. Даже не спросили ничего – сразу в морду!»

«А если бы спросили о международном положении, тебе, конечно, стало бы легче?»

«Да пошел ты...» – тускло повторил старший лейтенант.

И действительно, ситуация к шуткам не располагала. Дошло до того, что грозный генерал Занудин отдал приказ наводнить город вооруженными военными патрулями, которым разрешалось в случае необходимости стрелять на поражение. Это несколько сняло напряженность в дневное время. Но многим офицерам приходилось задерживаться на службе допоздна, и большинство возвращалось пешком. Так что хотя теперь нападения случались реже, зато били танкистов значительно больше.

Редакция многотиражки находилась как раз в таком месте, откуда возвращаться надо было темными улочками и закоулками. Правда, в составе «Доблести» бойцы подобрались крепкие – водители, грузчики, метранпажи, печатники и прочая звонкоголая ребятня, суровым видом напоминая поволжских ушкуйников. Ходили всегда толпой, внушая местным опасливое уважение. Короче, им волноваться было вроде как незачем.

И все же молодого редактора положение дел в Белогорске угнетало и возмущало. Это возмущение, помноженное на кипучий темперамент мексиканского пистольера, требовало немедленного выхода. И тут к месту подвернулся чей-то редакционный день рождения. А день рождения в военной редакции, надо вам сказать, – мероприятие масштабное, непредсказуемое и легко детонирующее. Так случилось и в этот раз. Подняв не один тост за славные боевые традиции бронетанковых войск, лейтенант Востроносков неожиданно предложил своему

небольшому, но очень личному составу: «Ребята, пора кончать с бардаком, который творится на вверенной нам территории!»

Хотя территорию Белогорска ни лейтенанту, ни тем более его ребятам никто не вверял, ватага дружно гаркнула: «Пора!»

«Действуем быстро и решительно!» – приказал редактор. – Излагаю план предстоящей операции...»

План оказался прост, как песня дворника Герасима. Десяток бойцов Востроносов переодел в летние танкистские костюмы, состоявшие из легкой черной куртки и такого же цвета штанов. В подобном одеянии, выйдя в ночь, человек сливался с окружающим пейзажем и становился невидимкой. Сам Валера решил идти прямо посередине широкой улицы, в то время как его команда, разделившись на две группы, сопровождала его по бокам, двигаясь уступом – пятерка слева, пятерка справа.

Операция «Танкисты в ночном» началась. Некоторое время лейтенант шествовал беспрепятственно, не встречая на своем пути ни единой души. Это его несколько огорчало. Доброе начинание оказалось под угрозой срыва. На счастье, внезапно из кустов к редактору двинулась неясная фигура, которая колыхалась на манер морских водорослей. Видение икнуло и произнесло: «Слышь, ты...»

Затем протянуло в направлении лейтенанта дрожащую руку, сжимавшую неопознанный предмет.

«Стоять!» – рыкнул на фигуру лейтенант.

На местном диалекте эта команда, видимо, означала нечто совершенно противоположное, поскольку колеблемый ветром незнакомец шуганул в кусты. Сотоварищи Востроносова мгновенно настигли злоумышленника, и громадный белорус по фамилии Стерх дал ему такого пинка сапожком сорок шестого размера, что полет таинственного объекта смогла остановить лишь стена близстоящего здания рабочей столовой.

«Не бейте, я свой!» – жалобно заскулило создание, стекая со стены.

«Я тебе покажу "свой"! – откликнулся редактор доблестной газеты. – Если свой, зачем на людей с оружием бросаешься?»

«Какое оружие? – всхлипнул мужичонка. – Я хотел спросить, нет ли чего, чтобы бутылку открыть...»

В доказательство своих слов жертва вечерняя продемонстрировала упомянутую бутылку какого-то дешевого пойла. По странной случайности сей сосуд благополучно пережил длительный полет и приземлился в полной сохранности.

«Ну, тогда живи пока», – разрешил добрый Востроносов.

И операция продолжилась.

Кульминация не заставила себя долго ждать. Вскоре на пути одиноко бредущего лейтенанта возникли три зловещие фигуры. Вернее, они кучковались чуть в стороне, у отдельно стоящего фонарного столба с тусклой лампочкой, которая судорожно пыталась выдавить из себя поминальный свет.

«Эй, ты, литер!» – грозно приветствовали редактора злодеи.

«Чего надо?» – коротко отрезал лейтенант.

«Борзеешь, рожа автоматная? Иди сюда, тебе сказано!»

Востроносов неторопливо подошел.

«Дальше что?» – спросил он главного злодея, парня лет тридцати со съехавшим набок носом. Парень был в серой рубашке, расстегнутой до пупа. На его не слишком могучей груди красовался перекошенный парусник и надпись «Люби, товарищ, волю».

«А дальше тебе кирдык», – радостно пояснил нехороший парнишка. И сделал шаг вперед.

Лейтенант Валера даже не успел произнести условную фразу, которая должна была послужить знаком для его летучего отряда. Черные тени возникли сразу со всех сторон, словно сумрачные ангелы смерти. Кирдычных дел мастера оцепенели от неожиданности.

«Вы чего, пацаны? – растерянно произнес наконец любитель воли. – Не, в натуре...»

Мрачные пацаны молча скрутили всю троицу и неторопливо обыскали. В качестве боевых трофеев были извлечены нож столовый обыкновенный, нож перочинный «Белочка», кастет и свинцовая гирилка весом пятьсот граммов.

«Вы че, волки? – загундосил расписной главарь. – Кто вам дал право здесь шмон устраивать? Да вы знаете, кто я такой?»

Впрочем, было ясно, что таинственные тени о нем не только ничего не знают, но и не стремятся узнать. Охотник на заплутавших лейтенантов оказался в полной непонятке. Что за люди? Зачем в странной черной форме? Почему без погон? Все это пробуждало в его пустынной голове первобытный страх неандертальца перед таинственными тенями, пляшущими на стенах пещеры.

Между тем явно повеселевший Валера Востроносов начал входить в роль.

«Ну-с, господа бандиты! – сурово обратился он к злодеям. – Разрешите представиться: командир специального подразделения по уничтожению особо опасных уголовных элементов на территории Дальневосточного военного округа. Согласно секретному приказу министра обороны за номером ноль семьсот девятнадцать, лица, признан-

ные виновными в попытке нападения на офицерский состав Вооруженных Сил Советского Союза, подлежат физическому устранению непосредственно на месте преступления. Приказ подписан Верховным главнокомандующим двадцать третьего июня сего года и действует на территории всей страны».

«Ты чего, лейтенант, за фраеров нас держишь? – возмущенно дернулся невысокий хулиган с волосами, которые росли клочьями, как саксаул в пустыне. – Как это “физическое устранение”? За что? Мы тебя пальцем не тронули!»

«Не успели, – уточнил командир спецподразделения. – Улики налицо. После исполнения приговора они будут приобщены к делу».

«Какого приговора?! У нас суд приговоры выносит!»

«А у нас – особое совещание. Слышал про такое? Вот сейчас посовещаемся – и за дело. Время не терпит. Не одни вы у нас такие. Мы и так план по валу не выполняем...»

На радость Валере, сержант Стерх захватил с собой хороший отрезок веревки – чтобы при случае вязать преступный элемент. Случай представился. Но веревку Востроносов решил использовать по другому назначению.

«Стерх, – сказал он к сержанту, – чего вы ждете? Веревка при вас?»

Верзила-белорус оказался парнем смекалистым. Он подхватил тему с полоборота.

«Так ведь, товарищ лейтенант, нужно ветку крепкую выбрать».

«Выбирайте, но поживее! Клиенты киснут...»

Злыдень с парусником на груди понял наконец, что братва не шутит. Вполне серьезная братва. К тому же с веревкой.

«Ребята! – взмолился он. – Ребята, не губите! Мы же русские люди, ну так же нельзя! У меня дети, жена дома ждет!»

«Какие дети, какая жена? – отмахнулся Востроносов. – Что ты мне втираешь? У таких уродов, как ты, детей нет и быть не может. Вам закон плодиться запрещает. А жене мы сразу сообщим по месту жительства. Чтобы не волновалась. Мол, все в порядке, ваш муж повешен».

«Нашел! – вдруг заорал сержант Стерх. – Нашел ветку!»

«Что ты вопишь? – недовольно одернул лейтенант. – Людей разбудишь. А им завтра в первую смену. Нашел – перекидывай веревку».

Здоровяк быстро исполнил приказ. Черные люди поволокли подлых татей к лобному месту. И тут случилось не то чтобы совсем неожиданное, но не предвиденное бойцами событие. Как только парень в серой рубашке увидел у себя перед носом свисающую петлю, что-то в нем надорвалось. В воздухе повеяло ароматами общественного клозета.

«Товарищ лейтенант, он обделался!» – удивленно отрапортовал Стерх.

«То есть как – обделался? Кто позволил?»

«Да вот так – навалял полные штаны! Я его в таком виде вешать не буду».

«Жаль, – разочарованно протянул Востроносов. – Ни в какие ворота. Хлипкий народ. А еще, говорят, потомки ссыльных декабристов. Вот то люди были! Их вздернули – они и не мякнули».

«Так что делать? Может, расстрелять к чертям собачьим?»

В ночи прозвучал какой-то странный треск, а следом – надрывающее душу тихое подвывание.

«Еще один урсался, – сообщил верстальщик Ваня Копылов. – Не, это уже неинтересно».

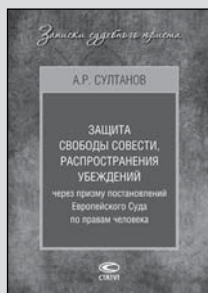
«Да, ситуация нештатная, – согласился лейтенант Валера. – Ну их на фиг. Пора передавать эту сволочь в железные лапы правосудия. Копылов, бери пару ребят и шуруй к ближайшему телефону. Вызовешь милицию, объяснишь что к чему. Пусть они нюхают, там народ привычный».

Стражи правопорядка откликнулись на редкость оперативно. Вернее, страж оказался в единственном числе. Он прикатил на дребезжащем мотоцикле «Урал» с большой самодельной коляской, которая больше напоминала корыто для навоза. Сам милицейский старшина смахивал на торговца из мясных рядов, чье призвание – разделявать телячьи туши легким взмахом топора. Для начала он связал подаренной веревкой парочку злыдней, превратив их в сиамских близнецов. Затем свернул этих близнецов в бараний рог на манер солдатской скатки и засунул куда-то глубоко в нутро своего жестяного корыта так, что наружу выглядывали только их головы, жадно хватавшие воздух, словно голодные кукушата. Следом старшина умудрился впихнуть в ту же коляску третьего уголовника, слегка утрамбовав его заботливой ногой.

«Ну, прощевайте, хлопцы, – бодро сказал милицейский Гудини героическому спецназу. – Заскочите завтра, бумаги составим по всей форме. Не горюй, соколики!» – ласково подбодрил он навозное содержимое коляски, и мотоцикл с дребезгом скрылся во тьме.

...Не ведаю, каким уж образом, но весть о моем «черном спецназе» быстро разнеслась по всему Белогорску и окрестностям, – завершил свою историю Валерий Макарыч. – С той поры население относилось к танкистам с любовью и нежностью. Вот тебе, старик, и воспитательное значение смертной казни. Какая уж тут, етит его, Европа...

А. Р. Султанов
**Защита свободы совести,
распространения убеждений
через призыв постановлений
Европейского Суда по правам человека**
М.: Статут, 2013. 544 с.

Эта книга, написанная опытным юристом-практиком, не только поднимает проблемы, но и дает пути их решения. Проблемы, поднимаемые в книге, рассмотрены через конкретные судебные дела, в том числе те, которые вел сам автор, что делает чтение книги увлекательным. Автор, тщательно анализируя проблемы, сопоставляет правоприменительную практику с практикой Европейского Суда по правам человека. Анализ применимого законодательства осуществлен с изучением выступлений депутатов, с учетом мнений научной общественности, экспертов, практиков. Рассматривая современную практику ограничения свободы совести и распространения убеждений посредством применения антиэкстремистского законодательства, автор проводит сравнительный анализ с цензурным законодательством Российской империи. Одним из главных направлений книги является рассмотрение принципа «должной правовой процедуры». Автора отличает глубина проработки материала и легкость стиля. Книга написана для самого широкого круга читателей – для всех, интересующихся вопросами свободы убеждений, правами человека; она может быть полезна не только тем, кто изучает вопросы применения Европейской конвенции о защите прав человека в ходе научной работы и в рамках получения образования, но и депутатам, правоприменителям – прокурорам, судьям, а также тем, кто профессионально занимается защитой прав и свобод человека.

Борис Копылков

Ментовский беспредел. Взгляд изнутри и снаружи

Моя цель – познакомить читателя с основными видами незаконных действий и преступлений, совершаемыми сотрудниками правоохранительных органов с целью фабрикации уголовных дел, а также способами защиты и противодействия.

Практически любой человек в любой момент может попасть под ментовскую раздачу, и, как правило, многие из нас оказываются совершенно неподготовленными. Отсюда ошибки, за которые иногда люди расплачиваются годами, проведенными за решеткой.

От поведения человека в день ареста, а также в первые дни и недели заключения зависит очень многое в его дальнейшей судьбе. Поэтому, я думаю, что мой опыт будет полезен для людей, которые попадут в такой переплет. И я считаю необходимым поделиться этим опытом.

Я родился в 1964 году в Челябинске и вырос в благополучной интеллигентной семье. До 1991 года, за исключением инспекторов ГАИ, вообще не сталкивался с властями. В конце 80-х открыл с друзьями кооператив, и мы начали возить из Польши парфюмерию.

Все было хорошо до 1 февраля 1991 года, когда нас взяли на вокзал, где мы встречали поезд, которым через Москву нам везли товар из Польши.

Милиция подготовилась тщательно. Брала нас бригада из ментов и кагэбистов. Брали грубо, тыкая пушками в спину, хотя никто из нас и не думал оказывать сопротивление. Телевидение уже было наготове. Снимали товар, который перевозился в поезде, а также обыск у меня на квартире.

Нам повезло, что в отделение нас вели вместе и этого времени хватило, чтобы договориться: якобы я один – владелец всего товара, а они мне по-дружески помогают. Хотя никто из нас не сидел, мы интуитивно поняли, что так будет лучше. В немалой степени благодаря этому

я провел в СИЗО чуть более 7 месяцев и вышел на свободу, а никто из моих друзей вообще не сидел.

Честно сказать, в тот момент я особо и не беспокоился, считая происходящее мелким недоразумением. Товар в СССР ввозился официально, таможенные пошлины уплачены, и я полагал, что вскоре все разрулится. А моя самая большая ошибка заключалась в том, что я ментов считал за людей, я не мог даже представить себе, кто они такие на самом деле.

Серьезность положения я ощутил только во время обыска на моей квартире. Я тогда был несколько месяцев как женат и жил с женой в квартире моих родителей в отдельной комнате. В квартире во время обыска побывали штук двадцать ментов и кагэбистов.

Меня доставили в отделение транспортной милиции. В тот же вечер я был помещен в КПЗ и там провел трое суток перед отправкой в СИЗО.

Весь день до самой ночи были допросы. На следующий день с раннего утра они возобновились. Состояние у меня было просто шоковое, всю ночь я не спал. Мне казалось, что все это происходит не со мной. Единственная хорошая новость заключалась в том, что всех моих друзей отпустили, взяв с них подписку о невыезде. Дело возглавлял старший следователь по особо важным делам майор Скачков. О нем стоит написать несколько слов.

После освобождения я навел о нем справки. Скачков Владимир Викторович родился в Магнитогорске в 1954 году в неполной семье. Его мать злоупотребляла алкоголем, несколько раз принудительно лечилась и была неразборчива в сексуальных связях. Таким образом, отца своего Вова не знал. Да и его мать вряд ли это знала. По окончании восьмилетки и ГПТУ, которое он кое-как закончил по причине природной тупости, Володя пошел в армию. После армии он понял, что поступить в институт не сможет, а пахать на заводе не хотелось. Естественно, единственный выход был – это милиция. Благо в те годы немного было желающих там работать, да и челябинская прописка оказалась кстати.

После соответствующих курсов Владимир попал в УВД на транспорте. Как упоминалось ранее, Скачков был туп по природе, и вскоре и начальство, и его сослуживцы об этом узнали. Ни о каком продвижении по службе и речи не было, и он сам это прекрасно понимал. В личной жизни он тоже не преуспел, так как был к тому же косноязычен, не мог поддержать ни одного разговора и, кроме пьянок, его ничего в жизни не интересовало.

Но годам к тридцати ему улынулась удача в виде жены. Татьяна была вдовой генерала, на 12 лет старше Вовы и работала в том же УВД

в звании подполковника. Татьяна решила сделать из него офицера, и ему пришлось поступить в юридический институт в Свердловске и учиться там заочно.

Карьера Скачкова резко пошла в гору. Он получал звания одно за другим и вскоре стал майором и следователем по особо важным делам.

В работе Скачков руководствовался принципом Андрея Вышинского «признание – царица доказательств». УВД на транспорте, где он работал, курировало железнодорожный вокзал, одно из самых криминогенных мест города. Когда попадался какой-нибудь ханыга, например, за драку, карманную кражу или хищение чемодана, Владимир поступал следующим образом. В первую очередь задержанного допрашивали на предмет выяснения личности. Если он оказывался бомжом, многократно судимым и не имеющим родственников, для Скачкова это была удача. Сначала он добивался признательных показаний. Затем кормил и иногда поил водкой задержанного, убеждая того взять на себя другие кражи. Если последний был многократно судим, родственные связи утеряны, а большая часть жизни прошла за решеткой, то ему было не так уж важно, сколько эпизодов ему впаяют. Так Скачков «раскрывал» преступления и добивался высокого уровня раскрываемости.

В начале следствия, когда я еще находился в КПЗ, Скачков пытался по-хорошему уговорить меня сделать признательные показания. Его особенно интересовало, как проходила оплата за полученный в Польше товар. Это было единственное тонкое место в моем деле, но никаких доказательств против меня не было. Следак показывал мне статью УПК о том, что чистосердечное признание смягчает вину, говорил, что лично он мне симпатизирует и хочет помочь, может оформить мне явку с повинной и т.д. Но вскоре, поняв, что эти методы не работают, перешел непосредственно к угрозам. Но об этом позже.

Я твердил свое, что ни в чем не виноват, и никаких чистосердечных признаний писать не собирался. Поэтому вскоре начались ментовские «примочки». Первую ночь я был в камере один, а вечером следующего дня ко мне подсадили молодого парня по имени Павел. Понять, что он «наседка», не составило большого труда. Паша сказал, что его задержали по подозрению в какой-то краже, которую он не совершал. Якобы его уже двое суток держали в другой КПЗ, а теперь перевели в эту. Он уже сидел и все ментовские примочки знает, поэтому не сознается и уверен, что через день его отпустят. Он проявил чрезвычайный интерес к моему делу, а особенно к способу оплаты товара, что еще больше укрепило мои подозрения. Вечером моего со-

камерника вызвали якобы на допрос, откуда он вернулся с карандашом и листком бумаги.

Павел сказал, что ему якобы предложили написать чистосердечное признание и для этого дали бумагу и карандаш. Естественно, он никаких признаний писать на собирался, так как на следующий день заканчиваются 72 часа его задержания и он уверен, что его отпустят. Он также сказал, что может мне помочь, передав маляву моим друзьям или родственникам. Это еще больше укрепило меня в мысли, что мой сокамерник – «наседка». Но все же я решил это проверить. Я рассказал Паше, что якобы во время одной из поездок в Польшу я на несколько дней ездил в Германию и открыл там банковский счет. Это была липа чистой воды. В Германии я никогда не был. На следующий день, после того как Паша «освободился», Скачков мне радостно сообщил, что они провели ряд следственных и розыскных мероприятий, в результате чего им известны все подробности моего дела вплоть до поездки в Германию и открытия банковского счета. Что они уже и так все знают и мое признание им и не нужно. Но так как он искренне хочет мне помочь, он снова предлагает сделать признание и все рассказать. И если мои признательные показания совпадут с их оперативной информацией, то смягчение наказания мне обеспечено. А если не совпадут, то мне будет хуже. Ну а если я вообще откажусь сотрудничать со следствием, то все земные и небесные кары падут на мою голову.

При всем трагизме ситуации мне было просто смешно от такой тупости и грубой работы. Естественно, никаких признательных показаний я давать не стал. Но я тогда не знал, что основные ментовские «примочки» еще впереди.

В первый день пребывания в КПЗ меня допрашивали с небольшими перерывами почти целый день, и ближе к вечеру я был уже настолько измотан, что почти ничего не соображал. Мне казалось, что все это происходит не со мной. Этим моим состоянием воспользовались и развели меня. В этот вечер по незнанию я совершил одну из самых серьезных ошибок в своей жизни, подставив своего родственника – совершенно невиновного человека.

Дело было так. В один из моментов допроса следак вышел из кабинета якобы по вызову к начальству, оставив меня один на один с опером по фамилии Лешков, который играл роль «добротого» следователя. Понизив голос, он сообщил мне, будто бы следаку стало известно, что часть принадлежащих мне ценностей передана на хранение одному из моих родственников, и назвал его имя. Якобы он случайно подслу-

шал разговор следака с другим опером. У меня действительно был такой родственник, муж сестры моей матери. Это был тихий и скромный пенсионер, с которым я всегда поддерживал хорошие отношения, но общались мы редко, так, встречались по большим праздникам. Он не имел ни малейшего представления о том, чем я занимался.

И вот этот Лешков говорит, что может предупредить родственника, так как следак готовится проводить обыск в его квартире. Опер протянул мне ручку, оторвал клочок бумаги и сказал: «Давай, пиши быстро его номер телефона». Я в тот момент подумал, что мои близкие, опасаясь ментовских репрессий, передали моему дяде на хранение свои личные ценные вещи. И я по своей наивности действительно написал этот номер телефона.

Как потом выяснилось, Лешков написал рапорт начальству, что в ходе следственных действий он якобы выяснил, что мой родственник хранит у себя принадлежащие мне ценности. С помощью этого отвратительного трюка им удалось получить у прокурора ордер на обыск в квартире моего дяди, и этот обыск был вскоре произведен. Естественно, ничего там не нашли и не могли найти. Но в результате сильнейшего стресса пожилой и больной человек попал в больницу с инсультом, где провел более недели.

Моего родственника уже нет в живых. Хотя прошло уже более двадцати лет, мне до сих пор стыдно за свой дурацкий поступок. Я абсолютно уверен, что, если бы в 1991 году я имел хоть немного информации, что такое менты и милиция, я б так не поступил. Поэтому если моя статья поможет хоть одному человеку, то я не зря тратил время на ее написание.

Но вернемся в февраль 1991-го. Мои друзья на свободе не сидели сложа руки и нашли мне хорошего адвоката, который посетил меня на следующий день после моего задержания. Перед его визитом меня вызвал следак на очередной допрос и как бы между прочим сообщил, что какой-то адвокат хочет со мной встретиться. Следак и два опера всячески пытались меня убедить, чтоб я от него отказался, приводя разные доводы, многие из которых противоречили друг другу. Например, сначала они говорили, что дело у меня пустячное и суд мне много не присудит (естественно, при условии сотрудничества со следствием). Потом вдруг мое дело становилось таким безнадежным, что уже никакой адвокат не поможет. Предлагали воспользоваться бесплатным адвокатом, которого они якобы уже собирались мне предоставить, и тем самым сэкономить деньги друзей и родственников. И так далее. Но я не согласился и, как потом выяснилось, решил этим свою

судьбу, так как без адвоката я бы не вылез из той передраги. Николай оказался не только толковым адвокатом, но и прекрасным человеком. После моего освобождения мы подружились, и до сих пор я считаю его своим другом.

Через несколько дней после ареста меня перевели в СИЗО. Там против меня применили «тяжелую артиллерию». Минуя положенный по закону карантин, я попал в «пресс-хату». Камера, куда меня привели, была рассчитана на четырех человек, а я был уже пятый. Там были два первохода, одного, с погонялом Механик, я немного знал по воле, и два заходника (ранее судимые). Естественно, рулили там заходники, особенно один из них по имени Анатолий. Поначалу ничего не предвещало подвоха. Встретили меня довольно дружелюбно, объяснили общие правила поведения и отношений. Я немного расслабился, постепенно отходя от шока ареста. Правда, даже в первые дни я заметил, что заходники, а особенно Толя, проявляют слишком большой интерес к моему делу.

Менты тоже не оставляли меня своим вниманием, допрашивали меня в СИЗО почти каждый день. Самое интересное, что следак почти всегда приезжал вместе с опером Кузовлевым. Бывало, что во время допросов опер выходил из комнаты и отсутствовал 15–20 минут. И вдруг я заметил одну странную вещь. Никого из моих сокамерников-первоходов на допросы не вызывали. В то же время заходников, а особенно Анатолия, вызывали очень часто. И самое интересное – его на «допросы» вызывали или до меня, или после. Как только Толя возвращался с «допроса», вызывали меня, или наоборот. Более того, его «допросы» были очень короткие, а один раз вообще минут 5–7. Когда я поинтересовался у него, как такое может быть – ведь для того, чтоб пройти от камеры до следственных комнат, необходимо около 5 минут в одну сторону, мой сокамерник ступешевался и сказал, что следак допрашивал его в комнате «кума» (начальника оперчасти тюрьмы).

Стало ясно, что Толя и Юра (второй заходник) – «наседки». Чтоб окончательно убедиться в этом, я проделал тот же трюк, что и в КПЗ. Рассказал Толе «по секрету» какую-то несуществующую хрень, и уже на следующий день следак об этом знал, с гордостью выдавая это за «блестящие» результаты розыскной работы.

Через некоторое время менты поняли, что по-хорошему от меня ничего не добиться, и поменяли тактику. Скачков стал в открытую меня запугивать, угрожая арестом жены и родителей, если я не сознаюсь. В камере ситуация тоже изменилась. Обе «наседки» просто требовали, чтоб я все рассказал про свое дело и давал следаку признательные

показания. Все это я изложил своему адвокату. Николай сказал, что незаконно помещать первоходов в одну камеру с заходниками и он подаст жалобу в надзорные органы, со временем меня переведут в другую камеру, но это произойдет не сразу.

Я был в патовой ситуации. Во-первых, «наседок» было двое, и довольно здоровых, а оба первохода занимали нейтральную позицию. Во-вторых, шок от всего происшедшего еще не прошел. Таким образом, противостоять этим тварям я не мог, а на чью-то помощь в камере рассчитывать не приходилось. Я прекрасно понимал, что дать действительно признательные показания – это подписать себе приговор и перечеркнуть свою жизнь. Но и характера Зои Космодемьянской у меня нет!

Я попытался сопротивляться требованиям «наседок», но был избит и предупрежден, что в случае отказа буду опущен. Я в этот вечер сослался на полученные побои (была разбита губа и пара синяков) и обещал написать признания на следующий день. Всю ночь я не спал, просчитывая варианты, но под утро меня осенило. Я считаю, что я тогда чисто интуитивно принял единственно правильное в той ситуации решение.

Я сделал вид, что сломался, и начал давать «признательные» показания. Сначала в камере, а потом и следаку. Менты и «наседки» несказанно обрадовались. Во время допросов опер Кузовлев постоянно выходил из комнаты свиданий и, возвращаясь, уже не скрывал «наседок». Один раз он спросил по поводу одного эпизода, почему я говорю так, ведь вчера в камере говорил другое. В общем, все маски уже были сняты.

Но, как вы уже, наверное, догадались, я гнал туфту, которая на мое счастье и благодаря тупости ментов и «наседок» не была вовремя распознана. Вот несколько примеров моих перлов. При аресте у меня была изъята записная книжка с адресами и номерами телефонов разных людей. Там был номер телефона одного парня из Красноярска, у которого я когда-то, не попав в гостиницу, переночевал за умеренную плату. Ментам и «наседкам» я «признался», что покупал у него большие партии ювелирных изделий из золота, которое потом переправлялось в Польшу.

Был в блокноте также телефон какой-то женщины из Ленинграда. Я уже не помню, при каких обстоятельствах с ней познакомился. Ментам я «признался», что приобретал у этой женщины крупные партии валюты (тогда за это была статья), которая тоже потом переправлялась в Польшу в оплату за полученный товар.

Также был упомянут в моих «признательных» показаниях один парень из нашего города, который вообще не имел никакого отношения

к моим делам и с которым я незадолго до ареста поссорился. Даже очная ставка с ним была. После освобождения я его нашел, извинился и предложил материальную компенсацию за моральный ущерб. Этот парень сказал, что все понял с самого начала, и от денег отказался.

Менты и их «наседки» очень радовались. Я выиграл время, так как менты с «наседками» после моих показаний ослабили пресс, и через некоторое время я был переведен в нормальную камеру к таким же первоходам, как и я сам. Как потом выяснилось, и жалоба, поданная адвокатом, была рассмотрена, и мои друзья сумели выйти на «хозяина» (начальника тюрьмы). Он вызвал меня к себе и, когда я ему рассказал, что сокамерники заставляли меня писать признательные показания, заверил, что это больше не повторится. Когда меня уводили из его кабинета, я слышал, как он вызвал «кума», который по просьбе ментов и организовал мне пресс-хату.

В новой камере никто, естественно, не интересовался моим делом, и я жил спокойно. Это мне позволило собраться с мыслями и совместно с адвокатом, который меня периодически навещал, продумать стратегию дальнейшей защиты.

Забегая вперед, могу сказать, что в моем деле не обошлось без курьеза. В конце следствия во время ознакомления с материалами уголовного дела присутствовали и мой адвокат, который тоже делал необходимые выписки из дела, и следак. Когда я нашел в документах факты, подтверждавшие, что из-за моих «признаний» этот дурень-следак действительно ездил и в Красноярск, и в Питер, и в Польшу, а также провел кучу допросов людей, не имеющих к моему делу никакого отношения, меня разобрал смех. Я сказал адвокату (естественно, в присутствии следователя Скачкова): «Как жаль, что у меня нет знакомых ни на Камчатке, ни за полярным кругом, где-нибудь в Анадыре. А то я бы дал еще признательные показания и наш друг Скачков и туда б прошвырнулся». Адвокат засмеялся в ответ, а Скачков аж позеленел от злости.

Но вернемся назад. Оказавшись в нормальной хате, я, естественно по рекомендации адвоката, написал жалобу в прокуратуру на незаконные действия Скачкова. Также я написал отказ от всех выбитых у меня показаний. Я наивно полагал, что основные проблемы позади, и пару недель жил спокойно. Однако следак устроил мне очередную подляну. Поняв, что в этой тюрьме ему меня уже не достать, он добился моего перевода в тюрьму Златоуста (около 160 км от Челябинска), мотивируя это тем, что я якобы подкупил охрану челябинской тюрьмы и мешаю следствию, из тюрьмы оказывая давление на свидетелей.

Но я это узнал потом. А тут ранним утром мне объявляют обычное в таких случаях «с вещами на выход», и после нескольких часов в «сборке» я уже еду в «столыпине» в направлении Москвы, абсолютно не понимая, что происходит и зачем. Повезло, что в «столыпине» попался нормальный конвойный, и я у него узнал, что конечный пункт моего путешествия – Златоуст. Я более-менее успокоился – все-таки недалеко от дома.

Естественно, мой адвокат подал жалобу в прокуратуру и добился моего перевода в Челябинск. Правда, следак подал встречную жалобу, не желая моего перевода в ту же тюрьму, так как там он уже не мог оказывать на меня незаконное давление. Кончилось тем, что меня перевели обратно в Челябинск, но в другую тюрьму. Там Скачков вместе со своим опером продолжали свои игры, но я уже был с опытом и умел им противостоять.

Также примерно в это время я начал систематически писать жалобы на следака в прокуратуру, благо поводов для этого было достаточно. Сначала я их писал полностью под диктовку адвоката Николая, затем начал добавлять свое, а вскоре мог уже делать это самостоятельно. Николай посещал меня примерно раз в неделю, и вскоре на встречу с ним я почти каждый раз приходил уже с готовой жалобой на следака, хотя тот уже долго у меня не появлялся. Мы использовали правильную тактику, не выкладывая в одной жалобе все претензии, а растягивая «удовольствие». Как потом выяснилось, по каждой жалобе этот тип приходил к прокурору и давал письменные объяснения. За все время следствия было подано более 25 жалоб по разным поводам.

Я могу также добавить, что, общаясь с сокамерниками (а за время следствия я побывал в разных хатах, так как во второй тюрьме постоянно тасовали заключенных), я понял, что ментовской беспредел в то время был довольно распространен. По крайней мере все, с кем я общался, говорили, что менты их запугивали и угрожали во время следствия. Поэтому я стал помогать сокамерникам писать жалобы в прокуратуру. Так как я не вникал в подробности их дел, чтоб не попасть под подозрение, почти все эти жалобы касались ментовских угроз и их незаконного давления на подсудимых.

Как я уже писал, в конце следствия было ознакомление с делом, которое продолжалось более месяца, так как этого дела было три тома. Естественно, все было сфабриковано, причем настолько грубо и примитивно, что адвокату удалось все эти обвинения разбить – многие даже до суда – при помощи жалоб в прокуратуру.

В это время произошла попытка государственного переворота (ГКЧП), неудачная, на мое счастье. Я помню, как 19 августа, на следующий день после обращения Янаева, «мусор» пришел радостный, аж светился как медный таз. Он мне заявил: «Ну вот видишь, советская власть возвращается. Скоро мы будем тройками судить без адвокатов, вот тогда и посмотрим кто кого».

Через пару дней, когда демократия победила, он пришел уже совсем с другим настроением. Сам предложил мне написать на его имя заявление с просьбой убрать из обвинительного заключения статью 93-1 («Хищение в особо крупных размерах»). Посоветовавшись с адвокатом, я так и поступил, и эта статья была убрана. Когда я с усмешкой спросил: «Почему ты именно сейчас решил убрать эту статью, а не пару дней назад?» – Скачков мне ничего не ответил.

Когда мы с адвокатом закончили знакомиться с делом, оно было передано в прокуратуру. Николай написал туда жалобу и был на приеме у прокурора. Прокурор понял, что все дело сфабриковано и перспективы не имеет. Он исключил из обвинения еще пару статей и изменил мне меру пресечения на подписку о невыезде. Забегая вперед, хочу отметить, что прокуратура даже не прислала на суд своего представителя поддерживать обвинение. На суде, который состоялся примерно через пару месяцев, мне тоже повезло. Судья быстро поняла всю несостоятельность обвинений. Единственная статья (даже не помню ее номер), по которой мне не удалось отвертеться, – недоплата налогов. Когда мы ввозили духи из Польши, мы их декларировали на таможне как туалетную воду, чтоб уменьшить пошлину. Тогда по этой статье максимальное наказание было один год лишения свободы. Естественно, я был осужден по этой единственной статье и приговорен к семи месяцам и шести дням лишения свободы, то есть к тому сроку, который я уже отсидел.

После вступления приговора в силу, менты вернули все конфискованные вещи (видик, телевизор, ювелирные украшения и т.д.). Вскоре нам с адвокатом удалось вернуть весь товар, несмотря на очередные подляны, которые Скачков пытался мне устроить. В общем, можно сказать, что все кончилось относительно благополучно. Конечно, ушло несколько месяцев жизни, истрачены миллиарды нервных клеток и т. д. Но все могло закончиться гораздо хуже.

На основании собственного опыта я бы хотел дать несколько советов. Большинство из нас рассуждает так: «Я живу честно, никаких за-

конов не нарушаю, поэтому какое мне дело до ментов и их беспредела, это меня не касается и никогда не коснется». Крайне опасное и довольно распространенное заблуждение, которое разделял и я до тех пор, пока не попал в вышеописанный переплет. Когда у ментов всяк, им надо во что бы ни стало «раскрыть» его. Таким образом, любой человек в любой момент может попасть под ментовский пресс. Вспомните дело Чикатило. Сколько невинных людей было приговорено за преступления, которых они не совершали? Хочу особо подчеркнуть, что ни один мент не получил даже выговор за эти невинно загубленные и искалеченные судьбы. А всего по стране таких судеб сотни тысяч, а возможно, и миллионы. Так что не считайте, что вы исключение и вас это никогда не коснется.

Особая группа риска – люди, занимающиеся бизнесом или коммерцией, причем независимо от масштаба их деятельности. Любой человек, начиная от мелкого розничного торговца и заканчивая олигархом масштаба Ходорковского, может в любой момент попасть под раздачу.

В связи с этим я бы дал два совета. Во-первых, обзаведитесь на всякий случай хорошим адвокатом. Наверняка кто-нибудь из ваших родственников, друзей или знакомых знает такого. Пока ничего не случилось, необязательно заключать с ним договор и платить деньги. Просто узнайте его координаты и номера телефонов на всякий случай. Не помешает просто познакомиться с ним. Это ни к чему не обязывает. Во-вторых, постарайтесь создать материальный резерв для оплаты адвокатских услуг. Не храните эти деньги у себя дома или на своем банковском счете, так как менты при обыске скорее всего их изымут, а счета арестуют. Они сделают все, чтоб оставить вас без юридической помощи. Поэтому, передайте эти деньги на хранение кому-нибудь из ваших ближайших родственников или друзей и проинформируйте их, для какой цели они предназначены.

Следующее опасное и не менее распространенное заблуждение – будто бы «менты – тоже люди». Когда человек впервые попадает в переплет, он думает так: «Это случайное недоразумение. Я ни в чем не виноват, так что вскоре правоохранительные органы во всем разберутся и меня отпустят». Как правило, на момент ареста менты уже четко знают, какие статьи будут «шить» человеку и на что его «крутить». Также они понимают, что эффект внезапности имеет огромное значение для фальсификации уголовного дела и для деморализации «подозреваемого». Поэтому, как я уже писал, в первые дни следствия очень многое зависит от самого человека.

Отдавайте себе отчет: если вас арестовали (именно арестовали, а не задержали), то это всерьез и, возможно, надолго. В первую очередь вам необходимо как можно скорее связаться с вашим адвокатом. Самое умное в этой ситуации – заявить, что вы отказываетесь давать показания без *вашего* адвоката. Ни в коем случае не соглашайтесь на бесплатного, которого наверняка вам предложат. В лучшем случае такой адвокат просто ничего не будет делать. В худшем – это еще один следак. Помните: по закону вы имеете право на выбранного вами адвоката и ни под каким предлогом вам не имеют права в этом отказать.

Достаточно распространенным является представление: «Я невиновен, и это очевидно, поэтому мне не составит труда доказать это сотрудникам правоохранительных органов. Это только вопрос времени». Не питайте иллюзий. Менты хоть и не отличаются умом и сообразительностью, но они ж не полные дебилы. Они прекрасно понимают, что вы невиновны. Но им нужна раскрываемость. Поэтому ваши интересы диаметрально противоположны. Чем больше людей будет осуждено, чем тяжелее статьи, тем лучше будут ментовские показатели. И они сделают все, чтоб этого достичь.

Их методы не отличаются большим разнообразием. Про «доброе» и «злое» следователя, я полагаю, знают все. Тем не менее это часто срабатывает. Кроме того, они любят вести так называемые «беседы по душам». Они могут задавать вроде бы невинные вопросы, вести себя доброжелательно, сочувствовать арестованному, тем самым притупляя его бдительность. Могут угостить сигаретой, предложить чая. Не ведитесь на это. Они хотят одного – причинить вам максимальное зло. Лучше всего вообще не отвечайте на вопросы без адвоката. Не стесняйтесь многократно повторять ваши требования в отношении адвоката. Отделение милиции, а тем более КПЗ или СИЗО – это не место для дружеских бесед о жизни, и будет лучше, если вы так прямо и заявите.

Еще одним приемом являются паузы. Этим приемом они, как правило, пользуются во время допросов без адвокатов. Следак вдруг перестает спрашивать и начинает либо читать какие-то бумаги, либо делать вид, будто чем-то очень занят. Возникает пауза, которая действует на нервы арестованному, и тот, пытаясь ее заполнить, начинает говорить сам. Это ошибка. Лучше всего просто отвернуться в другую сторону и молчать. По возможности следует своим видом демонстрировать спокойствие и уравновешенность.

Одним из главных методов является для них принцип «разделяй и властвуй». Об этом я бы хотел рассказать поподробнее. Метод заключается в стравливании друзей, супругов, коллег по работе, родствен-

ников и т.д. с целью получения от них информации и нужных показаний. Исходя из своих наблюдений, могу сказать, что этот прием достаточно эффективный и часто срабатывает. По крайней мере, в 90-х годах прошлого века, когда еще не было мобильной связи, это использовалось очень часто и довольно успешно. Со мной это не сработало, но, общаясь со многими сокамерниками, я понял, что очень часто бывшие коллеги по бизнесу, супруги и просто близкие люди поддавались на эти провокации и начинали топить друг друга.

Например, подозреваемому менты говорят: «Вот ты тут сидишь, а мы узнали, что твоя жена/подруга гуляет направо». Жене они же сообщают, что ее муж якобы сообщил им, что у него есть несколько любовниц. Или, например, заявляют обвиняемому: «Ты тут в тюрьме паришься, а твои подельники на воле в кабаках гуляют и баб трахают. Зачем тебе одному за всех тянуть, дай на них показания, мы их тоже посадим, и все будет справедливо». В этот же день они могут говорить одному из коллег обвиняемого: «Твой бывший друг не хочет один париться, он тебя сдает с потрохами. Так что, если не хочешь получить срок, дай нам информацию и показания, которые мы сможем использовать против твоего бывшего друга. А тебе мы поможем».

Могут сообщить одному из подследственных про другого, что «он спал с твоей женой/подругой, обманывал тебя в делах, присваивая себе большую часть доходов, называл тебя всякими словами, планировал убить и т.д.». В 99 процентах случаев это наглое вранье. Не верьте ментам, как бы правдоподобно их вранье ни звучало. Помните главное: даже если допустить (особо подчеркиваю, что только допустить), что ваш коллега по бизнесу оказался полной сволочью, что он спал с вашей подругой, воровал у вас деньги, распространял против вас клевету, планировал вас убить и при всем при этом оказался еще и внучатым племянником Гитлера, все равно не давайте против него никаких показаний и не сообщайте о нем никакой информации. В ваших личных интересах пройти одному по делу. Пока вы арестованы, ваши единственные враги – следак и его подельники (члены следственной группы). Никакого другого ПОКА не существует!

Естественно, любому первоходу следак с важным видом сообщает о том, что чистосердечное признание смягчает вину и принимается судом во внимание, зачитывая соответствующую статью УПК. На этом моменте я останавливаться не буду. Я полагаю, что сейчас каждый школьник знает, что такое признание вину, может, и смягчает, но срок увеличивает стопроцентно.

Во время допросов даже в присутствии адвоката не расслабляйтесь и тщательно обдумывайте каждый вопрос и ответ, не стеснясь делать паузы. Отвечайте односложно: «Да», «Нет», «Не знаю». Используйте расплывчатые формулировки: «Я точно не помню», «По-моему, это было так», «Если я не ошибаюсь, то...» и т.д., чтоб потом можно было исправить на более выгодный для вас вариант. Когда вам дадут протокол допроса на подпись, тщательно проверьте, что все записано правильно. Не пожалейте времени на уточнения и дополнения в свою пользу.

Во время следствия постарайтесь минимизировать, а если возможно, вообще свести на нет все контакты со следком без адвоката. Если следователь приезжает в СИЗО, вас вызывают на допрос и вы видите, что вашего адвоката нет, сразу отказывайтесь отвечать на любые вопросы. Следак и опера сделают все, чтоб усыпить вашу бдительность и навязать разговор. Делайте все что угодно, но не поддавайтесь. Это трудно, так как вы находитесь в комнате, из которой вы не можете выйти без сопровождения. Скандальте, кричите, оскорбляйте ментов, чтоб сопровождающий сам зашел в комнату. Можете симулировать, что вам плохо и требовать врача. Как только кто-нибудь из работников СИЗО заглянет в комнату, немедленно требуйте доставки вас обратно в камеру под любым предлогом.

Другой вид ментовских уловок – это угрозы. Для получения от вас нужных показаний менты могут угрожать вам чем угодно: арестом жены, родителей, родственников, друзей и т.д. С одной стороны, если они так упорно добиваются ваших признательных показаний, это является хорошим знаком, как бы парадоксально это ни звучало. Это значит, что у них либо вообще нет никаких доказательств вашей вины, либо эти доказательства очень слабые. С другой стороны, в этих обстоятельствах вам необходимо быть предельно внимательным и готовым к ментовским провокациям. Помните: если бы менты могли сделать то, чем они грозят, они бы это давно сделали. Я помню, как один парень, возвращаясь в камеру после допроса, рассказал, что следак принудил его подписать признательные показания, показывая ордер на арест его родителей, подписанный прокурором. После подписания этих показаний, следак в присутствии этого парня порвал тот ордер. Знайте: ментам не составит труда сострять любой документ с целью запугивания.

Про ментовских «наседок» написано уже много. Тем не менее люди все равно попадают на эти уловки. В СИЗО человек испытывает информационный голод и непреодолимую жажду общения. Ему хочется с кем-то поделиться своими проблемами, чем и пользуются ментовские

информаторы. «Наседку» определить достаточно легко. Если в камере кто-то проявляет слишком высокий интерес к вашему делу, а тем более предлагает передать на волю малявы, то это стопроцентно «наседка». Чтобы избавиться от этих назойливых тварей, сообщите им дезинформацию. Напрягите фантазию, придумайте что-нибудь несуществующее и под большим секретом расскажите «наседкам». И от вас отстанут, по крайней мере временно, и «наседка» обрадуется, что отработала свой хлеб, и менты потратят время для проверки этой туфты.

Самая большая гадость, которую ментовские выродки могут подстроить, – это «пресс-хаты». Там уже, как правило, все маски сняты, и ментовские шестерки, выдающие себя за блатных, в открытую заставляют человека давать признательные показания и требуют полную информацию по его делу. В теории лучше всего в этом случае не давать вообще никакой информации и никаких показаний. Но это в теории, где все – герои и богатыри. В реальной жизни это очень трудно, так как обычно этих шестерок два-три против одного. Быть постоянно избитым – сомнительное удовольствие, да и проблем со здоровьем при этом не избежать, не говоря уже о нервных клетках. Поэтому я считаю, что в этом случае наилучший выход – это та же дезинформация.

Напрягите свою фантазию, выдумайте несуществующие эпизоды и выдайте их шестеркам и ментам, сделав вид что вы сдались и готовы идти в сознанку. По своему опыту могу сказать, что это не так сложно. Ведь эти шестерки, как правило, многократно судимые, провели за решеткой большую часть своей жизни. О жизни на воле они имеют довольно смутные представления, а в финансовых вопросах вообще не разбираются. Поэтому развести их не составляет большого труда. Менты не намного умней своих шестерок, так что заглотят и пустой крючок без наживки, как произошло в моем случае. Естественно, давайте только такие показания, от которых потом можно будет без труда откататься. То есть никаких реальных фактов туда вплетать нельзя.

Есть еще один момент, который в настоящее время значительно утратил свою актуальность в связи с развитием мобильной связи. Тем не менее предупрежден – значит вооружен. Во время вашего нахождения в СИЗО менты и их шестерки могут попытаться «развести на бабки» ваших родственников. Делают они это так. Кого-нибудь из шестерок на свободе (как правило, это опустившиеся алкоголики или наркоманы) посылают к вашим родственникам, чтобы он сказал: «Так, мол, и так, ваш сын в тюрьме проиграл в карты энную сумму денег. Если вы не передадите эту сумму со мной, его или убьют, или опустят». Естественно, в карты вы не играли и никому ничего не должны, но эффект

внезапности может сработать. Поэтому предупредите своих друзей, семью и родственников, что таких визитеров необходимо сразу отправлять куда подальше.

Одним из главных и эффективных антиментовских методов я считаю жалобы прокурору на следака и оперов. За время следствия мною и моим адвокатом было поданно более 25 жалоб по разным поводам. Естественно, по большинству из них следак отписывался, полностью отрицая свои незаконные действия. Но тем не менее по каждой из них ему приходилось идти к прокурору и давать письменные объяснения. По крайней мере одну ходку к прокурору в неделю мы с адвокатом ему обеспечивали. А это занимает время, которое он мог бы потратить на фабрикацию обвинений. В том, что на суд прокуратура не прислала своего представителя, немаловажную роль сыграли и поданные жалобы.

Причин и поводов у вас для жалоб будет предостаточно, так как без нарушений законов менты работать не умеют и не хотят. Не стесняйтесь усиливать и приукрашивать эти нарушения в своих жалобах.

Суммируя все вышеизложенное, я подчеркиваю главную мысль данной статьи. Как только вас арестовали, поймите, что это всерьез и не случайно. Ваша дальнейшая судьба в этом случае во многом зависит от вас и от вашего поведения. Будьте готовы к любым ментовским подлянам, описанным выше, и предпринимайте все меры для противодействия. Естественно, мои рекомендации – не панацея, но, возможно, помогут вам сэкономить нервные клетки, а возможно, и годы жизни.

Александр Хныков

Осколки

Мысли, как птицы

Он привык к маленьким комнатам. Когда младшему сыну понравилась его огромная комната с аквариумами и компьютерами, он с неожиданной радостью согласился поменяться. Перешел в соседнюю маленькую комнату. Тут легко дышалось от цветов, которые с заботливостью выращивала его жена. Казалось, что цветы любит она больше всего... Он невольно улыбнулся. Лежа в маленькой комнате, он смотрел на потолок. Кровать под ним была жесткая, по сравнению с той, на которой он спал еще вчера. Он любил вот такое одиночество, когда мысли, как птицы, метались в его мозгу, возвращая в разные годы его жизни. Он любил вспоминать свою жизнь. С каким-то трепетом переживал события и старался не расстраиваться и не думать о тех из них, что когда-то пугали. Так вроде бы незаметно в думках пришел и сон. И может, перемена места повлияла на сон. Он был о молодости. Какая-то камера. Какая-то пересылка. И он один в этом каменном мешке, и за окном с решетками идет дождь, и его могильная сырость проникает на нары. И он ежится. Потом, согревшись, свернувшись в клубок, он пытается уснуть в своем сне и не может... Проснулся. Чертова тишина! Чертова сырость! Чертовы воспоминания... Лежал с открытыми глазами. В комнате было тихо, и за окном шелестел дождь, будто бы сегодняшняя идущая реальность переплелась с той реальностью из сна его, с его воспоминанием о молодости.

Казалось, уйма времени канула в Лету, а оставила память эту камерную сырость в душе, как будто до конца его жизни приковав его во снах к тому пережитому им времени невзгод.

На севере

Ночью ударил мороз, и железные прутья локальных секторов колонии подернулись сединой инея, а неплотно прикрытая дверь барака

скрипела при малейшем порыве ледящего ветра. Предрассветный облик колонии как бы подчеркивал свою угрюмость и временность. В бараке царила обычная утренняя суета. Слышались отрывистые голоса, чей-то кашель и смех. Кто-то одевался, кто-то спешил в умывальник, а кто-то уже успел заварить чифирь. Как и в обычной жизни, приемычки брали свое, и эзки настраивались на очередной рабочий день.

Начался развод на работу. Кутаясь в телогрейки, эзки выстраивались в локальных секторах.

– Новый год! – притопывая, громко проговорил Серега и, быстро слепив снежок, ловко кинул в стоявшего впереди Махыча, но снежок стукнулся прямо в грудь коротконового, крепко сбитого мужика.

– Пацаны! За что вас сюда только сажают?! – нервно выдавил тот.

– Грудную клетку сломали тебе, Краб, – пошутил стоящий рядом с ним худой точно жердь ээк.

– Да ладно тебе, Деготь, – отмахнулся Краб, не желая портить отношения с бывалым ээком.

– Стройся, бригада! – пронеслось над сектором.

Деготь бросил окурочек на припорошенный бледный асфальт и пошел в строй.

Бригада под конвоем шла по узкой, заснеженной дороге. Гудел тревожно ветер в верхушках долговязых понурых елей. Хрупкий подмерзший снежок скрипел под ногами, напевая арестантам свою невеселую ежедневную песню. Вдали показались угловатые серые здания биржи. Длинная колонна эзков, точно засасываемая недрами лесного завода, вливалась в большие ворота. Деготь с облегчением вздохнул. В последние дни дорога до биржи навевала на него тоску, и лишь работа отвлекала от томительных переживаний. Прошлое толпилось в его мозгу и жаждало осмысления.

«Друзья накроют мой труп бушлатиком. На холм высокий меня взнесут. И закидают землей полузамерзшей. И тихо песню пропоют», – себе под нос, еле слышно продекламировал ээк.

Деготь медленно прошел в свой цех. Завывал за стенами ветер-непоседа, а в цеху остро пахло древесиной и прелью. Резко взревел мотор лесопилки, и, подхватывая его студящий кровь вопль, в голос одна за другой зарыдали, точно обиженные дети, на разные голоса пилорамы, оставляя от стволов деревьев одинаковые сочащиеся свежей смолой-кровью елей доски. Деготь закрыл глаза.

– Уснул?

Деготь открыл глаза и увидел стоящих перед ним приятелей Серегу и Махыча.

– Пацаны, после обеда зайдите ко мне.

Небо к обеду стало стылым и прозрачным. Ветер утих, и запорошенные цеха, притаившиеся среди окружающей пустоты, притихли. Деготь сидел на обрубке дерева между ровными штабелями дров. Подошли Серега и Махыч. Они втроем прошли к потайному закутку. Тут и распили бутылку водки. Заели хлебом, принесенным из столовой. Втроем выбрались из своего укрытия. Морозный воздух приятно горячил покрасневшие лица эзков.

– Ну вот и встретили Новый год загодя! – негромко сказал Деготь, и совсем по-волчьи сверкнули в свете одинокого фонаря у цеха его глаза, серые, полные тоски.

И что странно было для самого Дегтя, тоска эта была не о нем самом, что для него зона – привычка, а об этих пацанах, только начинающих свой скорбный путь.

Ночной разговор

Барак был погружен в тишину. В эти часы зоной правила тьма. Эзк был длинный, как свеча. И силуэт его в свете лампочки, которая светила от входа в отряд, не давал тени. Было слишком темно. Но этот эзк радовался темноте – это время ему нравилось. Он чувствовал себя хозяином этого времени. Он спокойно двигался по помещению, иногда облокачиваясь на спинки двухъярусных кроватей. Он был нетороплив, как усталый человек после работы. Наконец он нашел то, что искал. Остановился возле проходняка бригадира. Тихонько так пошевелил кровати, и они предательски заскрипели. Бригадир явно проснулся, но не подавал виду. Эзк снова пошатал кровати.

– Могила, что тебе? – чувствуя, что спящим не удастся притвориться, произнес бригадир.

– Слезай, – негромко сказал Могила.

Кличка ему была под стать. На лице его, крупном и бледном, было написано равнодушие.

Могила только недавно вышел из изолятора. Он, конечно, и днем мог договориться с бригадиром о выходах в рабочку – хотелось ему отдохнуть денек, – но ночью обычно Могиле было как-то сподручнее.

– Отдохнуть мне надо... – сказал негромко Могила.

– Нарядчик сейчас строгий, недавно с этапа пришел, поставили, все правила поменял, – стал обрисовывать проблему бригадир.

Был он низеньким, тощим, подслеповато щурился, глядя на возвышающегося возле его кровати Могилу.

Могила, точно не понимая слова бригадира, вяло произнес:

– Отдохнуть мне надо.

И зашатал кровати посильнее.

Бригадир скатился со второго яруса и стоял уже босиком на полу. Пол был холодным.

– Отдохнуть мне надо! – уже угрожающе сказал Могила.

И голос его был услышан.

К проходняку подошли несколько ээков. Впереди был невысокий, круглолицый усталый парень.

– Что за буза? – спросил вежливо он.

– Отдохнуть мне надо! – повторил угрожающе Могила, глядя своими выпученными глазами на незнакомца.

Назревало что-то нехорошее. Могила сделал шаг вперед к незнакомцу, но тут в свете лампочки сверкнуло лезвие ножа у одного из тех, кто стоял за незнакомцем.

– Это Дипломат, Могила. Из бура вечером его подняли, – тихо сказал кто-то из знавших Могилу.

И тот разом затих.

– Отдохнешь Могила, только шуметь не надо, – тихо сказал Дипломат.

Они ушли.

– Отдохнешь, – сказал бригадир, торопливо размышляя, что надо для этого сделать.

Черный кот

Он важно гулял по локальным секторам. Мяукал от одиночества. Почему-то в зонах коты живут недолго. Котята, невесть как попавшие в колонии, быстро уходят – чаще из жизни. Иногда их загрызают сторожевые псы, когда кошачье любопытство приводит их в запретную полосу.

Но именно эти животные наиболее верны в неволе хозяину и наиболее почитаемы хозяином, приносящим из столовой котенку лакомство, кусочек мяса или косточки рыбы.

Коты живут в неволе, но не размножаются – они так и уходят одиночками из жизни, точно в них вселяются неуспокоенные души страдающих людей, так и не сумевших обрести покой, и вот котами в следующем воплощении они и дальше несут какую-то свою кару.

Своего котенка Витька-цирюльник нашел именно возле столовой. Это был комочек запуганной плоти. Витька выходил его, и вскоре этот маленький комочек превратился в важного кота черного цвета. Но крыс

он не гонял, хотя они заглядывали в цирюльню, – вероятно, кот был сытым.

Витька освобождался вместе с черным котом, и на вахте сотрудники даже шутили:

– Ну, теперь, Витек, вы банда!

– Нельзя в колонии ничего оставлять своего, чтобы не вернуться, – резонно заметил Витька, и это сыграло свою роль – кота выпустили.

После серого асфальта локального сектора, среди зелени травы черный кот даже забеспокоился. Непросто было ему понять это новое свое ощущение воли – как, впрочем, и человеку.

Витька некоторое время стоял возле колонии, а потом пошел по дороге, ведущей от нее, а сзади него, точно черная тень, шел его кот.

Иногда Витька останавливался, чтобы вдохнуть в полную грудь воздух свободы. Тогда останавливался и его верный спутник.

Это было так интересно – умное поведение кота.

И не было у вчерашнего зэка такого уже сильного чувства неуверенности перед волей, которое есть всегда, когда человек будто переходит в другой мир.

Кот платил за доброту человека в полной мере своим поведением, своим соседством и своим будущим, которое, как и прежде, впрочем, зависело от этого долговязого, худого хозяина.

На маленьком пыльном автовокзале Витька сидел с котом на руках. Ждал автобуса. Какая-то бабушка спросила:

– Откуда такого глазастого везешь?

– Из тюрьмы, – совершенно искренне сказал Витька, и старушка невольно отодвинулась от хмурого мужчины с черным котом на руках.

Невдомек, конечно, было старушке, что такое одиночество в неволе и что такое для человека может значить молчаливый кот на зоне.

Кот проснулся: вначале открылись зелено-желтые наглые глаза, немного полежал – глаза так и стригут по углам комнаты; не торопясь поднялся, потянулся всласть. Прошел в уголок, отведенный под его столовую, – лениво ступая, как истинный хозяин... да он и есть теперь хозяин этой квартиры. В уголке блюдце с гранулами сухого корма и две мисочки – с водой и молоком. Погрыз гранулы, нюхнул молоко – прокисло, брезгливо похлебал водицы. Покончив с трапезой, уселся умываться, усиленно натирая лапой мордочку – хозяйка б умилилась: «Гостей намывает!»

Гости вчера были: племянничек хозяйки, двадцатидвухлетний детина, который не любил кота, норовил гаркнуть и пнуть, и кот его ненавидел, шипел и пытался кинуться, отчего детина робел и ретировался; кот чуял его трусливую душонку и прыгал вперед, грозно воя, но хозяйка хватала любимца на руки и оглаживала по вздыбленной на загривке шерстке: «Тише, маленький, ну!..» – и не шутя кричала на племянника: «Недоумок, не трожь кота!» Кот, злобно урча, постепенно успокаивался.

Но вчера племянник не один пришел к тетке – привел товарища своего, худого парня в черном пуховике: короткая стрижка, ввалившиеся серые глаза из глубины черепа хищно смотрят на мир; во рту, когда говорит или улыбается, видны зубы – желтые пеньки, чередующиеся с блеклыми рандолевыми фиксами. И запах от него... Коты лучше людей знают, кто чем пахнет, – запах его породил в сознании кота вид колонны людей, одинаково одетых и куда-то идущих, и кружку с черным чем-то вонючим, вроде того, что хозяйка пила несколько раз за день, но только гаже, – а этот человек с другими хлебал эту поганую жижу для увеселения, ибо его терзали лютая тоска и злоба всю жизнь. И той злобы запах учуял кот тоже и понял, что это запах человеческого хищника – мелкого, но опасного.

А этот хищник ничего в коте не учуял, с нетерпением поглядывал на небогатый старушечий стол, что накрывала хозяйка, добавляя к двум бутылкам с прозрачной жидкостью, гостями принесенной, картошку вареную, грибки в банке, сало с прослойкой... Племянник хозяйкины гыгыкал, тоже в нетерпении, пока не принял запотевшую стопку и первый тост сказал: «Ну, за братухино освобождение!» Кот сидел с хозяйкой рядом, на диванчике, та от сала отрезала мясные кусочки и ему давала.

Пришелец-хищник потянул было к нему руку худую, с одной стороны всю в каких-то разводах-рисунках, – кот отпрянул, зашипев. «Ну что ты?» – удивился гость. «Да не тронь его, дурака!» – это племянник сказал. «Ты сам дурак!» – осердилась захмелевшая хозяйка. «Ну ладно, мамка! – пришелец примирительно сказал. – Не в кипиш, кошак у тебя серьезный!»

И потекла беседа дальше. Кот не понимал ее смысла, но если бы и понял, она бы ему скучной показалась. Он поедая мясные кусочки – и звериным своим нутром чуял, как что-то неминуемое надвигается. А потом и услышал, и увидел: гости у хозяйки давай требовать чего-то, видно, хотели еще этой вонючей воды, что они выпили уже всю; а хозяйка, старуха захмелевшая, вскочив из-за стола, ну поносить и племянника, и его друга. А друг-хищник тоже поднялся, медленно, глаза бесовским огнем загорелись. «Ты че, старая, попутала?» – зашипел, и резко выбросил кулак в лицо хозяйки.

И когда хозяйка подлетела на диване – и об стенку головой, и сползла по этой стенке, – кот прыгнул. Вцепился, грозно воя, в морду худую пришельца, передними лапами вцепился в ненавистную – и ну когтями задних лап пластать ее, и грызть что ни попадя острыми своими зубами; и обладатель ненавистной рожи закружился по комнате, раскинув руки нелепо – точно пугало ожившее, и ревел-выл почти в унисон с котом. А племянник хозяйки, по-бабьи как-то повизгивая, – боком-боком в дверь.

Кот почуял, что враг наказан, – отцепил когти, плюхнулся на ковер – и под диван. И оттуда уж наблюдал, как враг, посрамленный, присев в углу, застонал было, а потом завыл отчаянно: из-под узорчатых кистей рук, которыми он лицо прикрывал, струилась кровь вперемешку с чем-то белесым, запах в комнате коту напомнил другой запах – когда хозяйкины родственники ей мяса парного привезли как-то, много мяса парного; оно тогда лежало на столе кухни некоторое время, и нетерпеливый кот крутился рядом, призывно мяукая, впрыгнул было на стол, чтоб в аппетитный шмат вгрызться, но был отогнан хозяйкой: «Потерпи, ишь какой!»

Потом кот увидел, как комната заполняется новыми людьми, и предсмотрительно подался назад, не теряя при этом возможности обзора. Одни пришедшие были белые, и от них нестерпимо мерзко пахло, они сразу направились к хозяйке на диване, та застонала, плохо пахнущие люди вдвоем подняли ее под локти и повели из дома.

Другие люди были в сером, и от них тоже плохо пахло, как пахнет от машин на улице, но слабее. Один из них подошел к сидящему у стенки воющему гостю, склонился над ним, охнул, позвал вернувшихся уже людей в белом. Двое серых подняли, почти так же под локти, как и хозяйку, рыдающего врага кота. Когда его вели на выход, внимательный кот разглядел, что у врага нет правого глаза – дыра вместо него, вся морда исполосована, а кусок нижней губы оторван и торчит в сторону.

Где-то через полчаса после того, как серый человек, разложив листы бумаги, разговаривал с племянником-детинкой, а тот трусливо ему отвечал (кот чуял, что разговор идет о побежденном враге и о нем, о коте), – все стали расходиться.

Через некоторое время кот вылез из своего укрытия, вспрыгнул на постель хозяйки, разместился где обычно – в головах – и уснул.

...А теперь он сидел, тщательно намываясь и вылизываясь – только вражью заскорузлую кровь отчистить пока не в силах. Она на левом боку, ближе к спине, и коту туда не дотянуться, но он старался.

На полу в солнечных лучах из окна кружились мелкие веселые пылинки – когда кот был еще котенком, он их часто пытался поймать.

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (февраль – май 2013 года)

Волгоградская область

18 февраля 2013 года

Сергей Ключ, руководитель УФСИН в Волгоградской области, накануне на пресс-конференции подытожил события ушедшего года. Чуть ли не самой серьезной проблемой он считает **необходимость паспортизации бывших волгоградских заключенных**.

Очень многие бывшие заключенные после освобождения из мест длительного пребывания попросту отказываются оформлять документы, ссылаясь на то, что их документы хранятся у родственников, хотя на самом деле это не так.

Около полусотни заключенных освободилось в прошлом году и теперь пребывают на воле без документов. Многие из этих заключенных просто не захотели возиться лишний раз с бумагами, а остальные сказали, что все бумаги лежат дома. Ссылаясь на такие показатели, Ключ пообещал, что в следующем году миграционная служба будет вести более плотную работу. В ходе пресс-конференции подметили, что из-за большого количества людей, выходящих из мест лишения свободы без документов, растет рецидивная преступность.

Екатеринбург

19 февраля 2013 года

Следственным отделом по Екатеринбургу СК России по Свердловской области организовано **проведение доследственной проверки по факту смерти 32-летнего мужчины в СИЗО-1 Екатеринбурга**. Как сообщает пресс-служба областного следственного управления, ЧП произошло 18 февраля около 9 часов утра.

Предварительно установлено, что мужчина был осужден по ст. 228 УК РФ (незаконный оборот наркотиков) и ожидал этапирования для отбытия наказания. Также следователи установили, что у осужденного имелось серьезное заболевание, связанное с длительным употреблением наркотических средств, и что именно оно могло явиться причиной смерти мужчины.

В настоящее время следователем Следственного комитета выполняется комплекс необходимых проверочных мероприятий, направленных на установление всех обстоятельств смерти мужчины.

Проведен осмотр места происшествия, опрашиваются сотрудники медицинской части следственного изолятора. Кроме того, тело умершего направлено для проведения судебного медицинского исследования с целью определения точной причины смерти. По результатам проверки органами следствия будет принято процессуальное решение.

Бурятия

26 февраля 2013 года

Заместитель руководителя бурятского УФСИН Сергей Коваль присвоил средства, собранные в ходе благотворительной акции на помощь несовершеннолетним пациентам онкологической клиники и пострадавшим от наводнения в Крымске.

Отделом по расследованию особо важных дел СУ СК России по Республике Бурятия продолжается производство по уголовному делу в отношении заместителя начальника управления ФСИН России по Республике Бурятия Сергея Ковалья. В настоящее время ему предъявлено обвинение в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения).

По данным следствия, на обвиняемого, занимающего должность заместителя начальника УФСИН России по Республике Бурятия, были возложены обязанности по общему руководству деятельностью отделе-

ния по работе с личным составом. В декабре 2010 года им был организован добровольный сбор денежных средств со всех сотрудников управления и подведомственных учреждений для оказания помощи онкологическому отделению Детской республиканской клинической больницы. В ходе благотворительной акции было собрано более 150 тысяч рублей. После этого руководивший сбором средств чиновник забрал себе более половины из указанной суммы – 85 тысяч рублей, которые потратил на свои личные нужды. Затем в июле – августе 2012 года при проведении очередной благотворительной акции сотрудники УФСИН России по Республике Бурятия собрали и передали в отделение по работе с личным составом денежные средства в сумме более 170 тысяч рублей для оказания материальной помощи гражданам, пострадавшим в ходе наводнения в городе Крымске. Обвиняемый из указанной суммы также забрал себе и потратил на личные цели 56 тысяч рублей.

Данное преступление было выявлено сотрудниками собственной безопасности УФСИН России по Республике Бурятия.

В настоящее время по уголовному делу проводятся оставшиеся следственные действия по сбору полной доказательственной базы. Расследование преступлений продолжается.

Камчатка

26 марта 2013 года

Заключенные шестой колонии прекратили голодовку. Об этом рапортует ФСИН. В акции протеста участвовали около четырехсот человек. До этого в колонии устроили массовую драку. Все осужденные, которые заявили о голодовке, сегодня позавтракали и пообедали в общей столовой. Акция прекращена, уверяют в управлении ФСИН по Камчатскому краю. Там заявили, что от еды накануне отказались 378 заключенных. Они устроили акцию протеста, поскольку недовольны условиями содержания в колонии строгого режима. Большинство осуждено за тяжкие преступления. Заключенные требовали ослабить режим, заменить пластиковую посуду личными столовыми принадлежностями, разрешить носить спортивные костюмы, а также выдать махровые полотенца, сообщает Интерфакс. Но начальник УФСИН заявил: администрация колонии не пошла на уступки, которых добивались организаторы голодовки. Ситуация в колонии, уверяет тюремное начальство, пришла в норму.

В конце прошлой недели осужденные там устроили драку. Правозащитники не исключают: ее могли спровоцировать работники учреждения и несколько активистов, которые сотрудничают с руководством

колонии. Они, по словам других осужденных, избили около десяти человек. Эти люди получили легкие травмы.

В колонии сейчас проводят проверку. Прошлой осенью СМИ сообщали об уголовном деле в отношении бывшего начальника учреждения Руслана Адамова. Суд признал его виновным в злоупотреблении полномочиями и дал ему год колонии-поселения.

Москва

3 апреля 2013 года

Мосгорсуд оставил под стражей слепнувшего фигуранта «болотного дела», признав законным продление ареста активисту Лёвого фронта Владимиру Акименкову.

Адвокаты обжаловали решение Басманного суда, который продлил ему арест до 10 июня.

По словам правозащитников и адвокатов, Акименков стремительно теряет зрение и может ослепнуть, если ему не будет оказана квалифицированная медицинская помощь в гражданской больнице. Однако ФСИН заявляет, что не видит оснований для освобождения обвиняемого из-под стражи по состоянию здоровья.

Кемерово

12 апреля 2013 года

В Фонд «В защиту прав заключенных» поступила информация от регионального представителя Фонда Сергея Охотина о том, что 6 апреля 2013 года, около 18 часов 30 минут, в г. Кемерово, на перекрестке ул. Дзержинского и пр. Ленина, сотрудниками спецназа ГУ ФСИН России по Кемеровской области «Кедр» в количестве 6 человек **был похищен, а затем отвезен в лес и избит эксперт Фонда «В защиту прав заключенных» Дмитриев Алексей Николаевич**. Избиение сопровождалось угрозой убийством. Похищение, избиение и угроза убийством связаны с правозащитной и антикоррупционной деятельностью А.Н. Дмитриева.

6 апреля, приблизительно в 14–15 часов по местному времени, А.Н. Дмитриеву позвонил мужчина, который представился следователем Следственного комитета Волковым и предложил встретиться. Зная, что данный следователь участвует в расследовании уголовного дела по ст. 286 УК РФ, возбужденного в отношении должностных лиц ФКУ ИК-5 по фактам избиения осужденных в ноябре 2012 года, А.Н. Дмитриев согласился на встречу.

В нескольких метрах от назначенного места встречи А.Н. Дмитриеву преградил дорогу микроавтобус белого цвета типа «Газель» или «Соболь» с полностью тонированными стеклами. Из автомобиля выскочили сотрудники спецназа ГУ ФСИН России по Кемеровской области «Кедр» в скрывающих лицо масках, уложили Дмитриева на асфальт, надели наручники, сковав руки за спиной, на голову надели тканевый мешок. Затащив Дмитриева А.Н. в машину, похитители положили его на пол и отвезли в лес расположенный в Рудничном районе города Кемерово.

В лесу похитители вытащили А.Н. Дмитриева из автомобиля, оттащили в лес на небольшое расстояние, а затем сотрудники спецназа ГУ ФСИН «Кедр», принялись избивать Дмитриева А.Н., нанося удары руками и ногами в голову, грудную клетку в области нижних ребер.

Избиение сопровождалось угрозами, что если Дмитриев А. Н. не покинет Кемеровскую область в течении 48 часов, то его убьют, утопив в водоеме.

А.Н. Дмитриев, проходивший ранее службу в спецназе и принимавший участие в боевых действиях, обороняясь, возможно, сломал нос одному из спецназовцев.

Дмитриев получил ушибы мягких тканей лица, головы, грудной клетки. На рану головы позже в больнице были наложены швы. Таким образом, правозащитника Дмитриев А.Н., стремившегося не допустить прекращения расследования по уголовному делу № 12610461 (ст. 286 УК РФ в отношении должностных лиц ИК-5 города Кемерово), вынуждают покинуть регион.

Троих из нападавших Дмитриев А.Н. может опознать уверенно. Один из похитителей имеет особые приметы – татуировку и сломанный нос.

Челябинская область

22 апреля 2013 года

В Челябинской области **возбуждено уголовное дело по факту смерти заключенного** в колонии по ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего).

Вечером 17 апреля в специализированном лечебном учреждении ЛПУ №3 регионального управления ФСИН России (г.Челябинск) скончался 32-летний осужденный, доставленный накануне из исправительной колонии № 21 (г. Касли) с диагнозом «закрытая черепно-мозговая травма, множественные переломы».

В настоящее время проводятся следственные действия, направленные на установление лиц, причастных к совершению преступления, сбор и закрепление доказательственной базы. Расследование уголовного дела продолжается.

ЦФО

25 апреля 2013 года

Задержан экс-глава управления ФСКН, его подозревают в сбыте героина через заключенных.

Гранту Акоюну инкриминируют, как ни парадоксально, сбыт наркотиков, которые он продавал через заключенных. Экс-глава, уже вышедший на пенсию, с 2010 по 2011 год, по версии следствия, занимался продажей героина. Торговлю тяжелыми наркотиками Акоюн осуществлял странным способом: он находил своих клиентов с помощью заключенных в колониях. Однако покупающих у него наркотики он сразу же задерживал. Таким способом он продал более 20 килограммов героина.

«Следственным управлением СКР по Центральному федеральному округу расследуется уголовное дело по фактам незаконного сбыта в 2010–2011 годах неустановленными должностными лицами ФСКН наркотической смеси, содержащей диацетилморфин (героин), общей массой более 20 килограммов», – заявили в Следственном комитете.

«По версии следствия, в 2010–2011 годах Грант Акоюн, являясь начальником Управления по противодействию наркопреступности второго оперативно-разыскного департамента ФСКН России, осуществлял сбыт наркотических средств гражданам ближнего зарубежья, которых подыскивал с помощью осужденных, отбывавших наказание в исправительных колониях. Акоюн, желая создать видимость эффективности своей работы, после передачи наркотиков иностранцам, согласившимся осуществить их перевозку, производил их задержание», – отметили в СК. По данным следствия, он просил осужденных подыскивать таких граждан по телефону из колонии.

«В данный момент по адресам проживания Акоюна следователи проводят обыски. Следствием также устанавливается источник получения Акоюном наркотических средств, а также проверяется его причастность к совершению иных аналогичных преступлений на территории РФ», – сообщили следователи.

По их словам, «в настоящее время Акоюн задержан». Ему хотя бы предъявить обвинение по ст. 228 УК РФ «Незаконные производство,

сбыт или пересылка наркотических средств». Также пока не избрана мера пресечения.

Республика Бурятия

26 апреля 2013 года

Ранее в Фонд «В защиту прав заключенных» обратился осужденный Б., отбывающий наказание в ФКУ ИК-2 УФСИН России по Республике Бурятия. Он сообщил, что у него полностью не видит левый глаз, правый глаз функционирует частично. Он неоднократно обращался в медсанчасть с просьбой оказать медицинскую помощь, однако ему было отказано. После получения сообщения сотрудниками Фонда были написаны обращения в прокуратуру и УФСИН с просьбой принять меры для оказания осужденному медицинской помощи, а также оказать содействие в этапировании осужденного в медицинское учреждение Красноярского края для проведения операции.

В ноябре в Фонд поступили ответы из бурятской прокуратуры и УФСИН Бурятии о том, что в офтальмологическое отделение больницы ГУ ФСИН России по Красноярскому краю был отправлен пакет документов осужденного Б. для консультации и проведения операции в специализированном медицинском учреждении.

В марте 2013 года в Фонд поступила информация о том, что действительно осужденный Б. был этапирован в ФКЛПУ КТБ-1 УФСИН России по Красноярскому краю для проведения операции, однако **никакой медицинской помощи осужденному не оказали, так как записи в медицинской карте о заболеваниях, результатах анализов и поставленном диагнозе были уничтожены.** После чего Б. возвращен в ИК-2, и никакой медицинской помощи ему до сих пор не оказано.

Фондом направлено обращение в ФСИН России с просьбой о содействии в повторном направлении Б. на операцию в ФКЛПУ КТБ-1, а также с просьбой провести проверку по факту порчи медицинской карты осужденного. Дело находится на контроле у Фонда.

Красноярский край

29 апреля 2013 года

Заключенный в Минусинской тюрьме отрезал себе язык. 29 апреля 2013 года в Фонд «В защиту прав заключенных» от адвоката поступило подтверждение информации о том, что осужденный Чхапелия

Мамука Омиаович, 22.04.1979 г.р., находясь в тюрьме г. Минусинска Красноярского края (УП 288-Т), не выдержав пыток и побоев, а также издевательств и унижений, действительно нанес себе серьезное увечье, отрезав себе язык. Сейчас он находится в больнице МОБ ИК-18.

Факт вопиющий, требующий принятия самых серьезных мер прокурорского и ведомственного реагирования.

Сотрудниками Фонда направлены обращения в прокуратуру и ФСИН.

Курганск

7 мая 2013 года

Курганский городской суд вынес приговор по уголовному делу в отношении бывшего младшего инспектора отдела безопасности ФКУ «Лечебное исправительное учреждение 3» Николая Беспоместных. Суд признал его виновным в совершении 5 преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 290 УК РФ (получение взятки) и ч. 1 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий).

Установлено, что Беспоместных вступал во внеслужебные отношения с осужденными, отбывающими наказание в данном исправительном учреждении, и за взятки беспрепятственно, используя свое должностное положение, проносил на территорию колонии и передавал им сотовые телефоны. Подсудимый полностью признал себя виновным и заявил ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке.

С учетом позиции государственного обвинителя Курганский городской суд приговорил Беспоместных к наказанию в виде лишения свободы на срок 4 года условно с испытательным сроком 2 года со штрафом в размере 500 тысяч рублей и на 3 года лишил его права занимать должности в правоохранительных органах и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Приговор суда в законную силу не вступил.

По материалам зарубежных СМИ

Мир и тюрьма

Бразилия: тюрьма и орден Богоматери ангелов

Тюремная камера – это всего лишь несколько квадратных метров. И в нее набито не менее 10 заключенных. Они вместе днем и ночью, 24 часа в сутки. Их никогда из нее не выводят наружу, по крайней мере до того момента, как они услышат свой приговор. Они не ощущают на своей коже солнечных лучей. Они не могут просто размять ноги. Телевизор, книги? У них нет на это права. Повидаться с близкими? Невозможно.

Да, эти мужчины совершили преступления. Кто-то из них украл несколько долларов, кто-то проявил сексуальную агрессию, кто-то продавал наркотики. Есть и те, кто совершил насильственные преступления. В этой тюрьме заключенных не различают по составам преступления. Ты совершил преступление – тебя арестовали, осудили и посадили в камеру, в которой еще есть свободное место.

Эта тюрьма находится в деревне Туриасу, на севере Бразилии. В этой деревне живет и сестра Мажелла Бруссо, состоящая в католическом ордене Богоматери ангелов. А официальное месторасположение ордена – город Леноксвилл, Канада, откуда и приехала эта подвижница.

Среди многочисленных задач, которые выполняет в Бразилии сестра Мажелла, есть и миссия, которую она осуществляет с особым усердием: посещение в тюрьме этих людей, исключенных из общества.

– Они совершили преступления, но сейчас они находятся в жутких условиях. Мне становится плохо, когда я вижу все это, – рассказывает сестра Мажелла.

Каждую неделю она отправляется в тюрьму и разговаривает со всеми заключенными, содержащимися в битком набитых маленьких камерах. Она приносит им бумагу и клей. А они учатся делать кустарные изделия, которые затем могут продать за несколько монет. Это дает им возможность купить мыло или зубную пасту...

За каждым из обитателей тюрьмы числится какое-либо преступление. Но за пределами этого преступления есть человек со своей судьбой – и очень часто это страшные судьбы, особенно в этом глухом бразильском регионе, где бедность жителей просто поражает, где большинство и взрослых, и детей неграмотны и где наркотики текут рекой.

– В этой тюрьме, например, сидят трое братьев, которые убили мальчика. Их преступление ужасно, но кем станут эти три брата, когда выйдут из тюрьмы, из этих жутких условий, в которых они содержатся вместе с другими преступниками? Кем они будут, если здесь они не имеют никакой возможности учиться? Как и большинство других заключенных, они не умеют даже читать. Они и на свободе жили в очень тяжелых условиях. И выходя отсюда, они станут не лучше, а хуже, чем были, – с грустью говорит 77-летняя сестра Мажелла.

Видя огромное количество проблем, сестра Мажелла не всегда сама знает, как можно помочь этим людям выжить.

– Я чувствую себя абсолютно беспомощной в этой ситуации. Все, что я могу сделать, – это научить их любви к Господу, попытаться привнести в их жизнь немного нежности и наполнить их существование хоть каплей любви...

Сестра Бруссо, безусловно, преуспела в своей миссии, поскольку ее в тюрьме любовно называют «мама Мажелла»...

– Ну конечно, мне очень приятно! Заключенные дают мне больше, чем я даю им...

Наградой сестре Мажелле служат те моменты, когда кто-нибудь из заключенных выходит из темницы на волю и теперь будет видеть солнце, ощущать вкус свободы. При условии, конечно, что этот человек не совершит рецидив.

Потому что бывает, что мужчины возвращаются в тюрьму. Сестра Бруссо знает нескольких таких заключенных. Но обычно, освободившись, спустя пару часов, заключенный приходит в представительство ордена и просит ему помочь деньгами, чтобы добраться до дома. Конечно, сестра Мажелла помогает. Потому что она помогает всем заключенным, наконец увидевшим солнце.

Но бывает и так, что спустя несколько часов после выдачи заключенному денег сестра Мажелла узнает, что он их потратил вовсе не на билет на автобус, а купил наркотики. А потом он опять приходит.. И угрожает убить ее или кого-либо из других сестер. Был случай, когда бывший заключенный силой запер сестер в подвале, а затем обворовал миссию...

Он побыл на свободе всего лишь несколько часов и был вскоре арестован полицейскими и препровожден в ту самую тюрьму, откуда он только что вышел. Теперь он кается в содеянном.

– Сегодня я увижу этого человека. Он очень сожалеет о том, что сделал. Он любит меня и зовет «мамочкой». Я, конечно, простила его... – улыбаясь, говорит сестра.

Из своих 77 лет сестра Бруссо 30 посвятила миссионерской деятельности в Бразилии. Она работала также в Конго и в Канаде, но сегодня она чувствует себя больше бразильяночкой, чем жительницей Канады. Почему? Да потому что здесь, в Бразилии, она прожила дольше, чем в своей родной стране.

– Я обожаю Бразилию. Прекрасная страна, где всегда тепло...

Конечно, она соглашается, что жизнь здесь, в небольшой деревне Туриасу, в двух часах езды от ближайшего крупного города Пиньейру, нелегка.

– Во время сезона дождей, вот как сейчас, здесь, на севере Бразилии, очень тяжело передвигаться. Лишь год назад заасфальтировали дорогу, ведущую в Пиньейру. Раньше, чтобы добраться до города, нужно было потратить четыре-пять часов. Я стараюсь туда реже ездить, так как дорога очень утомительна. В принципе, все необходимое можно найти и здесь. Мне хватает...

Ну что можно пожелать? Здоровья сестре Мажелле и мира бразильцам...

– Пока хватает здоровья, пока я жива, я буду продолжать работать в миссии. Я очень люблю свою работу. Годы, проведенные в миссии, можно сказать, что это реализация моих желаний... – говорит прекрасная женщина, которая давно могла бы уйти на покой, но которая не желает ни на минуту оставить свою благородную работу.

Франция: в тюрьму за продуктами

Отныне в тюрьме около двухсот наименований товаров (продукты питания и предметы первой необходимости) стоят дешевле, чем в супермаркетах. Настолько, что некоторые заключенные отправляют домой посылки.

Заключенным не приходится стоять в очередях, чтобы что-то себе купить по более низкой цене, потому что в каждой тюрьме есть свой магазин, где они могут «отовариться» по ценам более низким, чем на воле. Это стало возможным, когда в тюремных магазинах на всей территории Франции были установлены одинаковые цены.

В июле 2010 года Счетная палата обвинила государство в «злоупотреблениях» в отношении заключенных. Имелось в виду, что цены в тюремных магазинах на ряд товаров, которые заключенные покупают, чтобы улучшить и разнообразить свое питание (кофе, минеральная вода, шоколад, пищевые добавки, предметы гигиены и т.д.), значительно превышают те, которые существуют в обычных магазинах. В докладе Счетной палаты указывалось, что на товары тюремной «отоварки» устанавливались значительные наценки – до 22%. К тому же цены на одни и те же товары, продаваемые в разных тюрьмах, различались кое-где на 50%.

После этого доклада в тюрьмах началась настоящая реформа цен. Начиная с весны были установлены единые расценки на 200 приоритетных товаров, которые и предлагаются теперь к продаже заключенным по очень привлекательным ценам. Началась эта «революция» в тюрьмах Лиона и Страсбурга. Например, банка «Нутеллы», которая в обычном супермаркете стоит 3,13 евро, в тюремном магазине продается за 1,11 евро. 500-граммовый пакет риса стоимостью 2,7 евро в тюрьме можно купить всего лишь за 0,36 евро. Стоимость 450-граммовой банки клубничного варенья упала с 1,45 до 0,67 евро, а стоимость очень популярного среди заключенных быстрорастворимого кофе «Рикоре» снизилась с 4,82 до 3,45 евро.

– Мы считаем, что это очень удачное решение, – говорят в пенитенциарной администрации. – Заключенные сразу бросились покупать эти товары.

По мнению администрации, «низкие тарифы – это результат не только политической воли, но и следствие того, что эти товары теперь покупаются не по отдельности в каждой тюрьме, а на национальном уровне, что позволяет вести с поставщиками более продуктивные переговоры».

– Все далеко не так хорошо, – считают в профсоюзе пенитенциарных работников (ППР). – Низкие цены в тюремных магазинах – это, конечно, давление государства, но в результате за все платит налогоплательщик.

Непосредственно работающим в тюрьмах сотрудникам также не нравятся эти «бросовые» цены.

– Чтобы все это доставить в магазин, теперь требуется гораздо больше времени, – поясняет представитель профсоюза Паскаль Шрек.

Более того, появилась новая тенденция.

– Раньше родственники носили заключенным продуктовые передачи. Это в принципе запрещено, но администрация закрывала глаза. Теперь же – наоборот! Многие заключенные пишут заявления на имя

директора пенитенциарного учреждения с просьбой разрешить их родственникам воспользоваться столь низкими ценами. Для этого заключенные готовы отправлять посылки домой.

По мнению ППР, эта «политика скидок» обойдется государству в 20 миллионов евро ежегодно. На каждого заключенного необходимо выделить 296,68 евро год, а заключенных во Франции – 67 000.

– На самом деле сумма не будет так велика, – уверяют в пенитенциарной администрации. – Дело в том, что на все другие товары, кроме утвержденных, будет установлена наценка, что и позволит компенсировать потери.

Но, как считают тюремные работники, зарплата которых начинается с 1416 евро в месяц «чистыми» и заканчивается 2072 евро в месяц в конце карьеры, эти выделяемые государством деньги, за счет которых и происходит снижение цен, вполне могли бы быть пущены на повышение их невысокой заработной платы.

– Неприятно смотреть, что моя жена за те же самые продукты в супермаркете платит гораздо больше, чем заключенные во время своей «отоварки», – сказал корреспонденту один тюремный надзиратель, не пожелавший назвать свое имя.

США: пожизненное заключение для несовершеннолетних признано антиконституционным

25 июня Верховный суд США постановил, что пожизненное заключение в отношении несовершеннолетних, признанных виновными в убийстве, противоречит Конституции страны. Это решение, затрагивающее систему правосудия в отношении несовершеннолетних, квалифицируется экспертами как «историческое».

Высшая судебная инстанция США вынесла решение по двум резонансным уголовным делам, обвиняемыми в которых были двое несовершеннолетних, приговоренные к пожизненному заключению без права на условно-досрочное освобождение. К такому наказанию оба подростка были приговорены за совершенные ими убийства. При этом на момент совершения преступления обоим еще не было 14 лет.

В первом случае юный житель штата Алабама, сам подвергавшийся дурному обращению в детстве, был приговорен за убийство в 2002 году соседа, которого он ударил бейсбольной битой, а затем поджег. Во втором случае несовершеннолетний из Арканзаса был приговорен за соучастие в убийстве работницы магазина, совершенное в момент ограбления в 1999 году. И хотя работница была застрелена другим несовершеннолетним, которому на тот момент исполнилось 15 лет, но

пожизненный срок без права на досрочное освобождение получил и 14-летний соучастник.

Решение Верховного суда США было принято пятью голосами против четырех. Суд решил, что восьмая поправка к Конституции, запрещающая «жестокие и необычные наказания», имеет непосредственное отношение к несовершеннолетним, совершившим убийства в возрасте до 14 лет.

Верховный суд еще в 2005 году запретил применять смертную казнь в отношении тех лиц, которые на момент совершения преступления были несовершеннолетними, постановив, что «несовершеннолетие является смягчающим вину обстоятельством». Теперь по решению Верховного суда это обстоятельство должно учитываться и в приговорах судов, влекущих пожизненное заключение. Также в мае 2010 года Верховный суд принял решение, запрещающее вынесение приговоров к пожизненному заключению без права досрочного освобождения в отношении несовершеннолетних за совершенные ими преступления, не связанные с убийством.

Принятое 25 июня решение Верховного суда США отменяет все приговоры в отношении этих двух конкретных несовершеннолетних, вынесенные нижестоящими судами.

Как сообщил адвокат обоих несовершеннолетних Брайан Стивенсон, в свете этого решения Верховного суда США подлежат отмене все подобные приговоры, допускающие пожизненное заключение в отношении несовершеннолетних. Такие нормы уголовного правосудия закреплены в 29 штатах из 50.

– Это решение повлияет на судьбу сотен лиц, при вынесении приговоров в отношении которых не были приняты во внимание ни их возраст, ни другие смягчающие обстоятельства, – заявил Брайан Стивенсон. – Это важная победа, касающаяся прав детей. Суд добился значительного прогресса в деле признания фундаментальной несправедливости в том, что касается назначения в ряде случаев обязательного пожизненного заключения в отношении несовершеннолетних без учета того, что они являются детьми и способны в будущем измениться.

Г-н Стивенсон подчеркнул, что во время слушаний, проходивших в Верховном суде США в марте 2012 года, была озвучена статистика, согласно которой 2300 несовершеннолетних приговорены к пожизненному заключению без права досрочного освобождения, из которых 79 на момент совершения преступления не было 14 лет. А всего в США к такой мере наказания приговорены 41 000 заключенных.

Канада: избавиться от наркотиков в тюрьмах будет трудно

В исследовании, проведенном по поручению федерального министра общественной безопасности Вика Тоюза, указывается, что имеются значительные препятствия материально-технического и правового характера для ликвидации наркотиков в пенитенциарных учреждениях. Решение этой задачи по значительному снижению поступления наркотиков в тюрьмы было одним из предвыборных обещаний консерваторов.

В служебной записке, сопровождающей этот документ, утверждается, что пока еще ни одной тюремной системе в мире не удалось полностью решить проблему с поступлением запрещенных веществ в пенитенциарные учреждения.

В записке сказано также, что, несмотря на достигнутый в канадской исправительной системе определенный прогресс в борьбе с поступлениями наркотиков и алкоголя в тюрьмы и в реабилитации наркоманов и страдающих алкоголизмом, спрос на эти запрещенные препараты со стороны заключенных остается высоким.

В исследовании, выполненном Министерством общественной безопасности, Исправительной службой Канады и Советом по условно-досрочному освобождению, делается вывод, что в тюрьмах, как и в целом в обществе, полное искоренение наркотиков является недостижимым идеалом.

Интернет-порталу «Канадская пресса», в соответствии с Законом «О доступе к информации», удалось получить этот документ, правда, с большими купюрами.

По данным Исправительной службы, около 80% заключенных, содержащихся в тюрьмах федерального подчинения, имеют серьезные проблемы, связанные с наркоманией, и нуждаются в лечении.

Во время избирательной кампании 2011 года консерваторы утверждали, что заключенные, употребляющие наркотики, имеют гораздо меньше шансов в плане социальной реабилитации.

Консерваторы обещали, что все заключенные, находящиеся в федеральных исправительных учреждениях, будут проходить специальное тестирование не реже одного раза в год и те из них, кто его не пройдет, не будут иметь права на условно-досрочное освобождение, а те, у кого будут обнаружены наркотики, предстанут перед судом.

Как следует из проведенного исследования, тестирование в тюрьмах на предмет употребления наркотиков сейчас проводится довольно часто. Правда, их количество лимитировано, но те заключенные, которые были пойманы на употреблении наркотиков, подвергаются различным санкциям.

Примерно половина тюремного населения раз в год сдает анализ мочи. С 2006 по 2011 год этот тест не смогли пройти от 9,8% до 12,7% заключенных, а 12,6% вообще отказались подвергнуться этой процедуре.

Эти тесты, однако, не позволяют выявить абсолютно все употребляемые субстанции. Они также не могут ни точно определить, когда именно заключенный употребил наркотик, размер дозы, ни установить причиненный вред организму. Более того, некоторые наркотические вещества очень быстро выводятся из организма.

Если заключенный отказывается пройти тест или у него положительный результат, он может стать объектом мер дисциплинарного воздействия, таких как выговор, штраф или помещение в условия изоляции. Как и любому гражданину, находящемуся на свободе, заключенному также может быть предъявлено обвинение в соответствии с законодательством по борьбе с наркотиками.

В исследовании также говорится, что автоматическое исключение условно-досрочного освобождения для лиц, употребляющих наркотики, требует внесения изменений в действующее законодательство. Но попутно отмечается, что такие изменения будут несовместимы с деятельностью Совета по условно-досрочному освобождению, поскольку именно Совет решает вопросы, связанные с УДО, и его решения не зависят ни от каких обстоятельств.

По результатам этого исследования организации, принявшие в нем участие, представили министру общественной безопасности г-ну Тоюзу серию предложений. Эти предложения в опубликованной на интернет-портале «Канадская пресса» версии отсутствуют из-за цензурных соображений.

Тем не менее источник в канадском правительстве сообщил, что консерваторы рассматривают ряд предложений, в том числе возможные изменения в законах, предусматривающие автоматическое лишение права на условно-досрочное освобождение для тех заключенных, которые употребляют наркотики.

Канада: рост насилия в тюрьмах

Сотрудники исправительных учреждений все чаще и чаще вынуждены прибегать к применению силы в отношении заключенных. Эта ситуация в какой-то мере объясняется тюремной перенаселенностью и индивидуальными характеристиками содержащихся в пенитенциарных учреждениях лиц. Эти сведения, в соответствии с Законом «О доступе к информации», удалось получить телеканалу *CBS*.

Количество случаев, когда сотрудникам тюрем пришлось использовать средства усмирения в отношении заключенных, такие как слезоточивый или перечный газ, за 5 лет выросло на 37%. Если в 2007–2008 годах эти средства использовались 975 раз, то в 2011–2012 годах – 1339 раз. В Канадских Прериях¹ рост составил 113%.

В 2011–2012 годах:

- слезоточивый газ использовался 292 раза, частота применения за 5 лет выросла более чем на 200%;
- перечный газ использовался в 400 случаях, рост – 115%;
- применение огнестрельного оружия зафиксировано в 32 случаях, рост – 25%.

Как следует из представленных правительством документов, в течение этих же пяти лет все большее число заключенных было вынуждено мириться с тем, что им приходилось делить свою камеру с подселяемыми лицами из-за нехватки мест. Так, количество заключенных, вынужденных проживать с другими лицами, в масштабах страны увеличилось с 9,6% до 17,4%, а в тюрьмах Канадских Прерий – с 11% до 26%.

По мнению Кевина Грабовски, представителя Канадского профсоюза работников исправительных учреждений в Канадских Прериях, рост количества тюремных бандитских группировок, перенаселенность пени-тенциарных учреждений и сокращение реабилитационных программ – все эти факторы создают взрывоопасный коктейль в тюрьмах страны.

– Проживание вдвоем в одной камере никогда до добра не доводило, – считает г-н Грабовски. – Теперь у нас есть лица, имеющие тесные связи с бандами, и лица, у которых имеются проблемы с тем, что называется «управление гневом или насилием»... Они же за такие действия и попали в тюрьму. А теперь их помещают в очень ограниченное пространство и говорят: «Привыкай», – с сожалением констатирует профсоюзный активист.

Пока что, считает г-н Грабовски, улучшения ситуации не видно.

По его мнению, сложившаяся ситуация создает проблемы не только в том, что касается обеспечения безопасности тех, кто работает в тюрьмах, но и затрагивает безопасность всего государства, так как заключенные, проживающие в таких условиях, рано или поздно окажутся на свободе.

В оперативном управлении исправительной системы также полагают, что имеется взаимосвязь между нехваткой жилой площади для

---

¹ Канадские Прерии – совокупность трех провинций: Альберта, Саскачевана и Манитоба.

заклученных и ростом насилия. Перенаселенность, говорит следователь Говард Сэперс, создает целую серию проблем, особенно в том, что касается размещения в камерах.

Парламентский секретарь канадского министра юстиции Керри-Линн Финдлей, со своей стороны, считает, что совместное проживание в камерах и насилие – это две разные проблемы.

– В Канаде совместное проживание в камерах допускается только тогда, когда это безопасно и целесообразно, – заявила она во время телепередачи на канале *CBS*.

По ее мнению, рост насилия объясняется тем фактом, что сами преступники становятся более жестокими.

– Мы объясняем это тем, что за шесть прошедших лет борьбы с криминалом все больше преступников стало попадать за решетку... Но что это означает для исправительной системы? Это означает, что в тюрьмах стало больше опасных преступников, больше членов банд, увеличилось количество лиц, имеющих проблемы с психикой. Именно поэтому и отмечается рост насилия.

Официальный представитель Исправительной службы Канады Сара Паркер, со своей стороны, подчеркивает, что увеличения численности заключенных в связи с мерами по борьбе с преступностью, предпринятыми правительством, пока еще не отмечается, но министерство четко отслеживает ситуацию.

По ее мнению, применение силы в отношении заключенных объясняется также тем, что современное тюремное население по сравнению с тем, что было несколько лет назад, помолодело и в большей степени связано с криминальными сообществами. Кроме того, поясняет она, есть и проблемы, связанные с психическим здоровьем заключенных.

Ситуация в тюрьмах федерального подчинения вряд ли улучшится в ближайшее время. Правительство еще в апреле объявило, что расположенная в городе Лаваль тюрьма Леклерк, тюрьма города Кингстон и относящееся к ней психиатрическое учреждение для заключенных будут закрыты в течение 2014–2015 годов.

В правительстве также заявили, что пока строительство новых пенитенциарных учреждений не предусматривается.

Франция: рисование как способ отвлечься

Прекрасный способ убежать... В переносном смысле, конечно. Заключенные-женщины пенитенциарного учреждения Корбас два месяца трудились, расписывая историческую фреску в одном из коридо-

ров тюрьмы, ведущем к комнатам свиданий. Эта кропотливая работа была выполнена в образовательных целях.

– Я заметил, что многие женщины и девушки ничего не знают о важных исторических событиях, – рассказывает Франсуа Гийуэ, преподаватель, обучающий заключенных. – Чтобы выполнить этот проект, надо было приложить много усилий всем – и администрации, и заключенным.

Как только не пытался этот молодой преподаватель научить заключенных запоминать важные исторические даты! Все напрасно. Но однажды, проходя по коридору, ему пришла в голову мысль расписать одну из бетонных стен в хронологическом порядке.

– Я тут же отправился в молодежную библиотеку и вернулся оттуда с рюкзаком книг по истории весом сорок семь килограммов, – смеется Франсуа.

У заключенных было шесть недель, чтобы проштудировать эти книги, осмыслить их, найти нужные факты начиная от истории Древнего мира, открытия Америки и отобрать наиболее значимые события.

– Сначала я хотела нарисовать средневекового всадника, всего в розовом, так как я обожаю этот цвет, – говорит Тауса. – Но в конце концов препод меня убедил, что всадников так рисовать нельзя.

Сама процедура росписи длилась двенадцать дней. Мари-Ноэль считает, что это очень быстро.

– К концу росписи я приходила работать дважды в день. А вечером так вообще уходить не хотелось, – смеется девушка.

А ее подруга Анисса добавляет:

– Работа, как бы забываешь, что ты в тюрьме. Вроде как на прогулке...

– Свободное время здесь мы проводим, смотря телевизор. А живопись дает возможность подумать о чем-то другом, более серьезном, – глубокомысленно говорит Тауса.

– Работая кистью, я становлюсь спокойнее, – признается Анна. – У меня и настроение поднималось, и чувствовала я себя лучше, и голова была занята. Ну и это нас, можно сказать, социализировало, потому что работали мы не по одному, а небольшими группами, по шесть человек.

– Я, когда теперь здесь прохожу, прямо гордость испытываю, – смущенно улыбается Тауса.

– Эта фреска сделана вовсе не для красоты, – вступает в разговор еще один преподаватель, Давид Дево-Тома, – а чтобы приобретать знания.

А по словам Даниэли Буйе, исполняющей обязанности директора тюрьмы, было «очень важно предложить женщинам поучаствовать в какой-либо деятельности, показать, что о них здесь не забывают».

Ведь в Корбасе женщины составляют примерно 10% от общего числа заключенных.

ЮАР: дети в тюрьме Полсмур

Женская тюрьма Полсмур значительно переполнена. Но некоторые ее «сиделицы» находятся в неплохих условиях. Это те, у кого есть дети. Камеры, в которых они сидят, не закрываются, и они могут воспитывать своих детишек.

Тюрьма находится в пригороде Кейптауна, столицы ЮАР. В стороне от основного корпуса, рассчитанного на 329 женщин-заключенных, в который на сегодняшний день буквально «впихнуто» 518 преступниц, находится что-то вроде яслей. Под это помещение переделали небольшую постройку. Сейчас здесь живут четыре молодые мамы, занимающиеся с помощью специально обученных медицинских сестер своими грудными младенцами. Эти ясли сделаны так, чтобы детям как можно меньше пришлось расплачиваться за грехи своих непутевых мамаш в душных и тесных камерах.

Чибуэз, сын Юнати Джек, очень сильно испугался, когда впервые в августе прошлого года, после нескольких месяцев, проведенных в переполненной камере основного блока тюрьмы, впервые попал в это отделение. Сейчас ему уже год, и он здесь обвыкся. Кажется, ему здесь нравится.

– Здесь достаточно места, чтобы он мог свободно двигаться. А когда мы выходим на улицу погулять, он категорически не хочет возвращаться, – говорит его мамаша, отбывающая пятилетний срок за хранение наркотиков.

Молодые мамы могут свободно выходить во двор, где имеется большая, засеянная травой игровая площадка. Здесь также оборудована и небольшая кухня, где они готовят пищу.

– Конечно, с камерой не сравнить, разница огромная, – замечает Рафика Раджаб, осужденная за магазинную кражу, дочери которой исполнилось три месяца. – Здесь почти семейная обстановка... Бывают моменты, когда я забываю, что нахожусь в тюрьме. Ощущение, будто я дома, – смеется она.

– Мы надеемся, что такие условия не дадут деткам почувствовать, что они все-таки находятся в тюрьме. А также что их мамы смогут вырваться из порочного преступного круга, – поясняет Нонтсикело Джолингана, заместитель начальника тюрьмы, которая является ответственной за этот участок.

Дети, растущие в камере, привыкают к тюремной жизни вплоть до того, что по выходе из пенитенциарного учреждения они получают психологические травмы.

– Что вы хотите, они ведь росли в ограниченном четырьмя стенами пространстве. Соответственно, такая обстановка влияет на психическое развитие ребенка, – подчеркивает заместитель начальника. – Мы подумали, что, организовав такие условия, дадим шанс малышам. Они ведь не совершали никаких преступлений!

Марлиз Ховелл, специалист по гимнастике новорожденных, приходит сюда обучать женщин, как правильно делать массаж грудничкам и развивать у них моторику движений.

– Я довольно давно начала приходить сюда, – рассказывает она, – и заметила, что в тюрьме дети развиваются не так, как на воле. Здесь все находится очень близко, и у них плохо развивается дальнейшее зрение, – продолжает Марлиз, – они не имеют возможности открывать для себя самые разные вещи, находящиеся за пределами тюрьмы. Да и в самой тюрьме они ограничены в пространстве. Здесь им даже дневного света не хватает. – Марлиз показывает на основной тюремный корпус, камеры в котором размером 3 × 4 метра. – В общем, сенсорная стимуляция здесь отсутствует.

На сегодняшний момент в южно-африканских тюрьмах находится около 70 младенцев и 20 беременных женщин, которые должны вот-вот родить. Все они отбывают наказания в разных пенитенциарных учреждениях, а не только в Полсмуре. В тюрьме Дурбан тюремные власти также открыли подобное отделение. А до конца 2012 года планировалось открыть еще два в других женских тюрьмах.

В ЮАР один из самых высоких в мире уровень преступности, и тюрьмы здесь переполнены. Но руководство пенитенциарной системы, будучи твердо убеждено, что дети не должны чувствовать себя осужденными, прилагает все усилия, чтобы создать для них пусть не роскошные, но приемлемые условия.

– Но правила внутреннего распорядка, – подчеркивает Нонтсикело Джолингана, – должны соблюдаться. Мы определяем, когда вставать, когда принимать пищу, когда мыться. Все расписано по часам. Здесь все-таки тюрьма. Если честно, то мамы ведь не на свободе!

Тем женщинам, которые приговорены к длительным срокам заключения, через некоторое время придется вернуться в тесные и переполненные камеры. Их дети, когда им исполнится два года, будут переданы либо родственникам, либо в приемные семьи.

Канада: «туризм» за решеткой

В центрах заключения их называют «туристами». Это осужденные и подследственные, которые с рюкзаком за спиной, где находятся все их личные вещи, путешествуют из одного пенитенциарного учреждения в другое. Они спят на брошенных на пол матрасах в камерах или в непригодных помещениях. В это лето тюрьмы провинции Квебек переполнены, этот феномен уже никого не удивляет, перенаселенность продолжает расти, к большому сожалению сотрудников исправительной системы.

Еще 10 лет назад идея разместить заключенных на ночлег в этапной комнате или в других непригодных помещениях вызвала бы панику в Центре заключения города Сорель. Но сегодня это происходит так часто, что уже никого не удивляет. Численность заключенных зачастую превышает установленный здесь лимит наполнения – 89 человек. Среднедневное наполнение в 2011 году здесь составляло 96,1.

– Чтобы разместить всех, нам приходится использовать камеры, предназначенные для изоляции (карцеры), – говорит один сотрудник.

В эти маленькие камеры, размером 8 x 4 фута², иногда на ночь размещалось несколько человек. А если туда поставить ведро с водой, то они буквально превращались в парные.

– Да, это ужасно, – признает на условиях соблюдения анонимности этот офицер, работающий в Сореле уже много лет. – Мы помещаем в эти карцеры людей без всяких на то оснований.

Но «туризм» вовсе не новая проблема.

– Это тянется уже много лет. Ситуация не меняется. Такой «туризм» становится обычным явлением, таким же, как поселение в камеру двоих или троих человек, – с сожалением говорит Эрик Белисл, ответственный за связи с общественностью ассоциации «Альтернативная юстиция», которая помогает тем, у кого возникают проблемы с правосудием.

В период с 1989 по 2009 год эту проблему более 15 раз озвучивал и Уполномоченный по правам человека.

За 4 года (2008–2011) средняя ежедневная численность заключенных в пенитенциарных учреждениях провинции Квебек возросла на 3% – с 4486 до 4634 человек.

Данные, свидетельствующие о хронической перенаселенности, были опубликованы на этой неделе профсоюзом пенитенциарных работников Квебека (SAPSCQ).

---

² 1 фут равен 0,3 м.

Тюрьмы в городах Римуски, Амос, Сен-Жером, Халл, Сорель, Ривьерде-Прэри, Шербрук, Труа-Ривьер и в Бэ-Комо только за прошедшую неделю вынуждены были принять заключенных больше, чем позволяет их вместимость. И это не считая тех, кто ежедневно следует этапом из одной квебекской тюрьмы в другую или из зала суда в тюрьму.

В Центре заключения города Шикутими часты случаи, когда приговоренные к тюремному заключению в конце недели вынуждены в выходные спать прямо в камерах здания суда.

– В Квебеке это уже стало обычным явлением. Практически везде в камерах содержится по два человека. Мы уже привыкли работать в такой кризисной ситуации, а она становится все хуже, – говорит президент *SAPSCQ* Стефан Лемэр. – Утром, когда администрация учреждения принимает пополнение и видит, что людей много и селить их некуда, начинаются переговоры с другими тюрьмами, чтобы разместить подопечных. В общем, каждый день происходит что-то типа торгов на тюремном фондовом рынке.

Парадоксально то, отмечает г-н Белисл, что тюремное население растет, тогда как уровень преступности в Квебеке снижается.

SAPSCQ полагает, что это происходит из-за того, что практически не применяются «временные отпуска» заключенных. Их перестали предоставлять после того, как Марио Бастейн, находившийся в таком краткосрочном отпуске, убил Александра Ливерноша. Именно отсутствие таких отпусков, по мнению *SAPSCQ*, и приводит к тому, что заполняемость квебекских тюрем постоянно превышает 100%.

Безусловно, камерная перенаселенность неблагоприятно отражается как на самих заключенных, так и на сотрудниках.

Например, опасно смешивать тех, кто находится в предварительном заключении: среди них могут быть лица, которые помещены под стражу на несколько дней до суда из-за вождения в состоянии алкогольного опьянения, и многократные рецидивисты в ожидании судебного процесса.

В тюрьмах, находящихся в юрисдикции провинции, в основном отбывают наказания лица, осужденные максимум к двум годам тюремного заключения. Но там же в ожидании судебного разбирательства содержатся и все подследственные вне зависимости от характера и тяжести совершенного преступления, в котором они обвиняются.

– Здесь вместе могут оказаться двадцатилетний парнишка, катавшийся на машине пьяным, и человек, совершивший тяжкие деяния. Соответственно, возникает напряжение, потому что молодежь не знает «тюремных правил», а когда они делают что-то не по правилам, с

них за это «спрашивают», – объясняет еще один офицер, также на условиях анонимности.

В среде 2500 сотрудников исправительной службы Квебека ощущается напряженность и недовольство, несмотря на то что Министерство общественной безопасности за три прошедших года увеличило их число на 10,3%.

– Недавно заключенный организовал поджог мотоцикла одного сотрудника. Другому во время дежурства плеснули в лицо кипятком, а потом избили. Если бы это было днем, мы могли бы принять меры и предотвратить нападение. Но ночной смене вместе с обожженным офицером пришлось ожидать, пока придёт подкрепление и вмешается, – рассказывает сотрудник тюрьмы города Сорель.

Несмотря на все это, Министерство общественной безопасности уменьшило выплаты за сверхурочные работы. В этом году на эти цели выделено лишь 18 миллионов долларов, тогда как в 2010–2011 годах выделялось 20 миллионов.

Сотрудники чувствуют себя обманутыми.

– В теории – да, мы должны реабилитировать заключенных. Но этого не происходит: все, что мы делаем, это изыскиваем свободные места, – полагает г-н Лемэр.

Например, сотруднику часто бывает трудно составить объективный доклад на заключенного, который должен предстать перед комиссией по условно-досрочному освобождению, потому что этот заключенный «гуляет» из одного пенитенциарного учреждения в другое. Соответственно, его освобождение откладывается.

– Это может продолжаться до тех пор, пока сотрудник не соглашется подписать отчет о наблюдении за тем или иным заключенным, которого он вообще-то не знает и наблюдать за динамикой исправления которого он попросту не мог. Сегодня это и называется социальной реабилитацией, – иронизирует г-н Лемэр.

– Сотрудники, конечно, делают свое дело. Но какой ценой? – задает сам себе вопрос Эрик Белисл.

На заданный нашей газетой по этому поводу вопрос в Министерстве общественной безопасности ответили, что уровень надзора в пенитенциарных учреждениях Квебека «адекватный», а социальная реабилитация заключенных является приоритетом в деятельности администрации тюрем. «Какое бы количество обходов, обысков, изъятий запрещенных предметов, бесед с заключенными ни проводилось, мы обеспечиваем постоянную безопасность как наших сотрудников,

так и подопечных нам лиц», – так письменно ответил нашей газете сотрудник министерства, ответственный за связи с общественностью.

***

Несколько лет назад правительство Квебека приняло решение о том, что оно намерено вложить значительные суммы в строительство новых центров заключения в Робервале, Сет-Иле, Сорел-Трэси. Они должны заменить старые тюрьмы в Сореле, Валлейфилде и в Амосе.

11 июля правительство уже объявило, что начинается строительство Центра заключения в Робервале.

Но между объявлениями и первыми вбитыми гвоздями, по мнению профсоюза, время тянется долго, слишком долго. Притом что в некоторых центрах заключения еще в 2009 году стали использовать «модульные здания» – вагончики, рассчитанные на 324 места.

– От одних выборов к другим дело потихоньку движется. Но уж очень маленькими шажками. Прямо сейчас нужно принять окончательное решение. И конечно, это не должны быть вагончики, – считает Стефан Лемэр.

– Насчет того, стоит ли еще добавить «модульные издания» или, наоборот, избавиться от них, никакого решения пока не принято, – отвечают в Министерстве общественной безопасности.

Со своей стороны в ассоциации «Альтернативная юстиция» выражают опасение, что введение дополнительных мест все равно не позволит решить проблему камерной перенаселенности.

– Все это печально. Мы высказали наше мнение министру, что дополнительные места не решат проблему. Это вроде как сказать: надо больше мест, потому что больше рождается народу. Странно: в Квебеке преступность резко упала, а народу в тюрьмах стало больше, – с горечью констатирует Эрик Белисл.

Тайвань: барабанный бой как средство реабилитации

Вот уже три года труппа барабанщиков U-Театра приходит в тюрьму Чжанхуа, расположенную в самом центре Тайваня, в 150 километрах от столицы острова Тайбэя. Этот эксперимент оказался настолько успешным, что основатель и художественный директор театра Лю Жо-Юй призвал частных спонсоров оказать финансовую поддержку освобождающимся музыкантам-заключенным с тем, чтобы они по выходе из тюрьмы смогли продолжить обучение на профессиональном уровне.

– У этих ребят просто взрывная энергетика. Если вы дадите им возможность учиться, то всю свою энергию они направят в правильное

русло. Но общество их потеряет, если по выходе из тюрьмы, они опять возвратятся в свое бывшее окружение, – заявил г-н Лю во время пресс-конференции, организованной по случаю выступления группы барабанщиков «Гуву», состоящей из одних заключенных.

Всего их сорок человек, все молодые, в возрасте от 18 до 25 лет. Их отобрали после специального прослушивания. Два раза в неделю преподаватели из труппы U-Театра приходят к ним в тюрьму, чтобы обучать искусству барабанного боя и медитации. Эти курсы барабанного боя являются составной частью программы обучения заключенных традиционным искусствам (пальчиковые куклы, китайская музыка суона, музыка нанган и бейган), которая проходит в тюрьме Чжанхуа.

Тай Чи Чуань пытается научить заключенных новому для них чувству – спокойствию.

– Сначала они легко отвлекались. Но постепенно все наладилось, – говорит г-н Тай. – Они научились сосредотачиваться и улавливать ритм.

Чжоу, бывший студент, осужденный за причинение огнестрельного ранения на 6 лет тюрьмы, с улыбкой рассказывает, что уроки барабанного боя приносят ему спокойствие и умиротворенность.

– Когда я бью в барабан, – говорит он, – я могу выпустить свой гнев, да и все другие негативные эмоции тоже. Хотя, – с улыбкой добавляет он, – это только кажется, что бить в барабан легко. На самом деле это очень трудно.

Директор тюрьмы Тай Шоу-Нан был настолько впечатлен успехами барабанщиков, что пошел на беспрецедентный шаг: он разрешил им выступить перед десятитысячной аудиторией на местном стадионе. Успех был ошеломляющий.

– А уж как радовались осужденные, – рассказывает Тай Шоу-Нан, – описать невозможно. Что интересно, все они перестали нарушать установленный распорядок, их поведение стало поистине безупречным. Осужденные поняли, что они ничуть не хуже других людей и у них тоже есть большой потенциал.

Буквально на днях двое освободившихся барабанщиков были приняты на работу в труппу театра.

– Это отличный пример для других заключенных. У них появилась надежда, что они также будут востребованы и что их ожидает хорошее будущее, – уверен начальник тюрьмы.

Справка

Пенитенциарная система Тайваня

В **86** пенитенциарных учреждениях по состоянию на 29 февраля 2012 года содержалось **64 420** заключенных, в том числе: подследственных – **6,8%**, женщин – **10,1%**, несовершеннолетних – **2,4%**. Количество заключенных на 100 тысяч населения – **277** человек. Наполняемость тюрем составляет **282%**. **Высшая мера наказания** – смертная казнь. **Условия содержания** в тюрьмах тяжелые.

Из доклада **Международной амнистии – 2011** «Права человека в современном мире»: «В апреле казнили четырех человек. Казни проводились впервые с 2005 года. Двадцать восьмого мая Конституционный суд Тайваня отклонил петицию о прекращении казней от лица 44 осужденных на смерть, четверых из которых казнили в апреле. Суды вынесли еще четыре смертных приговора. Таким образом, общее число приговоренных к высшей мере наказания превысило 70 человек. В октябре сформированная в Министерстве юстиции экспертная комиссия рекомендовала отменить высшую меру наказания».

Сальвадор: бандиты договариваются

17 июля главари двух крупнейших бандитских группировок в присутствии Генерального секретаря Организации американских государств (ОАГ) подписали соглашение о мире.

В тот день в крупнейшей тюрьме страны Ла-Эсперанса, расположенной в пригороде Сан-Сальвадора, царил необычайное волнение: президент ОАГ должен был встретиться с главами двух крупнейших *пандильяс*³ страны. Встреча состоялась в большом зале тюремной библиотеки под охраной десятков охранников, лица которых были скрыты балаклавами.

«Крестные отцы» обеих банд, соперничество между которыми за последние десять лет унесло жизни тысяч и тысяч людей, уселись в нескольких метрах друг от друга. Их разделял только стол, за которым восседали Генеральный секретарь ОАГ Хосе Мигель Инсульса, бывший партизан Рауль Миханго и монсеньор Фабиан Колиндрес, епископ вооруженных сил Сальвадора, который и открыл это совещание, призвав присутствующих к терпимости.

Затем Генеральный секретарь ОАГ поздравил обоих бандитов по случаю подписания соглашения о мире. Глава банды «18» по кличке

³ Пандилья (*исп.*) – банда, шайка, преступное сообщество.

Вьехо Лин⁴ зачитал от имени обеих бандитских группировок декларацию, которая начинается следующими словами: «Мы приветствуем приезд Генерального секретаря ОАГ и благодарны ему за участие в небывалом историческом процессе, который начался 9 марта этого года, за оказанную им помощь в поиске решения серьезной проблемы, связанной с насилием, которому подвержена страна». «В качестве жеста доброй воли» обе банды – «Маара Сальватруча»⁵ и «18» – обязуются «частично разоружиться» и сдать оружие властям, которые из него изготовят памятник, посвященный миру.

Этот визит Генерального секретаря ОАГ в тюрьму шокировал многих жителей страны, которые годами страдают из-за преступной деятельности банд, на счету которых многочисленные изнасилования, убийства, вымогательства и похищения. Жители Сальвадора расценили прошедшую между бандитами и представителем одной из крупнейших мировых организаций встречу как верх неприличия.

Несколько часов спустя Хосе Мигель Инсульса ответил на эти обвинения во время пресс-конференции, которая состоялась в президентском дворце: «Мы сделали все возможное, чтобы поддержать этот процесс, тем более если он протекает в рамках закона. Является ли это оскорблением жертв? Очень важно, что можно ежедневно спасать десяток жизней. Речь ведь не идет об официальном признании воюющих между собой банд. Но мы готовы отслеживать этот процесс (перемирия. – *Ред.*). Мы будем наблюдать, как он осуществляется и какими методами пользуется каждая из сторон, чтобы улучшить ситуацию».

Его кличка среди бандитов – Старая Рысь. Да и все остальные жители этой латиноамериканской страны знают его под этим именем. Это прозвище он получил на улицах Лос-Анджелеса, когда ему было лишь 8 лет. Сегодня ему 50, и он является главой банды «18», объединяющей десятки тысяч членов. Ему приписываются самые страшные преступления. Он был арестован и в 2008 году приговорен к 40-летнему тюремному заключению за убийство и обезглавливание одной женщины. «Я ее даже не знал. Более того, ее тело было обнаружено на территории, контролируемой «Сальватруча». Как бы я смог оставить тело на вражеской территории?» – спрашивает бандит.

Старая Рысь, настоящее имя которого Карлос Мохико, увлекается историей Франции и предпочитает разговаривать не о преступлениях,

⁴ Переводится как Старая Рысь.

⁵ Переводится как «сальвадорские бродячие муравьи».

совершенных его бандой, а о генерале де Голле. Насилие и жестокость, которые демонстрируют две основные бандитские группировки – «Сальватруча» и «18», – привели к тому, что Сальвадор еще несколько недель назад занимал первое место в мире по количеству убийств. Но с марта количество убийств, ежедневно совершаемых в стране, сократилось в 3 раза: с 15 до 5. Это произошло благодаря «соглашению о мире», заключенному между двумя бандами. Ежемесячно примерно 300 человек остаются в живых. Между 2002 и 2011 годами ежегодное число убийств выросло с 2346 до 4374. И это несмотря на все более жесткие меры, предпринимаемые правительством. Тюремное население за этот же период, в свою очередь, увеличилось более чем в 2 раза: с 11 451 в 2003 году до 25 400 – в 2011 году.

Министр юстиции и безопасности Давид Мунгия Пэйес утверждает, что правительство напрямую с бандами не вступает в переговоры. «Правительство сделало все, чтобы облегчить диалог между ними, не прекращая при этом юридического преследования преступников». А если власти и позволили себе перевести главарей двух соперничающих банд в тюрьмы с облегченным режимом, то «это было сделано в рамках закона, с тем чтобы они могли более легко контактировать со своими вооруженными людьми», а такое общение невозможно в тюрьмах с высоким уровнем безопасности.

Справка:

Пенитенциарная система Сальвадора

В 28 пенитенциарных учреждениях по состоянию на декабрь 2010 года содержалось **24 283** заключенных, в том числе: подследственных – **34,8%**, женщин – **8,5%**, несовершеннолетних – **3,0%**, иностранцев – **1,2%**. Несовершеннолетние, в количестве **750** человек, в общее число заключенных не включены, так как они содержатся в учреждениях, не подчиненных пенитенциарной системе. Количество заключенных на 100 тысяч населения – **391** человек. Наполняемость тюрем по официальным данным составляет **253,5%**. **Смертная казнь** отменена за общеуголовные преступления. **Условия содержания** в тюрьмах очень тяжелые.

Самое известное пенитенциарное учреждение – тюрьма **Ла-Эсперанса** (пригород столицы). Тюрьма открыта в 30-е годы XX века. Рассчитана на 800 человек, но вмещает более 3000 заключенных.

Из доклада **Международной амнистии – 2011** «Права человека в современном мире»: «В июне не менее 16 человек погибли, когда автобус, в котором они находились, подожгли участники преступной груп-

пировки во время вспышки беспорядков в Сан-Сальвадоре. В ответ на насилие уличных банд и волнения в нескольких тюрьмах в июне власти направили военных в ряд тюрем и отдельные районы Сан-Сальвадора. В сентябре принадлежность к преступной группировке стала квалифицироваться как уголовное преступление. Высказывалась глубокая тревога в связи с применением закона, в том числе опасения, что к нему могут прибегнуть для уголовного преследования бывших участников банд, реабилитирующих их лиц и лиц, связанных с участниками или бывшими участниками преступных группировок».

Великобритания: заключенные написали книгу в честь Олимпиады

Британские заключенные не остались в стороне от Олимпиады-2012. По инициативе одного из арестантов, к которой они с удовольствием подключились, заключенные написали посвященную Олимпиаде книгу. Их творчество было отмечено Комитетом по культуре, работающим в рамках проводимых Олимпийских игр. Литературную обработку книги осуществил журналист газеты «Гардиан», сам проведенный за решеткой 20 лет. Он же рассказывает, как это было.

«Застрельщиком написания этой книги выступил заключенный Питер Уэйн, отбывающий наказание в лондонской тюрьме Уондсворт. Питер – эстет и законченный рецидивист. Я его хорошо знаю, так как мы с ним старые приятели по совместному заключению. Впервые мы встретились с ним в 1989 году, в тюрьме строгого режима Лонг-Мартин, которая находится на юго-западе Великобритании. Я был осужден к пожизненному лишению свободы за убийство (Эрвин Джеймс был освобожден в 2004 году, после 20 лет заключения. – *Ред.*), а он отбывал десятилетний срок за вооруженное ограбление, что вообще-то, как я ему тогда сказал, было несколько странно для выпускника частной элитной школы. Находясь в бегах после нескольких совершенных им ограблений, Уэйн в один прекрасный день зашел в церковь, построенную в XVII веке, и был настолько впечатлен ее красотой и архитектурой, что после своего ареста и осуждения решил, что время в заключении он зря терять не будет, а посвятит его изучению культуры и истории. Вскоре он стал настоящим экспертом. Уэйн даже получил грант для проведения своих исследований. Никогда еще в британских тюрьмах ничего подобного не случалось.

Я восхищался Уэйном, потому что мне самому на тот момент ничего выдающегося в жизни достичь не удалось. Несмотря на то что он находился в тюрьме, Уэйн отличался трудолюбием, решительностью и опти-

мизмом. Он производил впечатление человека, который добьется всего, чего пожелает, в том случае, конечно, если ему удастся победить живущих внутри него демонов и отказаться от наркотиков. После освобождения он недолго погулял на свободе и вновь загремел в тюрьму: 3 года – за кражу, 5 лет – за вооруженное ограбление, 18 месяцев – за мошенничество и т.д. В течение этих лет наши пути не раз пересекались. Я читал статьи об искусстве, архитектуре и тюремной жизни, которые он писал в камере для различных серьезных изданий, специализированных альманахов и глянцевого журнала.

В течение нескольких лет он вел регулярную рубрику под названием “Заключенный” в популярном журнале “Перспектива”. Приближался конец его очередного 32-месячного заключения, когда неожиданно я получил от него письмо из тюрьмы Уондсворт. “Нужно, чтобы ты приехал и посмотрел, что здесь происходит. Мы пишем книгу, но не какую-то там простую книгу, а КНИГУ в честь Олимпийских игр!” Я был удивлен, поскольку по своему печальному опыту пребывания за время отсидки в различных тюремных заведениях хорошо знал, что ни одна из тюрем не сравнится с Уондсвортом в том смысле, что именно здесь, как ни в каком другом месте, человека могли сломать, раздавить, уничтожить.

Я и помыслить не мог, что мне по собственной воле придется вновь побывать в этой тюрьме. Но письмо Уэйна меня заинтриговало, и я решил все-таки туда съездить. Тюрьма с момента моего последнего там пребывания почти не изменилась: решетки, противопобеговые сетки, железные двери, громкие звуки открывающихся и закрывающихся дверей. Грэхэм Барретт, который отвечает за воспитательную работу с заключенными, провел меня в корпус, в котором находился Уэйн. Он рассказал мне, что весь прошлый год Уэйн только и делал, что агитировал, уговаривал и призывал заключенных и персонал тюрьмы, чтобы они писали рассказы, стихи, поэмы и делали рисунки – все в честь спорта. Мы нашли Уэйна в тюремной библиотеке. Несмотря на то что более 30 лет он только и делал, что садился и освобождался, Уэйн остался все таким же подвижным. Мы обнялись, как старые друзья, и он начал объяснять: “Я им (заключенным. – *Ред.*) сказал: “Это Олимпийские игры. Мы можем рассказать людям, как мы их видим. – А потом я добавил: – Если вы примете в этом участие, вы обессмертите себя литературно!”

Он хотел, чтобы эта книга – “Во славу спорта” – была представлена на Культурной Олимпиаде – 2012. На различное оборудование, необходимое для ее изготовления, директор тюрьмы выделил 400 фунтов стерлингов (примерно 20 тысяч рублей. – *Ред.*). Библиотекарь предоставил помещение и вообще оказал существенную поддержку. В этом

проекте активно участвовали многие важные тюремные сотрудники и конечно же заключенные. Так, один из них, Аарон, проводил ночи, вышивая различные изображения на тканевом покрытии книги, сам же Уэйн занимался ее содержанием.

Когда я пришел в тюрьму, книга эта была еще не совсем закончена, но выглядела она прекрасно. Поэмы чередуются с различными аллегорическими изображениями Олимпийских игр. И конечно, здесь присутствуют стихи, написанные искренне, остро, рассказывающие о жизни заключенных:

Всю свою жизнь я в бегах.
Начиная с 10 лет, когда впервые сбежал из школы.
Потом я сбежал из своего города...
Потом из своей страны...
Не раз я бегал, чтобы скрыться от полиции.
А теперь вот уже не бегу:
Теперь я хожу и хожу по тюремному двору..

Чтобы эта книга была представлена на Культурной Олимпиаде, необходимо, чтобы она получила специальный знак "Вдохновение", даваемый "за участие, мотивацию и стимуляцию". В Комитете Культурной Олимпиады объяснили, что такой знак не выдается одному человеку, но он будет выдан тюрьме Уондсворт.

По словам официального представителя Оргкомитета Олимпиады – 2012, эта книга является "выдающимся достижением, которое позволит заключенным поделиться своими историями и рисунками, посвященными Олимпийским играм, с другими участниками Культурной Олимпиады и знакомит всех желающих с тем, какие культурные события происходят в тюрьмах и какие там можно получить умения и навыки". А Уэйн придумал еще один мастерский ход. Он убедил Ральфа Ругоффа, директора Лондонской Хэйвордской галереи, выставить эту книгу в своей экспозиции. "Эта книга, – заявил г-н Ругофф, – весьма впечатляющее и побудительное достижение, настоящий праздник во славу спорту".

Сам Уэйн несколько дней назад был освобожден из Уондсворта. Надеюсь, что 2012 год станет для него поистине счастливым».

Канада: исследование причин суицидов

В исследованный Исправительной службой Канады (ИСК) период (2003–2008 годы) произошло 66 суицидов. Все эти случаи были тща-

тельно изучены. Еще двадцать человек в это же время причинили себе телесные повреждения, включая сюда и попытки самоубийства.

Выводы исследования однозначны: примерно в 60% случаев суицидам, совершенным заключенными, предшествовало значительное увеличение стресса. Особенно в проведенном исследовании отмечаются следующие факторы: «межличностные проблемы, судебное разбирательство, финансовые проблемы».

Впрочем, изменение места заключения (перевод в другое учреждение, перевод в другую камеру, возвращение в тюрьму) также позволяет примерно в 50% случаев объяснить причины членовредительств.

«В 95% случаев причинения себе повреждений и в 89% случаев самоубийств была зафиксирована по меньшей мере хотя бы одна из перечисленных побудительных причин, – говорится в исследовании. – Но в значительном количестве случаев ни одна из этих побудительных причин или факторов риска не рассматривалась как имеющая важное значение вплоть до того момента, пока не происходил сам инцидент».

Чуть более одной трети лиц, покончивших с собой, отбывали сроки наказания за убийство другого человека. Почти все самоубийцы (96%) были осуждены за насильственные преступления.

По мнению Сержа Абержеля, официального представителя ИСК, психологический профиль заключенного имеет огромное значение в определении степени риска совершения самоубийства.

«Каждый индивид поступает к нам с определенным багажом проблем, и очевидно, что они оказывают влияние на то, что с ним будет дальше. Это, – поясняет г-н Абержель, – и злоупотребление психоактивными веществами, различные зависимости, история жестокого обращения с ним в детстве, проблемы психического здоровья».

Парадоксально, но анализ личных дел преступников, покончивших с собой в тот момент, когда они находились на свободе (в период условного освобождения или, например, при наличии разрешения покинуть пенитенциарное учреждение), указывает, что сама свобода может быть фактором риска.

Эта причина присутствует у каждого пятого преступника, не находившегося в момент суицида в стенах пенитенциарного учреждения.

По словам Сержа Абержеля, ИСК начиная с 2010 года прилагает значительные усилия в борьбе с суицидами и с членовредительством в тюрьмах. Это целая программа, в состав которой входят и увеличение количества патрулей безопасности (обходов камер), и более тщательное изучение психологического профиля каждого заключенного, и повышение квалификации сотрудников.

«Приоритетом для нас конечно же является сохранение жизни. Для этого необходимо как более грамотно управлять самими преступниками, так и более эффективно управлять инфраструктурой, чтобы уменьшить количество вариантов и возможностей, позволяющих причинить себе физический вред или покончить с собой», – утверждает г-н Абергель.

Но, по мнению канадского филиала Ассоциации Джона Говарда, занимающейся защитой прав заключенных, положительный эффект всех этих усилий может быть значительно уменьшен из-за последних решений, принятых правительством.

«Сокращение бюджетного финансирования Исправительной службы Канады, сопровождаемое ростом числа заключенных, ставит под сомнение возможность ИСК конкретизировать свою стратегию, касающуюся психического здоровья заключенных, – заявила директор этой организации Кэтрин Латимер. – Перенаселенность тюрем создаст еще больше проблем для заключенных, страдающих депрессией, и уменьшит возможности потенциала реагирования со стороны ИСК».

***

Суициды в тюрьмах

55% – никакое психологическое расстройство не диагностировано;
18% – диагностировано психологическое расстройство;
28% – диагностировано два или более психологических расстройств.

Побудительные причины

34% – ухудшение психического здоровья;

58% – увеличение стресса;

11% – перемещение;

17% – любовный разрыв;

20% – токсикомания.

(Источник – Исправительная служба Канады)

Венгрия: «летняя тюрьма»

В Венгрии правительство проводит эксперимент с «летней тюрьмой», в которой заключенные работают, чтобы оплатить расходы, связанные с их содержанием. С одной стороны, эта программа, по мнению властей, способствует решению проблемы переполненности тюрем, с другой – вызывает критику у правозащитников.

Запущенный с середины июня 2012 года, этот пилотный проект, инициированный дирекцией Пенитенциарной администрации, распро-

страняется на 60 человек, осужденных за незначительные деяния на сроки от 3 до 6 месяцев лишения свободы. Реализуется проект в учреждении, расположенном в местечке Надьжифа, в 190 километрах к югу от Будапешта.

«Наша цель состоит в том, чтобы заключенные компенсировали расходы, связанные с их содержанием, а не перекладывали их на налогоплательщика, – объяснил корреспонденту Франс Пресс Золтан Балог, официальный представитель Пенитенциарной администрации. – С другой стороны, мы хотим, чтобы время, которое они проводят в тюрьме, не пропало даром, а прошло с пользой для них». Это означает, пояснил Золтан Балог, что, работая, заключенные способствуют своей реинтеграции в общество.

В учреждении Надьжифа в целях экономии нет ни отопления, ни света. Зато в камерах достаточно места и режим содержания более свободный.

«Здесь все-таки ощущается некое чувство свободы, чего абсолютно нет в других тюрьмах, потому что там более строгий режим, соответственно, более строгая и даже жесткая дисциплина, – свидетельствует Дёрдь, заключенный, которому на вид за 30 лет. – Здесь живешь почти как на свободе, среди обычных людей».

В Венгрии насчитывается около 17 000 осужденных и содержащихся под стражей лиц, тогда как официальная вместимость тюрем не превышает 12 600 мест. Таким образом, как указывает неправительственная организация «Ассоциация за фундаментальные права», гарантированные законом 3 кв. метра для мужчин и 3,2 кв. метра для женщин, не соблюдаются.

В соответствии с программой заключенные в Надьжифа работают на полях фермерского хозяйства, находящегося в ведении Пенитенциарной администрации, и получают в месяц 80 евро, что в три раза ниже официально установленного минимального размера оплаты труда. Кроме того, в день с них высчитывается 1 евро на питание.

Заключенным – участникам этой программы – может быть предоставлен отпуск в количестве 20 дней, который они могут провести в этом же учреждении. Кроме того, им может быть предоставлена возможность выезда к своим семьям на срок от 5 до 15 дней.

Тюрьма также сдает в аренду свои площади частным предприятиям, которые используют труд заключенных и платят им те же 80 евро, что вызывает протесты со стороны Хельсинкского комитета, неправительственной правозащитной организации.

«Основная цель лишения свободы состоит не в том, чтобы извлекать прибыль за счет заключенных. Основная цель, как это и записано в законе, состоит в том, чтобы реинтегрировать людей в общество, а вовсе не использовать их как современных рабов», – утверждает Балаш Тот, один из руководителей Хельсинкского комитета.

Если этот эксперимент покажет хорошие результаты, Пенитенциарная администрация намерена распространить его на все остальные тюрьмы страны.

В Надьжифа летняя тюрьма закроется в октябре. Но дирекция учреждения рассчитывает, что следующим летом она откроется вновь, а число работающих заключенных в ней достигнет 100 человек.

Справка

Пенитенциарная система Венгрии

В **33** пенитенциарных учреждениях (31 тюрьма и 2 тюремные больницы) по состоянию на 31 декабря 2011 года содержалось **17 210** заключенных, в том числе: подсудимых – **28,3%**, женщин – **7,2%**, несовершеннолетних – **3,1%**, иностранцев – **4,4%**. Количество заключенных на 100 тысяч населения – **173** человека. Наполняемость тюрем по официальным данным составляет **136,5%**. **Высшая мера наказания** – пожизненное заключение без права на помилование. **Условия содержания** в тюрьмах удовлетворительные, хотя в большинстве из них существует проблема переполненности.

Самое известное пенитенциарное учреждение – **Центральная тюрьма** (Будапешт). Предназначена для заключенных-мужчин. В период правления премьер-министра Матьяша Ракоши здесь содержались политзаключенные, после подавления революции 1956 года – ее участники. **Самый известный заключенный** – лидер социалистической Венгрии в 1956–1988 годах Янош Кадар. В 1931 году он был осужден на два года тюрьмы за участие в коммунистическом движении, а в 1952 году – приговорен к пожизненному заключению со снятием с поста члена ЦК ВСРП за антисоветскую деятельность, но амнистирован в 1954 году.

Из доклада **Международной амнистии – 2011** «Права человека в современном мире»: «Международные органы, следящие за соблюдением прав человека, а также международные и венгерские НПО выявили ряд структурных недостатков венгерской системы уголовного правосудия в том, как она реагирует на преступления, совершенные на почве ненависти. Среди таких недостатков назывались: то, что преступления на почве ненависти не классифицируются и, соответствен-

но, не расследуются как таковые; отсутствие специального обучения и подходящих инструкций для полиции и следователей; недостаточная помощь пострадавшим от преступлений на почве ненависти; отсутствие действенных мер по выявлению природы и масштабов проблемы (частично это обусловлено отсутствием статистики, что затрудняет отслеживание тенденций и должное реагирование).

Документально отмечен ряд случаев, из которых видно, что правоохранительные органы зачастую не усматривали в преступлениях расовой подоплеки. В ноябре в материалах, подготовленных для универсального периодического обзора ООН, венгерские НПО также выразили озабоченность тенденцией квалифицировать преступления как "обычные", вместо того чтобы признавать их преступлениями на почве ненависти с отягчающими расовыми мотивами. В результате отсутствует открытая, заслуживающая доверия статистика о реальном количестве преступлений на расовой почве в Венгрии. По имеющейся информации, ненависть как отягчающий мотив также игнорировалась в преступлениях против представителей ЛГБТ-сообщества и евреев».

Бельгия: работа с «словниками»

Здесь грязно. В небольшом аквариуме сидит тарантул. Еще тут есть три скорпиона и паук-птицеед. «Похолодало», – радостно улыбаясь, говорит Фред, открывая двери своей халупы. Улыбка не сходит с его лица.

«Какие хорошие новости!» – сразу же кричит он. С тех пор как 14 декабря закончился его контракт, по которому он работал в агентстве социального жилья, он все еще безработный. Он пока еще не получил работу в пиццерии «Домино», но в ближайшее время он займется учебой на водителя грузовика, он продал свой «Опель Комбо» и прекратил пить. В «доказательство» он показывает бутылку джина, стоящую на грязной каминной полке: «Видите, сколько здесь было 2 февраля, столько же и осталось!» Да он даже не притрагивается к этому дерьму, а если и притрагивается, то совсем чуть-чуть. И вообще он занимается дзен-буддизмом, а своего злого ангела, эту деваху Муму, он выгнал. «Я взялся за ум, – говорит он. – Если ничего с этими девками не получается, то и черт с ними. Не надо забывать, что на этой чертовой планете на одного мужика приходится семь баб».

Статистика вызывает сомнение, но, по-видимому, у этого человека ничто не может поколебать уверенность в своей правоте. Он смотрит на мир просто. «Я рад до безумия! – говорит он. – Прикольнo». Справка от психиатра? Она у него есть. Долги? Да, все нормально. «Ну да, последнюю встречу я пропустил». Какое счастье...

Сидя на маленькой софе в этой хибаре, Франсис Брежельман согласен кивает. Тридцать лет он работает в качестве судебного помощника – техническим юридическим экспертом. Он снисходителен: выслушивать красноречие всех этих бывших заключенных, а ныне условно-освобожденных – это его работа. Он знает, что они стремятся выглядеть лучше, чем есть на самом деле. Так сказать, позолотить пилюлю.

Он также знает, что они постоянно врут и хотят его использовать в своих целях. Но с годами он научился в них разбираться. И он хорошо знает их окружающий мир. С тех пор как Фред вышел из тюрьмы, он его часто посещает. «Он должен знать, что за ним наблюдают», – говорит эксперт.

Франсис Брежельман не обманывается насчет того, что этот «условник» ему рассказывает, – он для этого слишком опытен. Но он видит, что у Фреда все-таки есть положительные изменения. С тех пор как он был у него в последний раз, Фред более или менее прибрался в доме. Раньше хибара гораздо больше походила на мусорную свалку. И заметно, что Фред начал задумываться о том, что ему делать дальше.

Франсис Брежельман очень серьезно относится к посещениям своих поддочетных. Тем более что по инструкции они могут проходить только через раз: встреча в офисе – посещение на дому. И еще: эти посещения ни в коем случае не должны носить навязчивый характер.

«Тем не менее, – говорит Франсис Брежельман, – эти посещения имеют большое значение. Важно встречаться с людьми в привычной для них обстановке».

Но самая первая встреча с подопечным должна состояться именно в офисе: только что вышедших из тюрьмы вызывают сюда, в кабинет, расположенный на четвертом этаже Дома правосудия, для беседы, во время которой «технический юридический эксперт» фиксирует установленные для него ограничения, налагаемые при условно-досрочном освобождении.

Эти ограничения устанавливает специальный суд по применению наказаний (СПН). Нужно удостовериться в том, что условно-освобожденный хорошо понял, что именно ему можно, а что нельзя делать и как он планирует использовать предоставленную ему возможность досрочного освобождения, чтобы реинтегрироваться в общество. Судебный помощник будет постоянно отслеживать его поведение. Иногда такое сопровождение длится до 10 лет. Это сложная задача, поскольку она сочетает в себе две функции, которые на первый взгляд противоречат одна другой: помощь и контроль. Иногда требуется жесткость, иногда мягкость – это длительная и трудная работа.

Если кто-то из подопечных начинает вести себя плохо, то встречи с ним проходят только в офисе – в официальной обстановке. Это осознанный выбор, так как сам приход в Дом правосудия напоминает нарушителям об их обязанностях, а строгая функциональность кабинета добавляет как бы некой «торжественности»: человеку дается понять – ситуация серьезная.

Этим утром Франсис Брежелман вызвал к себе в офис одного условно-освобожденного, чтобы вправить ему мозги. Но тот не пришел по вызову. В этом нет ничего необычного, публика, как говорится, еще та. «Хуже всего, – говорит Франсис Брежелман, – что этот парень может быть за что-то уже арестован, а мне никто не удосужился сообщить. Это я должен сразу обо всем всех информировать, а вот мне из прокуратуры сообщают что-то очень редко».

По мнению судебных помощников, информация, касающаяся условно-освобожденных, должна передаваться в соответствующие органы более оперативно. Но прокуроры как бы окружили себя неприступной стеной и живут в башне из слоновой кости. И судьи СПН по-разному оценивают приоритеты: одни считают главным то, на что другие не обращают внимания. В общем, их логика зачастую совершенно непонятна «людям, живущим на земле».

«Взаимодействие не на высоте, – объясняет Франсис Брежелман. – Иногда даже сам себе задаешь вопрос: а читают ли там все эти наши отчеты, которые мы им регулярно направляем?»

У судебного помощника нет прав на применение каких-либо санкций. Если он фиксирует какие-либо нарушения – не мелкие, а крупные, – он по инструкции обязан составить «сигнальный рапорт» и отослать его в адрес «уполномоченного лица»: в случае с условно-освобожденными – в адрес СПН. Только судья по применению наказаний может наказать: объявить выговор или в более тяжелых случаях отменить условно-досрочное освобождение и возратить «условника» в тюрьму.

Но отмена УДО – крайняя мера. В целом подопечные Франсиса Брежелмана ведут себя хорошо и выполняют наложенные на них ограничения: «Менее десяти процентов совершают рецидив или допускают нарушения, за которые им отменяют условно-досрочное освобождение».

Кстати, условия не всегда легко исполнить. Социально-экономическая ситуация, как говорится, не позволяет. Например, очень тяжело найти работу.

На сегодняшний день у Франсиса Брежелмана 92 подучетных. Это очень много. Половина из них пользуется пособиями, предоставляе-

мыми управлением соцзащиты. А в кабинете директрисы управления лежит еще целая кипа досье, которые надо рассмотреть.

Любопытно, что в последние годы количество просьб об условно-досрочном освобождении имеет тенденцию к уменьшению: многие заключенные, из числа тех, кто получил срок до 5 лет лишения свободы, предпочитают освободиться «по звонку». И не подают ходатайств об условно-досрочном освобождении, которое их обязывает соблюдать те или иные наложенные ограничения. С другой стороны, растет количество случаев назначения пробационного надзора вместо тюремного заключения и применение альтернативных аресту мер пресечения, особенно для молодежи,

В последние годы значительно увеличилось количество различной документации. Сегодня судебный помощник на работе уже в 7 утра. «Надо писать отчеты», – говорит он.

Служба есть служба, и она требует, чтобы ее исполняли. Но бывают и маленькие радости. Как вот эта, например. Посещение Жожо. Последнее на сегодня, но приятное. Потому что Жожо был освобожден условно-досрочно весной 2007 года и надзор за ним заканчивается меньше чем через месяц. Франсис Брежелман приносит ему бланк документа – это просьба о снятии судимости. В свои 58 лет Жожо – седые волосы до плеч и ухоженная борода – вновь станет полноценным членом общества.

Он ремонтирует автомобили. И здесь же тихо живет, в задней части здания, в темной теплой комнате. На стене висит огромная сучковатая трость, на которой пирографом выжжена надпись: «Не отвечаю за свои действия». Память о тех временах, когда сам Жожо ни за что не отвечал.

Почти всю свою жизнь он провел, курсируя между домом и тюрьмой – «всегда за какую-то мелочовку», говорит он. Но последний срок был за покушение на убийство.

Жожо – интересный персонаж. В этом маленьком городишке его зовут Шериф. Жожо не привык никого уговаривать: чуть что – сразу в лобешник. «Это был мой город, – говорит он. – В любом бистро я мог выпить на халяву». Но все же он «завязал». За весь свой испытательный срок Жожо не допустил ни единого нарушения. Только один раз он без разрешения покинул городок, потому что узнал, что его жена ушла к другому. Та ночь закончилась для него в канаве, вместе с мотоциклом, где его и нашли полицейские. Причину эту власти посчитали уважительной, и ему ничего за это не было.

Правда, ему запретили посещать бистро. «Слава Богу, что так вышло. И спасибо полицейским, которые меня задержали, иначе я бы этого хахалю, который спутался с моей женой, разрезал бы на части».

Франсис Брежелман кивает головой: он знает, что так оно и было бы. И он рад за Жожо.

«Вам будет не хватать моих посещений?» – улыбаясь, спрашивает судебный помощник.

«Н-е-ет! – радостно и честно кричит Жожо. – Но должен тебе сказать, что ты – один из немногих, с кем можно по-человечески поговорить. Это точно. Ты ж помнишь “Барабан”, так?»

«Барабан» – так называлась мастерская, куда Жожо определили работать после того, как он был условно-досрочно освобожден. Там делали восточные ударные инструменты. Жожо ненавидел этот грохот. Франсис Брежелман помог ему перейти на другую работу. «И за это, – говорит Жожо, – я буду тебе признателен до конца жизни».

Франция: этапирование заключенных – «слабое звено»

С начала 2011 года полицейские больше не участвуют в этапировании заключенных. Эта миссия полностью возложена на сотрудников пенитенциарной системы. Многие требуют, чтобы они были вооружены.

Людовик Лопес, заключенный, относящийся к категории склонных к побегу, содержащийся в предварительном заключении в тюрьме города Люиня, 19 июля сбежал из психиатрической больницы, расположенной в Экс-ан-Провансе, куда он был переведен после попытки суицида. Он ожидал суда по обвинению в покушении на убийство. В психиатрической больнице его поместили в палату, находившуюся под наблюдением, в которой было небольшое окно без решетки. Этот побег заставляет вспомнить о деле Рафаэля Жименеза, который сбежал в октябре 2011 года. Жименез числился как особо опасный преступник, срок лишения свободы которого заканчивался лишь в 2023 году. Перевозивший Жименеза спецавтомобиль пенитенциарной службы неожиданно был атакован вооруженным неизвестным, которому удалось ранить охранника. Недавно сбежал еще один заключенный во время баскетбольного турнира, проводившегося во Дворце спорта «Пари-Берси», на котором, кстати, присутствовала Кристиана Тобира, недавно назначенная на пост министра юстиции. Все эти случаи поднимают вопрос об эффективности процедуры этапирования заключенных, используемой в настоящее время.

С 1 января 2011 года полицейские и жандармы, которым ранее было вменено в обязанности этапировать заключенных, больше этим не за-

нимаются. Эта миссия возложена на Пенитенциарную администрацию. В отчете сенатора от либерально-консервативной партии «Союз за президентское большинство» (СПБ) Ролана дю Люара говорится, что это является «настоящим прорывом» с точки зрения организации этого процесса. Но для *Le Figaro* сенатор сказал, что все-таки силы правопорядка выполняли эти действия лучше, то есть с большей безопасностью для населения. Сенатор также выразил сожаление, что в тюрьмы попадает много мобильных телефонов, и посоветовал установить специальную аппаратуру для их обнаружения.

Опрошенный *Le Figaro* офицер пенитенциарной службы Жан-Люк Беллок, являющийся одновременно профсоюзным активистом, согласился с мнением, что «заключенные прекрасно усвоили, что именно этапирование является слабым местом». Он утверждает, что некоторые заключенные «симулируют» плохое состояние здоровья, «особенно ночью или в выходные дни». «Раньше привлечь к этапированию полицейских было гораздо легче, чем сейчас», – добавил г-н Беллок. Профсоюзный активист отмечает, что пенитенциарные сотрудники во время этапирования заключенных в медицинские учреждения не вооружены. Оружие пенитенциарным офицерам при этапировании выдается лишь в двух случаях: когда они доставляют заключенных в межрегиональные специализированные больницы с повышенным уровнем безопасности (тюремные госпитали. – *Ред.*), а также при переводе их из одного пенитенциарного учреждения в другое. «Администрация знает об этой проблеме, но ничего не делается, чтобы ее решить», – уточняет Жан-Люк Беллок, добавляя, что профсоюз считает, что пенитенциарные сотрудники должны быть вооружены во время любого этапирования.

Сейчас во время этапирования на одного заключенного приходится двое сотрудников и старший конвоя. Но иногда, с сожалением отмечает г-н Беллок, выделяется лишь один сотрудник. В целях безопасности заключенные в наручниках могут быть переданы под ответственность старшего конвоя. Но использование наручников ограничено Уголовно-процессуальным кодексом и может применяться лишь «в случае, если заключенный представляет опасность для себя самого или для окружающих, а также в случае, если он может совершить побег». Профсоюзный активист объясняет, что Пенитенциарная администрация часто не в курсе, может ли тому или иному заключенному быть оказано содействие от его сообщников на воле.

Ролан дю Люар вообще полагает, что необходимо развивать видеоконференцсвязь между тюрьмами и судами, что позволило бы избежать постоянных перемещений заключенных с места на место. Раньше

этапированием заключенных занимались 1200 полицейских и жандармов. В настоящее время в Пенитенциарной администрации создается управление по этапированию, в котором предусмотрено 800 сотрудников. Еще в 2010 году сенатор отмечал в своем докладе: «Эта новая миссия Пенитенциарной администрации требует профессиональной подготовки сотрудников и приобретения для них специального снаряжения». Ролан дю Люар не против того, чтобы вооружить пенитенциарных сотрудников, но напоминает, что для этого должно быть заключено официальное соглашение между МВД и Минюстом, а пенитенциарным офицерам необходимо пройти соответствующую подготовку.

Как бы там ни было, «уровень побегов во Франции один из самых низких в мире», отметил год спустя в своем докладе Эрик Сьотти, еще один сенатор от СПб. Данных за 2012 год пока нет, но Министерство юстиции на запрос *Le Figaro* ответило, что в 2011 году было совершено 4 побега против 7 в 2010 году.

Составил и перевел Юрий Александров

Твой дом – тюрьма

Акцию протеста, прошедшую в Минздраве 2 августа 2004 года, мы действительно хорошо спланировали. Хотя придумать и провести – далеко не совсем одно и то же. Во время проведения акции там было больше импровизации. Ведь любая акция подобного рода рассчитана на общественность, и преподнести ее в лучшем виде, чтобы всем было максимально понятно, – это задача участников акции. Как задача импровизированного театра пантомимы довести до публики содержание спектакля, чтобы даже ребенку понятно было все происходящее на сцене. Так и мы четко, доступно и понятно тогда показали, почему собрались здесь. Куда и к чему ведет этот закон для и без того сокращающегося населения РФ.

Наступил день одновременно второго и третьего слушания в Госдуме РФ проекта зурабовского федерального закона № 122.

Мы, разделившись на три группы, ровно к одиннадцати часам подошли к дверям министерства. Нас было около тридцати человек.

Посмотрев, все ли нацболы на месте, я, одетый в форму МЧС, вошел в министерство. Ребята ринулись за мной. Мы подошли к вахте, и я сообщил сидящему за трибункой мужику, что это учения МЧС. Отрабатываем эвакуацию работников в условиях чрезвычайной ситуации. И пошел через турникет, вахтер, видимо, что-то хотел сказать мне, но тут все так же быстро посыпались через проходную.

После негромкого, но настойчивого стука я аккуратно вошел в 217-й кабинет на втором этаже. Милые и спокойные административные работницы готовились к обеденному перерыву. С порога я им сказал тихо: «Здравствуйте, без паники, извините, пожалуйста, но у нас учения МЧС, спуститесь вниз и отметьтесь там на санитарном посту». Одна из женщин, улыбаясь, сказала: «А нам такие штучки тоже дадут?» – и

показала на наши респираторы. «Конечно, – ответил я, – только попросите».

Респираторы оказались им необходимыми, ведь в известной книге, у кого не было противогазов, укладывали на носилки и отправляли на лекцию в медчасть. Эта веселая история въелась глубоко в подсознание большинства наших сограждан старше двадцати пяти лет. Поэтому наши действия не вызвали каких-либо сомнений в правильности наших поступков. Они знали главное, что они не читают газет, где подобные вещи пишут, соответственно воспринимают подобные вещи с юмором и пониманием.

Я взобрался на подоконник, открыл окно и тут же разорвал спокойный и ровный под окнами асфальт разлетевшимися листовками. «Отмена льгот – преступление против народа!» Внешняя группа уже была у дверей Минздрава и скандировала: «Зурабова в отставку! Нет отмене льгот!»

Вокруг толпились уже репортеры и жадно снимали все подряд. Было два или три канала и десятка два фотографов. Вокруг стояли еще просто журналисты с диктофонами и блокнотами.

Но об этом чуть ниже. А пока мы продолжали скандировать и, размахивая флагами, разбрасывать листовки.

Спустя час я решил перейти ко второй, более важной, части нашей акции. Я позвонил на третий этаж к Глобе-Михайленко, которому я дал второй портрет Путина. Анатолий сказал, что только что выбросил его. Достав из своего пакета портрет, я направился к окну. Встав коленками на подоконник, я не спеша высунулся из окна и, держа портрет над головой, громко закричал: «Долой престолонаследника!»

Со второго этажа не услышать меня стоящим внизу журналистам было бы сложно. Так же намеренно медленно я размахнулся и резко швырнул этот портрет с удивленным ликом президента Путина вниз, вдоль стены, чтоб никого случайно не зацепить. Щелкали фотовспышки, шумели проезжающие машины, но зрители на мгновение затихли. Вдруг обозначилась заметная пауза, портрет короткими рывками, как на замедленной съемке уплыл вниз. Все звуки слились в один всеобщий городской гул, который вдруг разорвал звон битого портретного стекла. После этой внезапной, произвольной, короткой, но емкой паузы снизу опять послышались громкий крик, гиканье и свист. Первым закричал и засвистел Веста, нацбол, который был старшим за группу поддержки внизу.

К этому времени внизу уже стоял наряд ППС милиции. Затем приехал еще наряд на газели, за ним – автобус с ОМОНОм с митинга КПРФ. Там им все равно делать было нечего. Здоровые, сытые, крепкие с засученными по локоть рукавами, вывалились они, покручивая и играя дубинками. И в ожидании следующих приказов.

С ними почти одновременно приехал в пилотке генерал милиции Козлов, который, подождав немного, отдал приказ сначала растолкать по машинам скандировавших ребят и женщин внизу, затем штурмовать нас. Солдаты с дубинками слегка пригнувшись побежали друг за другом гуськом в здание.

Нашу дверь омововцы не смогли форсировать. Она просто не поддавалась. Ждать спасателей со спецснаряжением они, разумеется, не стали и поступили по-военному хитро. Оказывается, соседний кабинет № 219 был раньше такой же смежный, как наши два кабинета, и туда вела отдельная дверь, впоследствии забитая фанерой и заштукатуренная. Тут-то они и начали нас штурмовать, используя в качестве стенобитного орудия стремянку. Сделав в стене дыру, похожую на бойницу, примерно 40х50 см, они по очереди стали залезать внутрь и, побив каждого «для порядка» дубинками, стали вытаскивать из кабинета.

В комнате, куда нас втащили, проводился личный обыск каждого. Тут же нас опрашивали. Переписывая и проверяя данные, согласуя с изъятыми документами при обыске из карманов. Помню, как рядом стояла и улыбалась Лирка, говоря, что у меня на спине порвали в клочья майку.

Обыскав, они стали вытаскивать нас на улицу. Там погрузив всех в автобус, с гогомом, постукивая по спинам палками, повезли в Таганское ОВД. В ОВД, продержав всех в позе досмотра, как в фильмах про Чили во время военного переворота в сентябре 1973 года, еще минут десять, периодически нанося удары по спине и ногам, нас повели оформлять протоколы.

Меня встретил молодой дознаватель, который, сдерживаясь, начал допрос. Но пока ритуально доставал бумагу и раскладывал все на столе, между прочим задавал мне вопросы, что мы там устроили. Я объяснил про зурабовский закон, про ветеранов и инвалидов, про льготы...

И тут он внезапно заорал:

– А в чем виноват простой сержант, которому прострелили вы руку из строительного пистолета? А у него семья, мать, дети!

– Вы – сумасшедший, если верите в эту чушь, или никогда не видели в глаза строительного пистолета и понятия не имеете, как он действует.

Дальше я не стал ничего объяснять, а он понял, что меня развести на такой глупости нельзя. И продолжил допрос уже сдержанным голосом.

В отделении милиции нас продержали сутки. Ломали ребят. Именно тогда сломали двух ребят, кто участвовал в акции.

Один сознался мне сразу, подойдя прямо в отделении. «Макс, – тихо сказал он мне доверительно, – я тебя сдал, сказал, что всем командовал ты».

Другой косвенно и намеками дал понять спустя три месяца, но окончательно сознался уже только после моего освобождения. За что спасибо им обоим. Страшное дело, если веришь людям, которых искренне считаешь друзьями, а они, улыбаясь в глаза, творят страшные вещи против вас. Мне потом пришлось еще неоднократно столкнуться с подобными явлениями, но все это люди были чужие. А эти ребята – почти родные мне люди, сколько акций совместных за спиной! Я могу простить многое, и слабость, и предательство, в общем, наверное, нет такого греха, который нельзя простить, кроме лжи.

Напомню, пытали всех серьезно, пакеты на голову, непрерывные удары в пах... Много всего там было с ребятами.

Особенно поразил меня Сережа Ежов, которого, наверное, толком не били вообще никогда в жизни. Студент исторического факультета Рязанского университета, он выглядел по-детски наивно. Очень домашний ребенок из приличной семьи. Я как-то с недоверием отнесся к нему перед акцией, но впоследствии понял, что ошибался.

Из кабинета убоповцев он вышел просто никакой. Оглушенный и не понимающий, что происходит. Еле отвечал на вопросы, половину из которых просто не слышал.

Питерцы выстояли, как всегда, молодцами. Чемодан – матерый, уличный боец. Худенький, невысокий Олег Беспалов. Взгляды обоих просто исключали любую мысль об измене.

Когда уже стемнело, убоповцы вошли к нам в камеру, где все мы находились. Незадолго до этого парень из Рязани, Янов, сказал: «Давайте все сцепимся и больше никого не отдадим. Они ведь сейчас всех нас по очереди перебьют. Больше никого не отдадим».

Убоповцы потребовали меня. Ребята меня сразу вытеснили в самый тыл камеры. Сцепились в локтях. Убоповцы сказали, что сейчас пустят в камеру газ, на что в ответ грянул мой любимый «Варяг». Я был потрясен, был готов выйти из камеры, чтобы не навредить другим. Но меня не выпустили ребята.

Вышел дежурный по отделению офицер и сказал этим ментам «в штатском»: «Всё, выходите отсюда». Чечен начал что-то ему тихо, но

резко выговаривать. «Всё, задолбали. Вон отсюда!» – вскипел дежурный. Убоповцы отступили, двери камеры захлопнули. Нас до утра оставили в покое.

На следующий день, 3 августа, часть из нас повезли в Таганский суд, где благополучно и осудили. Административный приговор был одна тысяча рублей штрафа. Это за мирную акцию, где не было сказано никому и грубого слова! Хотя материальный вред – заблокированные две входных двери стоимостью по три тысячи каждая (результат экспертизы) – как-то оправдывал такое решение. Мы не возражали и не собирались его оспаривать. Сергей Ежов, кстати, впоследствии даже успел оплатить штраф.

Тишина Гришу и Кленова Кирилла оставили дальше ломать в отделении. А нас, осудив, выпустили в зале суда.

Мы поехали к Тишину домой в Новогиреево. Поужинали и легли спать.

Утром позвонил телефон, и я взял трубку. Мол, это прокурор Петров, и отцу Григория надо прийти к нему, так как сын арестован. Я ответил, что отца Гриши нет и когда будет неизвестно. Голос спросил, когда передать повестку. Мол, сын его ждет, и пусть возьмет теплые вещи. Хорошо, говорю, позвоните через пару часов. Через некоторое время позвонил Анатолий, отец Григория. Я пересказал ему весь разговор. Анатолий сорвался на меня. Выругавшись, он приказал подробно расспросить у прокурора, что, где, куда нужно прийти и где находится его сын.

Ругаться он умел, я, помню, вспотел, слушая его и понимая, каково ему сейчас.

Я так переволновался, что, после того как положил трубку, меня быстро сморил сон. Не знаю, сколько я проспал, час или около того, но уже в третий раз зачирикал телефон. Я поднял трубку, и тот же спокойный голос меня спросил: «Это опять вас беспокоит следователь Петров из прокуратуры, вы передали Анатолию Сергеевичу мою просьбу?» Опасаясь, как бы еще чего не натворить, я сразу сказал, что Анатолий просил подробно узнать, что, как, куда и к кому подойти.

Он просто сказал: «А я тут у вас, возле дверей стою, заберите повестку, и там все подробно написано». И я поверил.

Я посмотрел в глазок: там метрах в четырех, возле лестничной площадки, стоял мужчина. Лица в глазок не рассмотришь, но видно было, что он стоит один. Дверь открывалась туговато, но, когда я открыл, из-

за двери ввалил УБОП. Далее были и крики, и наручники, и порванный рот. Брюхатый подполковник положил меня лицом в пол, заломав руки.

Я боковым зрением видел, как он вытащил из моего заднего кармана паспорт с тремя сотенными бумажками. И, отправив все по своим разным карманам, не переставая держать меня за руки, что-то начал бормотать.

Через минуту подошел ко мне другой офицер, посмотрел на меня и встал мне на лицо обеими ногами. У меня в голове, помню, пронеслось, как в «Саше» Некрасова:

Так, победив после долгого боя,
Враг уже мертвого топчет героя...

Помню, как надо мной потом смеялись сокамерники. Мол, я забыл самое главное – в какой стране я живу. Откроешь дверь соседу, а получишь путевку пилить лес в Сибири или строить БАМ до следующей жизни. «Вообще же тебе повезло, раньше "не за что" редко меньше восьми давали, а ты вон на пятерик съехал. Счастливчик!» – веселым и беззубым ртом хрипел старый зэк, похожий на ежа, а с ним гоготали глотки зэков помоложе. Мне тоже было смешно и весело от их добродушного смеха...

Минут через десять приехал вызванный убоповцами наряд милиции. Питерцев и Ежова передали им. Меня в наручниках четыре убоповца почетно подвели и посадили в свой огромный черный «мерседес». В наручниках я болтался на поворотах то в одну сторону, то в другую. Не то что я худой был, салон был внутри огромный, хоть в футбол играй.

Опера сели на заднем сиденье по бокам, один из них с переднего пассажирского места стал говорить: «Ну, что, Громов? Вот, Мишка позвонил Володе. Сказал, что нацболы совсем ох...ли. Разобраться надо... Ну, он к нам, конечно. К кому еще? Так что все теперь, считай, приехал. А предупреждали ведь...»

Лобовое – единственное почти не тонированное – стекло в автомобиле открывало мне огромное небо. И я думал, как же моментально отчистилось будущее от былых проблем. От долгов и работ, от бытовой спокойной жизни, от разговоров с матерью и вопросов начальни-ка. Как вдруг легко и просто сразу стало...

А где-то там меня ждала еще ничего не подозревавшая Машка, отправившая до сентября родителей на дачу, чтобы прожить этот месяц

дома со мной... И ничего теперь больше нет и не существует, будто и не существовало никогда. Нет прошлого и нет будущего, а меня теперь как новорожденного, только упакованного в наручники вместо пеленок, будут носить и передавать из рук в руки, сажать из машины в машину, кормить, поить и обувать. Вот только любить не будут меня мои новые приемные родители. А только бить, унижать и попрекать с дикой ненавистью в глазах, которую в обычной жизни не встретишь.

Привезли всех оформлять в какое-то неизвестное мне отделение. Продержав там немного, нас в наручниках повели по кабинетам оформлять задержание.

Затем была прокуратура.

Там меня быстро опросил молодой дознаватель. Он предоставил мне адвокатушу. Молодая девушка была, по всей видимости, их человек. Она, поговорив со мной пару минут наедине и поприсутствовав на допросе, взяла с собой протокол допроса, вчерашнее решение суда с приговором и спросила, что сказать или передать и кому. Я, дав ей телефоны, попросил передать все ребятам. Больше этого приговора, как и протокола, я не видел, как и саму адвокатушу. Впоследствии ребята пытались ее разыскать, дабы забрать бумаги. Но ее, как водится, и след простыл.

И тут в кабинет зашел фээсбэшник по прозвищу Чечен. Человек, ненавидящий нацболов и, по всей видимости, сделавший нашу ликвидацию смыслом своей жизни.

Алимов сначала не понял, кто он такой, видимо, принял его за какого-то моего доброжелателя, который пришел меня выручать, и стал его выгонять из кабинета, пресекая попытки Чечена показать удостоверение. Но в конце концов Чечен что-то шепнул ему на ухо, и Алимов выпустил меня в коридор посидеть и поговорить с ним.

Он рассказывал мне зачем-то о разных ситуациях в Чечне, как арестовывал чеченцев с эмвэдэшными удостоверениями. Как изымал у них оружие вместе с этими удостоверениями. Говорят, он очень злился, что нацболы прозвали его Чеченом.

Впоследствии ребята как-то узнали его имя и фамилию – Андрей Асланов.

Чечена явно очень возбуждала война с нами. Он изучал нас, читал «Лимонки» и книги Лимонова. Видимо, посмотрев популярные тогда фильмы про террористов начала XX века, он себя чувствовал спасителем России или более того – спасителем Российской империи. Но он явно не просто вцепился после команды «фас», он не был заурядным исполнителем приказа.

После этого меня опять пригласил Алимов, мы немного поговорили с ним, он задал мне дежурный свой вопрос: кто нас финансирует? Он задавал мне этот вопрос многократно, всегда, когда появлялся, и постоянно недоверчиво мотал головой, говоря, что не может быть, чтобы мне никто не платил. И удивлялся, что я Лимонова покрываю, все равно уже сижу и буду сидеть много лет. Но я говорил правду, что делаю что-то, только отталкиваясь от своего мировоззрения, и поступаю так, потому что не могу иначе поступать.

Потом оттуда меня повезли сразу на суд по мере пресечения. Меня посадили офицер и сержант в белую рабочую «семерку», с полоской и мигалками на крыше. Они привычно стали расспрашивать, за что и почему. После краткого рассказа ожидаемо удивились. Мы скоротали дорогу, размышляя о последствиях зуратовского закона, и подъехали к суду. Там было все очень быстро. Что-то сказал прокурор, что-то адвокат. Судья меня спросила, считаю ли я себя виновным. Я, разумеется, ответил, что нет. Она кивнула и вышла. Через несколько минут женщина вышла сообщить мне, что считаюсь социально опасным и что у нее нет уверенности в моей добровольной явке в суд, а посему избрать меру пресечения... под стражей.

«Вам понятен приговор, подозреваемый?» Я кивнул, хотя что изменилось бы в моем положении, если бы мне не был понятен приговор и вообще не было понятно то действие, которое происходило здесь и заняло по времени едва ли более пятнадцати минут. Сначала мне показалось меньше, но в машине конвойные улыбнулись и сказали, что на административках дольше крестят, а тут за четверть часа управились. При выходе из суда меня встретил Фомич и ввернул пакет с колбасой, батоном и минералкой. Спасибо Сереге, это был уже вечер, а я со вчерашнего не пил и не ел. В принципе, жара стояла сильная, конечно, – под тридцать точно было, и есть особо не хотелось. А вот пить... Без питья было тяжело сидеть.

Один из ментов открыл мне дверь их жигуленка, и я залез в машину. Я наивно улыбнулся мысли, что как шефу открывают мне дверь. Менты вежливо сказали: «Садись, политический, поехали дальше». Я сел, понимая, что моя ухмылка была сквозь слезы, я уже не сомневался, что теперь двери передо мной будут открывать и закрывать в течение нескольких ближайших лет. Так оно и было. За отсиженные годы я так отвык от этого, что, даже заходя в туалет, забывал прикрыть за собой дверь.

Из суда нас отвезли на Петровку, 38. После тщательного обыска – сразу в душ, где дали кусок хозяйственного мыла. Затем за матрасом и в камеру.

Там я оказался в одной камере с коренным жителем Петровки, 38, по прозвищу Князь. Князь был весь в татуировках, почти слеп и передвигался фактически на ощупь. Из татуировок я хорошо запомнил у него морду кота с надписью «КОТ». Я знал, что это означает Коренной Обитатель Тюрьмы.

Я, познакомившись, сразу упал спать и просто провалился в сон. Я точно знал, что на централье плохо со сном и надо отоспаться здесь. Потом Князь начал меня расспрашивать, кто и что я.

Расспросив меня для виду, кто я, он сразу мне сказал, что сидел с моим другом Алексеем Тонких, когда его привезли за Касьянова, в которого попала Наташа Чернова в день выборов. Лешу взяли рядом с ней. И против них двоих выдвинули тогда обвинение. Но его выпустили через пару дней, Наташу освободили через три с половиной недели, 30 декабря 2003 года.

Спустя четыре месяца после описываемых событий, в декабре четвертого, Леша с Наташей примут участие в захвате Администрации Президента в Большом Черкасском переулке и отправятся на три года в лагерь. Лешу Тонких также будут постоянно гнобить в ШИЗО и Оренбургском ЕПКТ. Наташа сядет тоже с ним за АП и после года СИЗО № 6 в Печатниках проведет еще два года в Можайской женской колонии.

Князь сказал, что Алексей подтвердил якобы, что Лимонов пидор. Я ответил ему, что Леша не мог такого сказать и это абсурдная ложь. Это и была оперская фишка, с которой я неоднократно впоследствии сталкивался. Князь после моего ответа перестал со мной разговаривать, ограничиваясь общими фразами. Да и не особо-то хотелось. Меня никто не допрашивал, и я так и проспал оба дня.

Честно говоря, Князь мне не очень понравился. Петровка, 38, – временный изолятор, там дольше двух-трех суток никого не держат. А Князь был явно коренным этой тюрьмы, и в баланду ему кидали куски мяса, ей-богу, величиной с кулак. Кидали ему в шлемку самую гущу, такого в вольных столовых не увидишь. В отличие от меня грешного, у меня юшка юшкой и была, и все можно было просто выпить, как овощной компот. И сам суп наваристым не был. Я только в лагере узнал почему. Это такая тюремно-лагерная хитрость приготовления пищи осужденным. Мясо и суп варятся отдельно, потом наструганное мясо добавляется в вегетарианский суп, а на мясном бульоне варится каша, куда добавляют сою (заключенные ее называют «вискас»), а все идет

в меню как каша с мясом. Простым заключенным достается бульон, непростым заключенным достается гуща. Если кому из приличных арестантов достается лишний кусок мяса, над ним начинают сразу зло шутить, что, мол, угодил администрации. Регулярная хорошая пайка в течение продолжительного времени может даже вызвать серьезные подозрения и даже некоторые вопросы. В общем, мясо в тюрьме играет иногда очень серьезную роль.

Единственная польза от этой камеры – я узнал, что означает «телевизор» на камерном жаргоне. На стене, прямо над дубком, был железный ящик с тремя или четырьмя ячейками и двумя железными дверцами. Там обитатели камеры должны были хранить столовые принадлежности и продукты питания. Это и называлось «телевизор».

Князь попросил убрать в «телевизор» свою шлемку с кружкой, а я спросил, что такое «телевизор», и он мне показал.

Более мы с ним не общались, я читал камерные газеты и журналы, где, как во всех тюрьмах страны, самым приличным был «СПИД-ИНФО» полугодичной давности.

А Князь так и промолчал эти дни, хотя он был профессиональный стукач. Такие отбывают заключение в подобных ИВС и СИЗО. Он, конечно, не был таким монстром, как Леха-Сука, описанный Лимоновым в книге о Лефортовской тюрьме, но тоже делал свою работу, прощупывая первоходов. Я не уверен, но скорее всего там тоже стояли скрытые видеокамеры с микрофонами, по которым следователи, изучая подследственных, делали выводы, характеризую их поведение и выискивая слабые места. Хотя такое ощущение у меня появилось после нахождения под круглосуточным наблюдением в лагерной тюрьме в Уфе.

На вторые сутки к нам посадили моего тезку по имени Максим, с которым мы немного пообщались. Он тоже готовился к СИЗО, но был уверен, что его подставили и он скоро окажется на воле. По какому делу он шел, я постеснялся его спрашивать, да и не нужно было.

Через двое суток нас этапировали на централ.

С Петровки нас всех повезли на Матроску. Уже смеркалось. Нас быстро перевели из автозака в здание. Растасовав нас по сборкам, оставили так до утра. Мне досталась нежилая камера, которая была на ремонте. Где-то на первом этаже.

Из хаты напротив мне сразу загнали через хозбанду грев: суточную пайку хлеба, две пачки «Примы», спички, пачку чая – «слона», кипятильник, кружку, с полкило карамели и печенье.

Все это передали мне преступники. Изгои этого мира, который решил огородить их от себя массой заборов, дверей и решеток, запутав периметр в километры колючей проволоки, разных видов и типов. И оскалившись на них стволами автоматов, цепными псами и надзирателями. А вместе с ними и на меня.

По-моему, передали мне все это тяжелостатейники. С одним из обитателей этой камеры мне впоследствии довелось встретиться перед моим свиданием с адвокатом на сборке. Он прислушался к нашему разговору и, поняв, что мы политические, присмотревшись, вроде как признал меня и спросил, не мне ли они загоняли грев, и напомнил, что все пришло с его хаты. Он меня запомнил, так как стоял тогда у кормушки на шнифтах.

После некоторого общения он рассказал, что оспаривает большой срок. Что за статья, я тактично не стал спрашивать.

– Есть надежда?

– Не было б, не стал возиться, – усмехнулся он.

Был он человек с тихой интеллигентной внешностью, напоминал сотрудника какого-нибудь конструкторского бюро. На две трети седые волосы, чистый пиджачный костюм. Такой в камере держать достаточно сложно...

Хозбандиты тоже стали подтягиваться пообщаться и узнавать, кто и откуда заехал. Где-то рядом был, видимо, какой-то варочный цех, и они, облаченные в фартуки, колпаки и простые робы с черными и белыми бирками на груди, подошли к кормушке поговорить. Узнав, что я много писал для какой-то газеты и впоследствии смогу где-то о них написать, сразу стали изливать мне свои души и обиды. Уверен, что ни один прокурор не слышал столько за год инспекции тюрем. Невозможно рассказать даже малую часть услышанного мною тогда, только ощущение бесконечной и невыносимой боли полилось мне вдруг через кормушку. О лжи офицеров, обещающих который год УДО. О кидалове со стороны солдат, о тяжести тюремной лямки. О том, что их безвинно осудили и обманули, что кто-то скоро в итоге выйдет не потому что дисциплинирован, а потому что стучит на них, а им «стучать впадлу»...

В общем, все то, с чем я потом сталкивался ежедневно. Как лично, так и со слов других.

Хоть я еще и не оправился от своего потрясения, понимая, что я еще даже не начал отбывать свой срок, меня поразило все вдруг рассказанное несчастными, но серьезными и грубо напористыми лицами. Которые плакать и жаловаться, в общем, не привыкли. Говорили они

мне не для того, чтобы я исправил все это, а для того, чтобы вынес все на белый свет.

Один молодой парень тоже выскочил и начал наигранным голосом жаловаться на правосудие.

– Уйди, шмыра, на тебе клейма, падла, негде ставить, не морочь парню голову, – взъелся на него пожилой зэк.

– Что? Я тоже хочу пожаловаться, не все вам страдание лить. Я, что ль, не страдаю, и у меня кровь красная...

– Уйди, сказал, а то все сейчас убедятся, какая у тебя кровь черная.

Выглядело это забавно, но было понимание того, что мужики говорят большей частью правду. Хотя хозбандитам всегда жилось проще и легче. И уж куда легче им было отбывать свой срок в СИЗО, а на такой тюрьме, как Матросская Тишина или Бутырская, там должно было быть все еще гораздо проще. Но тюрьма и неволя всегда останется неволей. И действительно никакое, даже самое приятное заключение не заменит воли. Даже самой грязной и холодной. Даже если некуда идти. Ведь даже бомжи, коих я видел немало, очень тоскуют по своим свалкам, вокзалам, рынкам и церквям. Нахваливая их и обсуждая, дружно ругая ментов, кто периодически их гоняет оттуда, и так же дружно вспоминая хорошую выпивку и любимых подруг. Неудивительно, что все зэки посвящают этой теме девяносто процентов всех разговоров...

Не помню, сколько я тогда слушал их – час, три или более того и сколько бы слушал еще. Но, видимо, из той же камеры, откуда мне загнали грев, зэки сказали им дать мне отдохнуть и поесть по-человечески. И не мешать мне особо разговорами. Просто один из хозбандитов, стоя у кормушки с этими строгачами, вдруг резко сказал всем: «Все, хорош парня мучить, дайте поспать, осмотреться и прийти в себя».

В камере шконки все были в известке и побелке, присесть толком не было возможности. Съев полпайки хлеба, пил всю ночь чай, удивляясь тому, что в России у преступников гораздо больше человечности, чем у многих простых сограждан. Преступники эти мне, совершенно незнакомому человеку, сразу оторвали от себя и передали человеческого тепла. Ведь чтобы мне тот же хлеб передать, кто-то отказался от своей пайки.

Спать на ржавых полосках шконок я не решился. Так и просидев остаток ночи на какой-то газетке, принесенной мною с Петровки.

Утром, грохнув тормозами, вошел солдат и повел меня на склад. Получать матрас и другие бытовые принадлежности.

После складов повели селить. Когда меня подвели к камере с номером 116, я услышал из-за дверей чей-то крик: «Тормоза!» Дверь открыли, и на меня уставилось с порога два десятка пар глаз, лысых голов и небритых лиц, венчавших сплошной частокोल из голых тел. Через секунду меня обдал тошный, душный, измятый, как пар, воздух. Громкий гул, дым сигарет, перемешанный с густым запахом пота, затхлости, жареного лука с мясом, и лакировалось все уже привычным запахом параши, к которому я начал уже привыкать еще на Петровке.

Я стал продираться сквозь эти запахи и вспотевшие, обильно татуированные тела. Перешагивая через те же голые торсы, руки, ноги, к дубку. Следом за мной сразу агрессивно хлопнула дверь.

Весь пяточок между дубком и тормозами, примерно четыре на пять метра, был забит сидящими на корточках и на свернутых валиками матрасах арестантами. Количество их было сложно посчитать, по-моему, не менее двух десятков. Понятно, тратить силы на вдох и выдох было совсем необязательно. Кислорода, как и воздуха, в камере просто не было.

В коридоре-то было безумно жарко, но то, что творилось в хате, выше всякого описания.

Август месяц. На улице под тридцать. В камере, рассчитанной на двадцать восемь человек, находилось тогда около девяти десятков зэков. (Количество постоянно колебалось, в среднем от восьмидесяти шести до девяноста.)

Кто-то вовремя потеснился, и я, уронив свернутый пополам валиком матрас, фактически упал на него. Точнее, сел. Падать было некуда. Мутило, глаза резал дым.

Через несколько минут, пообвыкнув, я подтянулся к блатным.

Представился, объяснил суть своего уголовного дела, или «делюги», которое среди зэков еще называется «бедой». Они кивнули, мол, со временем обживешься и найдешь себе место. Выделили с общака трусы, носки, зубную щетку с пастой. Что-то еще по мелочи...

Теперь у меня появилась возможность осмотреться.

Слева и справа возвышались в два яруса нары. В центре стоял длинный стол – дубок. Венчала все высокая, состоявшая из тумбочек колонна. Сверху – телевизор. Под ней стояли свободные от суеты шныри, посматривающие за происходящим в хате. Иногда во время конфликтов подходили и гасили начинающийся конфликт в зачатке, урезонивая парней, избегали драк. Порядок был на высоте.

Камера была большая, двадцать восемь койкомест, расположенных на стальных двухъярусных шконках. Слева от входа сразу был умывальник из двух эмалированных раковин, над которым висел на высоте двух метров второй телевизор. Потом, в углу, шел сортир (тюремный сленг: «параша», чаще «дальняк»), с двумя башмаками.

За ограждающей «дальняк» от камеры метровой стенкой было полутораметровое пространство. Это место называется «окоп», там жил молодой пидор. Потом, боком к «параше», шли спаренные сваркой меж собой шконки, меж ними были натянуты «парашюты», из старых «коней» сплетенные гамаки. Такой же ряд шконок был на противоположной стороне камеры. Между шконками, почти на всем протяжении шел стол (дубок), с такими же длинными, как и стол, лавками по бокам.

Далее над столом стоял еще один телевизор. По бокам стояли два вентилятора, немного двигая эту тучу смога. На окнах сидели дорожники, перекрикиваясь с дорожниками из других камер. Тюрьма жила своей жизнью, и наша камера была частью этого организма.

«Дороги» – это система межкамерной связи, осуществляемой при помощи сплетенных из шерстяных и синтетических ниток канатных веревок. Шерстяные нитки брали из аккуратно расплетенных джемперов и носков, синтетические нитки брали из аккуратно расплетенных белых мешков из-под сахара. Это все долгая и кропотливая работа. Нитки получают разной длины, особенно из мешковины. Бывают сантиметров двадцать – двадцать пять. Из мешка получают их тысячи. Все их нужно аккуратно связать между собой в одну длинную нить. Потом через всю камеру шерстяные и синтетические нитки натягиваются по несколько десятков жил, и их начинают сплетать. Синтетические нитки придают большую стойкость к трению о стены. Шерстяные нити делают их более прочными при натягивании. При рывке их порвать намного сложнее. Так получается «конь».

К «коню» привязывалось дорожником письмо или «кишка» (чулок или носок, куда набивались сигареты, продукты и подобные грузы).

От окна к окну каждый вечер забрасывается «конь», и груз или письмо («малява») передается эстафетой из камеры в камеру адресату.

Возле окон стояли шконки, нижний ярус которых занимали блатные. Над ними днем отдыхали, а ночью работали дорожники. Это было не случайно. Ночью наверху устраивалось что-то вроде почтового отделения, где разбиралась почта. Какие малявы оставались в хате адресованные арестантам, какие шли дальше. Все малявы, особенно с определенными метками, точковались, то есть учитывались, делать это

обязаны были все дорожники и в каждой хате, ставя время прихода и отправки груза или малявы. Какие-то малявы серьезного значения, адресованные смотрящим лично, сразу передавались сверху вниз.

Сами «дороги», или почтовые «кони», снимаются на ночь. Но, если вдруг идет срочный цинк (сигнал, сообщение) днем и надо быстро что-то получить, дорожник подымается, делает «брос» в соседнюю хату, откуда идет эстафета, получает мульку и сразу будит смотрящего, который бодрствует также ночью, когда «дорога» открыта. Или делает брос дальше и передает сообщение в соседнюю камеру.

«Дороги» также служили и для передачи разных продуктов, сигарет нуждающимся арестантам. Или при подъеме общего в «котловые» хаты, откуда уже шли на коррупцию (подкуп надзирателей, офицеров, вплоть до начальника тюрьмы, потому что деньги во все времена также ходили по тюрьме), грев карцеров и многое другое, за счет чего жила тюрьма относительно спокойно, без пресс-хат, без беспредела следаков. Также можно было адресно передать другу или подельнику какие-то вещи, сигареты, продукты. Всякое бывает. Я несколько раз слал сигареты друзьям, упоминая в приложенной записке дорожника: «шпана, в Х№*** (в хате такой-то) голь полная без сигарет, не сочтите за труд поддержать босоту, с благодарностью Х№***». Так же, бывало, переправлял продукты, чай, сахар, особенно когда Гришу Тишина только этапировали с малолетки на «пятерке». Все это забивалось в «кишки», матерчатые мешочки, привязывалось за оба конца вдоль «коня» и шло по «трассе» из камеры в камеру, доставляемые адресатам. Не зря «дороги» называют венами централов и тюрем. Есть «дороги» – есть жизнь, нет «дорог» – жизни нет, могила.

Со временем «конь» изнашивается, и его нужно уже снимать с трассы. Но он еще служит для других задач – в качестве бельевых веревок или для плетения тех же гамаков.

Сами дорожники обычно очень ответственные и внимательные люди. Это место еще и самое опасное в том смысле, что при шмонах надзиратели сразу бегут к дорожникам. Им необходимо срочно спустить все малявы в соседние хаты, вместе с «конями». Бывает, что они явно не успевают отправить их в другие хаты, и малявы прямо запечатанными съедают по несколько штук, взяв горсточкой.

За спаленную маляву могли серьезно спросить, тем более если кто-то пострадает из-за этого. Например, ее припилят к делу, и она пойдет как доказательство виновности адресата или отправителя, давле-

ние на подельников и другая информация, которая даст возможность припасть еще несколько лет арестантам.

Сама камера была достаточно большая, забитая до отказа арестантами, которые были везде. Они торчали с нижних и верхних ярусов. Все вокруг двигалось и шевелилось, как в муравейнике. Бесконечно менялись спальными местами, одни вставали, другие ложились. За столом так же кишело все, пили чай или чифирь, кто-то ел, кто-то хлебал голую воду с конфетами, кто-то писал за «дубком» маляву, кто-то играл в нарды.

На пяточке также все шевелилось, кто стирался, кто мылся на умывальнике, кто-то на дальняке за ширмой издавал тяжелые запахи. Кто-то чинил одежду, пытаюсь на выводе нитки иголкой не поранить соседа, кто-то плел «коней». Одновременно все курили, и мощный смог окутывал камеру. И все чередовали свои занятия с борьбой с бельевыми вшами. Кто-то бегал на дальняк и, поменяв там трусы, основательно начинал вычищать гнид, кто-то щелкал их, не снимая трусов, вывернув беспокоящий угол наизнанку.

На другом конце хаты бегали и суетились, летая с невероятной скоростью, подобно мухам, шныри, что-то делая, готовя какую-то еду и варя чифирь блатным. Делали все, даже меняли пепельницы.

Второе, во что у меня уперлись глаза после беглого осмотра, это шумевший телевизор.

Телевизоры затыгивали арестанты. Чаще это были проигравшие в карты. На центральной игре кипела и игровых было достаточно в каждой камере. Кого-то просто разводили, в общем, прибегали к разным способам для улучшения быта заключенных. В некоторых хатах был только один телевизор, в некоторых несколько. У нас в камере у некоторых блатных телевизоры были прямо на нижней шконке, в ногах, их привязывали к дну второго яруса.

В камере всего было пять телевизоров, как я говорил, для всех два телевизора. Один в одном конце камеры со стороны окон, второй на противоположном, прямо над умывальником и тормозами. И три у блатных на шконках.

Телевизор, конечно, ценная штука в камере. Это было окно в другой мир. Сначала казалось, это тот самый мир, который меня только что отторгнул. Но, невольно посмотрев его пару дней, я понял, что я ничего с этим миром, который был на экране, общего не имел.

По большому счету здесь все смотрели MTV или Муз-ТВ. Телки, крали, сучки, самки и самятины и много всяких терминов и комментариев по поводу выступавших особей женского пола. А эти Бритни, Шакиры, Глюкозы, Виагры и другие глянцевого и однообразно блестящего фабричного стрелки и белки, которые хором повизгивали, постанывали и, скалясь, похрюкивали с экранов, раскрывая свои напомаженные рты, сверлили зрителя хищными взглядами в разных постановочных позах. Раздвигая и задирая ноги, они пинали всех смотрящих ниже пояса.

Всех этих особей женского пола обсуждала основная масса эзков. Видимо, исчерпав все и так немногочисленные темы, камерная масса цеплялась за увиденные, агрессивно выпирающие из-под коротких юбочек задницы и лобки, прыгая в глаза из коробки телевизоров. Разгоряченные, они не могли оторваться от экранов и обсуждали все, от внешних достоинств до «светских» слухов. Кто за кого вышел замуж и кто с кем и чем занимается...

Даже бабушки Патрисия Каас, Мадонна или Пугачева не оставались незамеченными. Особенно когда последняя вышла выступать с каким-то очередным молодым альфонсом – негритёнком из фабрики звезд, все порадовались за старушку. Предположив, что с Галкиным она, видимо, разошлась.

Не сомневаюсь, что девять кухонь из десяти в России заняты именно подобными разговорами. Но одно дело знать об этом, другое дело это вынужденно видеть и слышать.

Разговоры эти мне были не просто неприятны, тем более на фоне бессонных суток. Все это мне казалось каким-то адским, тяжелым, горячечным бредом, какой бывает вперемежку с явью или на грани пробуждения. И вокруг – обсуждающие, жилистые, накачанные, бритые, в одних трусах бандиты. Любой из них мог одним ударом сломать мне челюсть или отбить любой орган.

Чтобы не сойти с ума, я начал вспоминать известные мне стихотворения.

Я отвернулся от телевизора, спасаясь от мыслей, что меня посадили убить и я больше не обниму никогда девушки, не схвачу ее страстно руками за голову и не поцелую больше никогда...

Но наткнулся взглядом на хохочущие бритые «заточки» (лица) тюремных жителей.

Стихи помогли. Стало отпускать.

К вечеру следующего дня меня совсем отпустило, стихи стали прорываться из памяти. И забивать реальность. Иногда я переставал даже

воспринимать окружающий мир и не слышал, что мне говорят. Зэки смеялись. Один сказал мне: «Ты общайся с другими, а то так башня съедет, и не заметишь. А у нас ё...нутых и так хватает, от них проблем в хате больше всего».

Привычка читать стихи впоследствии у меня закрепилась, и, когда я оказался в одиночках, стихи были лучшими моими друзьями после «Отче наш». Забытые стихи там строчку за строчкой я собирал, как пазлы. Вспоминались те стихи, которые я никогда и не учил, а просто частенько перечитывал или читал другим.

В итоге я вышел мало-мальски нормальным человеком, что не могло не радовать друзей. Но до этого было еще как до Луны.

И я стал искать себе подходящих собеседников, которые наверняка должны были быть и здесь. И нашел.

Валера был первым в моей жизни сокамерником, с которым я сошелся.

Он был татарин, москвич, но уроженец Казани, родители оттуда. Мусульманин, который, на удивление, носил православный крест. Крест был подарок от друга, и для него распятие было не атрибутом верующего, а символом страдания.

Валера объяснил, что была бы то плаха или гильотинка маленькая, надел бы и ее.

Профессиональный преступник, он был еще наркоман, за что и сидел. Чем он промышлял, я не стал спрашивать, а он не сказал. Похож на ворующего, но крепкий, видимо, и грабежом не брезговал, и всем, что приносит быстрый доход.

Так, видимо, и было.

Утром, проснувшись и уступив место следующему, он с усталым лицом позвал меня позавтракать. Чай с бутербродами из его колбасы и хлеба. Я сначала по привычке застеснялся, но, зная болезнь первоходов, он резко сказал: «Здесь никому ничего просто так не дают, запомни это. Если дают, то, значит, бери, не бойся. Ход наш, людской...» Я запомнил.

Нарезав колбасы, пока я заваривал чай, он, усталый и изможденный, присел. Я поднес кружки, он достал сахар, мы начали молча пить.

Пожевав немного, Валера сказал: «Жуткий сон приснился. Вкалываю себе дозу и вот-вот жду приход, и ломает. Вкалываю раз, два, пять, седьмой раз, и все обламывает кто-то. А оно уже вот-вот, вставить должно, чувствую, как идет по вене, но опять ломает. Еле очнулся».

Рассказывал он все это очень тяжело, переживая все по новой. Ломки у него кончились на днях, но еще, видимо, не до конца все вышло. Потом, поев, он немного развеселился. Мы заговорили о Китае, Лао Цзы, Конфуции, о китайской истории.

Он вспомнил китайские шахматы.

– Китайские шахматы вообще отдельная история. Два дворца, между ними река... Пешка бьет назад, конь в одних случаях бьет так и так, в других так и так. Голову сломаешь, иной принцип, все иное, живут и понимают все по-иному. Отношение к жизни, даже к кайфу. При этом они все не чужды простой наживы, взятки, сыто жрать и пить, но все это уравновешено глубочайшей философией и культом этого мировоззрения. Редкий человек не читал Конфуция, и, наверное, нет такого человека, кто не знает хоть одно его изречение. За ними будущее. В будущее можно с собой взять любой порок, любой грех, но только в том случае, если ты туда идешь с основами мироздания, и философия Лао Цзы спасет будущее чье угодно. У них это есть, у нас, русских, этого нет. Что ты хочешь, у них одной только государственности пять тысяч лет, всех переживут, как тараканы, и еще жить научат. А кто не научится, сгинет...

Более суток я протусовался на пяточке. Лишь ночью следующего дня меня положили на спальное место. На двух вплотную стоящих шконках я, завернутый в простыню, был седьмым или восьмым чело-веком. Хоть мужики все и здоровые были. Но тем не менее, лежа на боку и особо не вздыхая, удалось уместиться и мне.

Я сам себе удивился, как умудрился выспаться там за шесть часов. Например, чтобы перевернуться с боку на бок, нужно было отжаться от шконки одной рукой. Потом, поменяв руки, так же опуститься на второй руке, другим боком. При этом необходимо было еще и простыню переку-тать на другой бок. Освобожденное место сразу замыкалось. И приходи-лось опять протискиваться между телами. Сон сдабривался бельевыми вшами, которые упорно грызли все, особенно на трусах в паху.

Положенцем централа был Володя Питерский, который жил в этой хате. Когда я заехал сюда после сборки, Питерского не было. Он был тогда в ШИЗО. Через несколько дней он вошел в хату. Здоровенный, с внушительным видом и громким голосом бандит. Шумя и громко раз-говаривая, вошел он на следующий день в камеру и стал рассказывать о ШИЗО. Шныри засуетились и стали готовить что-то съестное. Один из них стал настраивать душ.

Душ в камере был в следующем виде. На дыру дальняка накидывалась деревянная решетка. Со стоящего рядом с дальняком ручнойника скручивался гусак и накидывался простой домашний душ, видимо, затянутый через баландеров или ментов (через «ноги»). Дальняка на централах везде затягивался занавесками, сшитыми где из простыней, где из так же затянутой клеенки, как в этой камере.

Поздоровавшись со всеми и обменявшись с братвой некоторыми поверхностными новостями, Питерский пошел принимать душ. Но тут произошел смешной конфуз. Только начал Володя мыться, как заскрипели тормоза. Молодой пацан, стоявший у крана «на стреме», сразу закрыл кран, выключив душ, тут же скрутил его и, вытянув из-за ширмы, сныкал его. Мужики столпились у входа. Вошли начальник тюрьмы и с ним еще несколько офицеров, сопровождая какого-то полковника с прокуратуры.

«Жалобы, вопросы, предложения?» – спросил работник прокуратуры. Кто-то что-то спросил по мелочи, а так вопросов не было. Полковник стал сам рассказывать, оттолкнувшись от вопроса. Как скоро будет хорошо жить после ремонта, который затеяли работники администрации. Что уберут скоро шубу со стен, что будет отдельно отгорожен дальняк и санузел. Что скоро в камере будет народу поменьше и другие блага цивилизации, о которых за несколько дней я уже успел забыть.

Росказни эти мы слушали минут пятнадцать-двадцать. В конце концов, полковник наговорился и стал сворачиваться.

Только захлопнулись тормоза, из-за ширмы просто вывалился Вова Питерский.

– Кому тут не терпелось вопросы задать? Делать нечего? Я тут только намылился, как тормоза зашумели, шланг пришлось отдать. Стою тут, как инженер Гусев, воды нет, весь намыленный. Тут еще этот говорить начал, что скоро уберет занавески. Я думал, что он сейчас подойдет. Отодвинет ширму и заглянет сюда. И тут я весь в мыле и голый.

Ругался он, шутя и смеясь, все эски при этом тоже тихонько смеялись...

Здесь я впервые увидел, как один старый зэк, веселейший щипач, родом откуда-то с Кавказа, делает молодому зэку перед судом расческой и безопасной бритвой со спиленными пластмассовыми тормозами прическу.

Пластмассовые тормоза перед лезвиями станка спиливаются следующим образом. Из нитки плетется тонюсенький канатик – шнурок.

Плетут его из трех жил ниток. Потом аккуратно его просовывают между лезвиями и путем трения просто перепиливают пластмассовый тормоз с двух сторон. В этом отношении самые хорошие станки – «BIG» черный. Там этот тормоз вообще из металлической проволоочки, и его аккуратно можно скovyрнуть заточкой (самодельным ножиком, чаще делавшимся из супинатора ботинок). Потом эту проволочку можно тоже пустить в быт и сделать, например, из нее крючок для занавески на шконку или иголку, что, говорят, делают спецы. В тюрьме обычно ничего не выкидывают. И использованные станки идут на «мойки», лезвия, которыми потом пользуются для резки бумаги, или стрижки ногтей, или для чего-то другого. Пластмассовые основания пойдут на вешалки в стенах, которые необходимы, чтобы вешать одежду и пакеты с предметами первой необходимости, вместо тумбочек, которым места в камере просто нет. Над каждым спальным местом по несколько штук пакетов всегда торчало.

А дальше так же расческой, как и в парикмахерской, ведет по волосам нужное расстояние и вместо ножниц работает станком. Все гениальное просто. Только вот из зала суда на следующий день вышел не этот молодой заключенный, которому делали прическу, а старик, который стриг. Я попросился у его соседей на спальное место этого старика. Там жили коренные обитатели хаты, которые уже там сидели по шесть-десять месяцев. Они меня приняли, так как я много им рассказывал о разных исторических личностях вроде Мао Цзэдуна, Пол Пота, Че Гевары и Ленина. Им нравились эти истории, и теперь я их травил перед сном. Я это рассказывал на втором ярусе, и слышно было многим. Веселый парень, который в камере распускал свитера и мешки из-под сахара на нитки (без определенных навыков это очень сложно сделать) для «коней», мне тогда дал прозвище «Революция», которое пристало ко мне на все время заключения на Матроске и Бутырке.

Не обошлось и без косяков. У меня была совершенно глупая ситуация.

Обычно все столовые принадлежности заключенные в переполненных хатах хранят в наволочках, которые натягиваются под столом в виде парусов и идут бесконечно вплотную друг к дружке. В камере оказался один работяга из чувашского города Канаш. Когда он узнал, что я вырос в Чебоксарах, он по-землячески предложил свою наволочку под мои столовые принадлежности. Я туда положил свою тарелку, кружку и ложку с пайкой. Однажды мы решили попить чай, и я на ошупь полез под стол за кружкой. До этого я лазил за сахаром и

хлебом. Второй раз я, наверное, поленился отодвигать чье-то тело (за столом все сидели так же плотно, как и спали), чтоб опять заглянуть под стол. И направил руку по привычному пути не глядя. Но тут случайно ошибся наволочкой и вытащил чужую кружку. Это была наволочка одного молодого таджика, который сидел рядом. Он жутко загоготал, еще чуть-чуть и меня бы объявили крысой, а это просто жуткое обвинение. Но ему что-то шепнул на ухо его рядом сидящий друг. И он не стал раскачивать базар, сказав только, чтобы я был аккуратнее и смотрел, куда сую руки.

«Аккуратнее, Макс, а то в чужой член упрешься и уедешь к пидору в окоп!» – сказал незло парень по имени Саша. Молчаливый, достаточно молодой зэк, первоход, но давно уже сидевший здесь, на централье.

Я тихонечко извинился, таджик кивнул, вопрос замаяли.

Но я ощутил холодок по спине. Это, конечно, была еще не смерть, но таким холодом потянуло, что проняло до глубины мозга. Будто просто мимо, где-то рядом прошелестела сестра старухи с косой, которая ходит с клеймом позора. Тут как тут, и сразу выжигает на лбу клеймо на всю жизнь. Ведь смерть здесь как таковая не страшна, избавления от этой душной, потной и вшивой камеры, где легче наложить в штаны, чем дожидаться очереди в туалет. А вот моральная смерть – это уже настоящий для меня, как и для многих, Ад. Пятно несмываемого постоянного позора, который никуда не уйдет.

И каждый может подойти и ударить или просто плюнуть. Многие заключенные успокаивают себя тем, что унижают других. Тешат свою душу, поиздевавшись над другим, веря, что, опустив кого-то ниже, сам становишься выше.

Поэтому в камере все следят за собой и другими, что накаляет еще сильнее атмосферу, и за этой духотой отношений духота и жара уходят на второстепенный план, и о них забываешь уже. Вот чем еще страшно заключение, и заключение не с простыми людьми, а с преступниками, с кем проводишь двадцать четыре часа в сутки. Измотанный, слабо соображающий, вынужденно общаешься с теми, кто по камерам слоняется с подросткового возраста. А есть и такие, кто отсидел больше, чем ты прожил. И ни одно движение, ни один вдох не пройдет незамеченным. Потому что все ваши движения так или иначе характеризуют вас, только это нужно уметь читать. Здесь через полгода начинаешь потихоньку понимать этот невольный язык жестов и вздохов, а через десять лет зэк поймет, что за человека конвой только вводит к нам в камеру.

И слова «не понравился сразу» или «что-то в нем не то» имеют гораздо большее значение, чем в вольной жизни.

В принципе, как мне потом объяснил Саша, за этот проступок с меня не могли спросить. Ошибка налицо, вытащил и поставил на стол. Но если бы таджик скотиной оказался, то мог и спросить тут же, сразу по зубам дать. Легко отделался, но и страшного ничего не было бы. Но в натуре, смотри, говорит, а то действительно засунешь руку, куда не следует и сразу окажешься там, где меньше всего хочешь оказаться. У тебя есть привычка о собственный х.. спотыкаться, неуклюжий ты. Привыкнешь со временем, понятное дело, но пока не привык, береги себя и свою жопу. Замену себе не найдешь.

В общем, пока не берись за ответственную работу, на дорогу тем более не лезь. Сиди пока ровно, осматривайся. А то я видел, уже к шрифтовым пытаешься прибиться. Не торопись, все успеешь, ты здесь надолго.

Но, думаю, дело еще и в том, что мой друг, Сергей Соловей, сидевший в свое время за захват башни Святого Петра в Риге и потом этапированный в Россию, освобожденный из самарской зоны уважаемым человеком. И за пару месяцев до моей посадки во время ввода в тольяттинскую колонию спецназа ФСИН ему позвонили знакомые заключенные и сообщили о своей беде. Сергей в свою очередь попросил депутата Госдумы Алксниса вступить за заключенных, так как повода вводить туда спецназ не было. За это избавление от серьезных массовых избиений многих сотен заключенных его стали уважать еще больше. И очень авторитетные люди.

Так вот, он отзвонился к смотрящим за камерой авторитетным зэкам и подписался за меня. Ему пообещали, что со мной будет все нормально. Спасибо тебе за это, Сергей, огромное.

А Виктор Иминтович Алкснис также и меня спас впоследствии, когда я находился уже в лагере, но об этом я расскажу позже.

Первые тапки, которые загнали мне ребята с первой передачей, были тряпичные домашние тапочки. До этого я ходил по камере в ботинках на босу ногу. В носках было жарко, и в них сразу заводились вши. В кожаных ботинках бельевые вши не живут, как и вообще на коже. Так ботинки и носил на босу ногу, как сандалии. Две пары совершенно одинаковых ботинок купила мне и моему племяннику, который был уже одного роста со мной, моя мама. Купила она мне их перед поездкой в Литву. Я их надел, и через месяц-полтора сел в лукишкес-

скую тюрьму (следственный изолятор Лукишкес) в Вильнюсе за акцию протеста против визового режима для граждан России, ехавших в Калининград. Литовские чиновники снимали с поездов купивших билеты граждан России, не пуская домой.

Мы провели акцию в поезде на границе, были арестованы, а затем были этапированы сначала на централ в Вильнюсе, а после суда в Провенишкинский лагерь.

В лагере на прожарке мне ботинки сильно изуродовали, положив подошвой, видимо, на раскаленные стальные уголки, расположенные полосками над прожарочной печкой. От нагрева подошва расплавилась, сильно деформировалась и выглядела ужасно. Хотя я потом в ботинках ходил нормально, они не текли и были вполне пригодны для эксплуатации. Просто была изуродована подошва. Но красоваться мне там было не перед кем. Тем более в камерах тюрьмы и лагерного изолятора, куда посадили всех нацболов, отделив друг от друга и от литовских осужденных. По их закону нельзя было содержать с иностранцами литовских заключенных, и поэтому нас раскидали по одиночным камерам. Мы заняли все камеры ШИЗО лукишкесской тюрьмы. Надпись над входом в наш полуподвальный этаж была «arestantskaâ».

Спустя полгода, когда я приехал домой в гости, мама обратила внимание, что Феликс (племянник) не носит свои ботинки, и отдала их мне. Именно в них я заехал в тюрьму, спустя пару месяцев. И именно их я и надевал вместо тапок.

Нацболы мне загнали в первые же дни передачу, где были простые, матерчатые, с глухими носками тапочки. В них ходят немолодые люди, они теплые, с резиновой подошвой и обшитым материей поролоновым подъемом. Простые домашние, немного советские коричневые тапки. Немного советские, наверное, потому, что в СССР такие тапочки были почти в каждой квартире.

Ох, и намучился я тогда с этими тапками. Они сразу стали рваться, и через пару недель мне пришлось их серьезно чинить. Внутренняя часть сразу стала засаливаться, я уж не говорю о внешней, на которую садилась пыль бетонки, разная копоть и грязь с пола – все моментально оседало на них. А они впитывали в себя все как пылесосы. Поэтому их приходилось периодически стирать.

Но грязь и стирка – мелочи по сравнению с моментально поселившимся в них вшами. При этом почему-то именно в левом тапке. Не знаю, чем он так вшам приглянулся и почему был совершенно отвергнут правый.

С одеждой было проще. Там, как только начинала чесаться какая-то часть тела, достаточно было снять, например, футболку и вывернуть в этом месте, и вот она здесь, родимая. Плюс было лето и кроме трусов фактически никто ничего не носил. Вши всегда селились в швах, а на футболке их мало.

С трусами сложнее немного, их просто так не снимешь. Хотя изловчиться можно, сидя на валике, не снимая, вывернуть нужный участок, и разобраться с вредителем. Плюс стирка.

Тапок же наизнанку не вывернешь. Подошва есть подошва, и туда, на стыке материи с подошвой в глубине тапочка, заглянуть можно, только разорвав тапок. Мне ничего не оставалось делать, как периодически ошпаривать их кипятком. Но это помогало лишь на пару часов. Потом созревали новые гниды, и все начиналось по-новому. А в мокрых тапках ходить как-то совсем не очень. Тем более под кипятком они ветшали и рвались с удвоенной силой. Следовало, конечно, просто оголить носок, разорвав его, но я просто не догадался тогда. Да и не думаю, что мне это хоть как-то серьезно помогло. Вши грызли ногу по всей окружности носка, скрываемого тапком. Еще по шву, расположенному на подъеме. В общем, опухшая от укусов нога выглядела страшно.

Ходил я забавно, при первом удобном случае опирался на шконку и вытаскивал ногу из тапка. Или садился на лавку, если было свободное место.

Моя нога тогда, помню, покрылась мощными волдырями. Даже дегтярное мыло, заботливо загнанное мне нацболами, не помогало.

И только когда я попал на спец, меня научил один парень по прозвищу Химик, о котором я еще расскажу, как избавляться от них наверняка и надолго.

Но, вообще, здесь только резиновые сланцы могли спасти положение, и я передал через адвоката, чтобы мне их заслали.

В 116-й был пидор, который жил в окопе, рядом со «слоном», каменной перегородкой с «дальняком». Это была первая моя тюремная камера, и я ни разу не видел настоящего пидора, который выполнял соответствующие функции, занимал соответствующее место в камере. В общем, в полном смысле этого слова, в его самом что ни на есть тюремном понятии.

Жил, спал, ел и вел себя естественно, ничего не замечая особенного в своем положении.

Тогда я стал помогать шнифтовым (стоял возле дверей вместе с другими заключенными, на случай если ворвутся надзиратели, аккуратно задержать их, мешаясь на пути в глубину камеры, чтобы блатные успели спрятать «запреты») и поэтому стоял недалеко от него. Мы немного общались, к неудовольствию блатных: пидор, он изгой, это обслуга, которая занимается еще и самой грязной работой, сексуально удовлетворяет всех, кто попросит, это не образец для подражания, и полезно он ничему научить не сможет.

Но мне было любопытно, почему он так живет? Его изнасиловали по беспределу или он сам решил выбрать себе этот путь? Но он так и не рассказал мне ничего, а напрямую я не стал спрашивать. Вообще, все «обиженные», кого изнасиловали по беспределу, всегда сами рассказывают, если произошел беспредел. Он ничего не говорил на эту тему.

Тем не менее мне удалось его немного разговорить, и он успел кое-что рассказать мне о себе.

Звали его Леша, мама у него неоднократно сидела, видимо занималась всегда чем-то криминальным. Сам он с Южной Украины, учился, есть девушка со школы, но которая не пишет ничего. Приехал к кому-то в гости в Москву, здесь и заехал. Но за что, непонятно. У Алексея этого все было непонятно, он редко договаривал не то что до конца, редко доходил до середины. Таких в тюрьме называют «мутными».

По разговорам он немного напоминал школьника-хорошиста, который держится поодаль от школьной шпаны. Так и бегал, видимо, школа – дом, не более. Уроки, остальное время, наверное, огород, который он пару раз упоминал. Ни в каких секциях он никогда не состоял и никогда не занимался, говорит, неинтересно было. Книг и журналов у него также не было, хотя если бы попросил, то ему наверняка что-то дали бы. Часто он, улегшись на свое место, долго созерцал что-то перед собой, прежде чем заснуть.

Немного забавно он читал письмо от своей мамы. Получив, он вцепился в него, открыл не сразу, сначала посмотрел на свет, пощупал, постучал им о колено, как сбивали всегда письма на одну сторону, чтобы открыть, хотя письмо было уже вскрыто цензором. Потом только заглянул в конверт и вытащил письмо. Развернув листки, стал читать.

До этого почти неподвижное лицо сразу наполнилось мимикой. Оно заходило, заулыбалось и закривилось, брови задвигались, глаза то расширялись, то превращались в узкие щелочки. Ощущение, что он хотел при помощи пантомимы передать всем содержимое письма...

Общался с ним только я, но немного, и говорить с ним было не о чем. Кроме него самого, меня ничего не интересовало, а о себе, как я

говорил, он рассказывать не хотел. Возможно, это было из-за того, что его развели на разговоре. Например, если его мама зарабатывала проституцией и он сознался, то его легко могли записать в отъехавшие из-за мамино ремесла. Отсюда и до «рабочего пидора», кем он был, недалеко. Кто его знает. Внешне привык, а в душе-то тяготило все равно положение.

Но ложился он спать как ребенок: укладывался потихоньку, обстоятельно, заняв самое удобное положение. И поморгав немного, быстро засыпал.

Зэки нередко смотрели на него с некоторой завистью, многим здесь хотелось круглые сутки валяться, ничего не делать, курить «фильтр», ни в чем не нуждаться. Ему ведь всегда уделяли с общака сытую мясную и сладкую пищу. О бытовых предметах и не упоминаю, было у него все. И заметно было, что у Алексея отличный, новый и мягкий матрас. Единственно, из рядом стоящей параша тянуло, но это нюхали все.

Даже письма ему давали, не задерживая, и, подозреваю, всю корреспонденцию, ничего не лишая. Разница между отправкой и получением была обычно неделя, как он сказал. Это с Украины, что от матери, к тому же из ее заключения. У меня, например, только одно письмо пришло через четыре дня после отправки. Это где моя мама написала в марте пятого года, что у нее сахарный диабет. Остальные все шли месяц. Иногда чуть дольше, иногда чуть медленнее. У Леши все с этим было нормально. В администрации хорошо знали, кто и в какой камере «обиженный» и, соответственно, уже получил свое. Зачем его еще лишать чего-то.

Никто занять его место или просто потеснить не хотел. Никто у него не мог попросить сигарету или конфеты с чаем. Потому, что автоматом станет таким, как он – неприкасаемым. Даже накладывали ему баландеры в его личную миску (которая не была, как принято считать, дырявой, а выглядела обычной шлемкой) следующим образом.

Подъехав к кормушке с обратной стороны двери, баландеры сразу давали хлебные пайки на всех, а затем начинали раздачу пищи. Шпана по очереди подавала шлемки в кормушку, где с обратной стороны «тормозов» баландер из хозобслужки наливал или накладывал порцию. Когда подходил Леша, один из зэков должен был вылить ему только что налитую порцию из своей тарелки. Потом зэк подавал шлемку повторно, и ему наливали опять. Зэки делали это неохотно, потому что, напомню, стояла невыносимая жара, а с горячей алюминиевой шлемкой нужно еще успеть добежать до «дубка». А здесь еще пидор мешает. Но наливали, конечно, если до меня никто не находился, то наливал ему я,

никогда не отказывал. Если кто-то не нальет ему, он ведь голодный останется. Не по-людски это. Так что при мне не было случая, чтобы ему не дали порцию. Хотя он не всегда ее и ел, бывало, поковыряет бульон в юшке, бульон все равно нужен для желудка, а остатки на «дальняк». У него были в бауле и «вольные» продукты.

Напоминаю, жил он достаточно сыто, но никто такой «сытой жизни», кроме него, не желал. Уж лучше, конечно так, голодным, не спавшим, без сладкого и без сигарет. Но не платить за все той тяжелейшей ценой, которой платит за все он. Своим телом. Не стать неприкасаемым. Это тот самый случай, когда жить сыто и комфортно не значит быть счастливым.

Сейчас у нас в стране большая проблема с этим пониманием, и многие продаются, торгуя честью, особенно судьи. И у меня ощущение, что на том свете они также окажутся в такой же шкуре и на таком вот месте. И вроде сыто и мягко все будет, но вот не сладко совсем.

Я задался как-то вопросом: а почему они неприкасаемы? Что именно заставило эзков так относиться к отъехавшим и обиженным и называть их неприкасаемыми? Вот на воле ты же не знаешь, кто там отъехавший или нет. Не знаешь, кто в этом ресторане пил вчера из этого стакана, кто готовит эту пищу, но свой стакан упорно ни один из бандитов не носит и в ресторанах питаться не брезгует. И есть такое понятие, что «в несознанку не канают». То есть если не знал, что тебя пидор угощает или что готовит какой-то отъехавший, то ты сам не «законтачишься» и не отъедешь. Хотя (поясняю в скобочках) дело чести смыть все его кровью, забить до смерти или просто убить. Чтобы другим неповадно было так себя вести. Таковы суровые законы преступного мира.

Но почему так напряженно к этому относятся в тюрьме?

Я думаю, что это, как и все в тюрьме, просто выстрадано кровью и все законы направлены на выживание. Как техника безопасности или воинский устав, за каждой строчкой которых стоит много крови.

Человек, который не моет руки после «дальняка», может быстро оказаться под шконкой. Нечистоплотные люди – разносчики разной заразы. Дизентерия, глисты и много другой дряни побольше, которой богата матушка тюрьма, передается в первую очередь из-за пренебрежения к собственной гигиене. Ведь попадают сюда в подавляющем большинстве своем самые что ни на есть отбросы общества. Бомжи, наркоманы и алкоголики, всего здесь в самом избытке.

Гомосексуалист, который регулярно вступает в половой контакт с разными заключенными, очень легко может подцепить любую венерическую болезнь, с которой беда. Лечить эти болезни в тюрьме если

кто и будет, то только за огромные деньги. Представьте, что от случайного касания, которому вы не придали значения, у вас потом на лице появляется сифилис. Здесь уже сам пойдешь под шконку, чтобы не заразить кого-то, пока на «крест» (тюремная больница) в изолятор не заберут. А там без поддержки с воли можно и до четырех крестов долежаться. Могут начать лечить, потом прервать лечение, из-за якобы «нехватки лекарств», потом опять полечить, потом опять прервать.

В общем, это элементарная безопасность, и презрение к таким людям, неприязнь к ним, обостряют бдительность, тем более среди примитивных слоев заключенных, которых много и которым никто не будет объяснять, что такое чистота и что такое сифилис. Проще загнать под шконку, раз выгнать его из камеры не представляется возможным.

Зона риска, что еще сказать. Вот почему, думаю, о них еще говорят так, как не говорят более в заключении ни о ком – «неприкасаемые» и «на особом положении».

Спустя месяц старый мой товарищ по ряду акций Наташа Чернова сделала мне передачу, в которой были новенькие сланцы. Эти сланцы были без преувеличения шедевр человеческой мысли. Таких я ни у кого более не видел ни до, ни во время, ни после отсидки.

Они были истинно банные, с прозрачными рифлеными жесткими массажными стельками. Нога на этих стельках никогда не потела, что было очень важно на такой жаре. Стелька держалась на водостойком клее. Этот клей держался очень долго, несмотря на то что при каждом шмоне его пытались немного разорвать надзиратели, но, убедившись, что они прозрачны и там сплошной клей, оставляли сланцы в покое. Так было даже в моем лагере, где только под конец срока многократно чиненные, штопанные и перештопанные, как сапоги у ковбоя Мальборо из известного фильма, сланцы, на которых эти стельки уже висели на самом уголке их носка, пришитые одним стежком ниток. Мне их порвали уже окончательно только в последний заезд в ШИЗО, за полтора месяца до освобождения. А так стельки служили бы еще годы, если бы не испытание тюрьмой, которое ни для кого и ни для чего не проходит бесследно. Включая и самих надзирателей со всеми их начальниками вместе взятыми.

Внешне они были не менее уникальны, чем по своим, так сказать, техническим данным. Подошва была как платформа, высокая и здоровенная, примерно раза в полтора больше самой ноги. Выглядели они такими снегоступами, или, как их все зэки с тюремной прямоотой и называли, – говнодавами. Моя босая нога в них выглядела почти как в

ласте, а сам я в зеркале, худой, выглядел как гвоздь шляпкой вниз. Многие ээки, очарованные моими ластами, предлагали обменяться. Но я, разумеется, таких тапок не обменял бы ни на какие блага жизни, чувствуя, что они еще себя покажут, и оказался прав.

В них я прошагал весь срок. Но по-настоящему я оценил эти сланцы только в ШИЗО/ПКТ. Благодаря им я много сэкономил сил и нервов. Их подошвы были сделаны так, что при попадании на мокрую поверхность они совершенно не скользили и так и присасывались к мраморному полу, если их подошвы предварительно смочить. Там на растяжках первые минуты, пока влажная подошва, они держали отлично. Потом подсыхали и уже стоять приходилось своими силами. Но минут пять, а то и более того, я отыгрывал и сползать по стене начинал на пять минут позже. А пять минут – это очень много.

Дня через три меня и еще человек двадцать дернули в другую, как сказали, «нежилую», общую камеру. Там не было ничего вообще, кроме ржавых шконок, стола и лампочки. Мы все начали обживать хату.

Та еще камера: тусклый свет, потолок и стены – где в копоти, где пожелтевшие, словно там был недавно пожар. Стол, стены, потолок – совершенно черные. Единственное, что напоминало о цивилизации, это тусклая «лампочка Ильича», наверное «шестидесятка», на потолке.

Подойдя к стене и проведя по ней пальцами, я понял, что действительно все в копоти. Пожар точно был.

На «дальняке» стоял гордый унитаз, старенький и низенький, как в детском саду, но белый-белый, выделявшийся на фоне стен как единственный зуб у южноафриканца. Цемент, державший его, еще не засох до конца. Об этом сразу курсанули всех, чтобы народ не засиживался на нем, ногами не вставал. И вообще относился бережно к общему комфорту. Тут же его оградили кем-то пожертвованной казенной простыней, повесив ее на сплетенный из ниток тонкий, но прочный канатик.

Этой же ночью, шпана затянула в хату белые, из синтетических ниток, мешки из-под сахара – огромную стопку. Из мешковины уже к утру сшили скатерть на дубок.

То, что идем в нежилую хату, было известно заранее. «Нежилая» значило, что там все в запущенном состоянии и ее придется обживать, делать розетки, чинить, если сломан дубок, плести коней на дороги и многое другое.

Один ээк пошутил: «Сказали идем в нежилую, а оказалось, что в напрочь убитую». Веселье – обязательный и неотъемлемый камерный

атрибут. Людей, кто любит и может шутить, в камере будут уважать и относиться к ним будут всегда хорошо. Позитив здесь не просто ценится, он жизненно необходим.

Здесь я познакомился с одним работягой-строителем, кажется, звали его Эдуард. Он был в принципе положительным человеком. Поймал его, так сказать, «на живца». Он шел из какой-то пивной в общежитие и увидел в парке спящего пьяного мужика, рядом с ним лежала барсетка. Работяга подсел к нему, на улице было пустынно, и когда он поднялся, то барсетки на скамейке уже не было. Он пошел дальше домой. А в итоге пришел сюда.

Через несколько минут, когда он уже отошел метров на тридцать, его задержал патруль и проводил в недалеко стоящий опорный пункт. Там ему, смеясь, показали телевизор, где была видна та самая скамейка, которая находилась под видеонаблюдением. Он тут же раскололся и написал «чистуху».

Сам он назвал это происшествие просто: «Бес попутал». Глядя на нескладную его фигуру, действительно поверишь, что его бес попутал. Не жил он никогда кражей, могу допустить, что со стройки мешок цемента мог толкнуть, да и что там еще стянуть можно, втихую от прораба. Но он ничего не рассказывал подобного, только что там хорошо заработал, а там кинули, не более того. В отличие от некоторых других уроков, которые, бывало, рассказывали смеясь, как где-то что-то стянули удачно или ограбили кого.

Эдуард не жил преступным ремеслом, у него не было ничего особо рассказать на эту тему.

Этот работяга любил читать и собирать разные цитаты известных людей, он даже завел себе тетрадочку, куда записывал из журналов и газет разные изречения. Но особенно он любил Омара Хайяма. Выглядел он немного комично, впереди у него была лысина, с усиками «мерзавчиками», худощавый и высокий, но сильно сутулый, что придавало ему вид немного пришибленный. Он мне напоминал персонажа мультфильма «До свидания, овраг», там был подобный пес, который собирал книжки и мечтал научиться читать.

Я нередко наблюдал, как он очень трепетно доставал свою тетрадку. Перелистывал и думал о чем-то. Таких добрых философов, «от сохи на время», я встречал частенько, они всегда постоянно попадают в разных камерах. Тюрьма таких делает еще добрее, чем они есть.

Он рассказывал мне, что у него где-то растет дочка, к которой он стремится.

Он вообще с удовольствием общался только со мной, видимо, найдя понимание, которого не находил в других сокамерниках.

А через два дня, в день моего рождения, 19 августа, он написал мне какое-то наивное тюремное поздравление. Где так же наивно подписан – Омар Хайям. Но мне очень понравилось, было в этом поздравлении много не по-тюремному наивного, трогательного и доброго.

Что у меня день рождения, он узнал, посмотрев у меня делюгу. Он не сразу поверил, что я политический. Много разных безумцев придумывают разные истории о своей делюге, и, чтобы их сразу приструнить, можно попросить делюгу. Это сразу отрезвляет и заодно веселит окружающих. Обвинительного заключения у меня еще не было, но была прокурорская «предварилка».

И не нужно объяснять, как такие островки радости, оформленные вниманием, особенно ценны. Мне казалось, что все были моему празднику скромно рады. И, скорее всего, многие действительно радовались. Сделать человеку праздник в тюрьме, по-моему, приятно всем. И вообще в экстремальных условиях особо трогательно видеть, когда люди становятся еще более человечнее. И только тараканы беспардонно лазали по этому пепелищу, везде, куда падал взгляд. И среди этого происходил праздник. Праздник для всех, поводом к которому оказалось мое рождение.

Работяге дали два года. Думаю, что он, как прежде, работает на стройке и делает все для своей дочки. И не ищет более халявы, выучил он навсегда, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Листает цитатники на перекурах и смотрит на открытое небо, о котором тосковал, лежа на шконке.

Но в этой камере я пробыл недолго. И в начале двадцатых чисел августа меня перевели на Большой Спец Матросского централа.

Александр Август

Служебная командировка

Завотделом кадров долго листала трудовую книжку, открывая ее то с самого начала, то с конца, пробегая взглядом сверху вниз и обратно.

Петр скромно сидел напротив и ждал ее решения.

Наконец, она отложила «Трудовую» в сторону и взяла в руки удостоверение электрика. Посмотрев все внимательно, она положила удостоверение на трудовую книжку и задала последний вопрос:

– Вы с сигнализацией работали?

– Ну, с несложной. – Петр старался не волноваться и говорить коротко и медленно. – И недолго. Я ж просто электрик.

– Давайте вы сначала с завхозом поговорите, а он уж решит.

Она сняла трубку внутреннего телефона.

– Гусейн... – Она слегка замялась и выдавила по слогам: – Бага-дурович. Вот у меня тут товарищ стоит. Иванов Петр Степанович. Электриком к нам устраивается. Пятый разряд. Работал с сигнализацией. Я его пошлю к вам?

На том конце провода что-то отвечали с дагестанским акцентом, который был слышен даже посетителю. Наконец в трубке щелкнуло, послышались гудки, и кадровичка положила ее.

– Вы пройдите туда. В самый конец коридора и направо. – Она махнула рукой, указывая направление. – Там на двери написано «Мухтаров Гусейн Багадурович».

Гусейн Багадурович, солидно называвший себя на дверной табличке «Заместитель главврача по хозяйственной части», тоже долго и внимательно разглядывал документы и задавал хитрые вопросы.

– Ты как, водку-то вообще пьешь? – неожиданно спросил он и пристально посмотрел на кандидата в электрики.

– Да нет, – пожал плечами Петр, смущаясь под этим взглядом.

– Как, вообще?! – испугался завхоз. В представлении россиянина совсем непьющий человек может быть либо кодированным, либо совсем больным. – Я вот мусульманин, но иногда, знаешь, бывает нэмого...

Он хотел было пошутить еще, что совсем непьющих они не принимают к себе на работу, но Петр опередил его:

– Ну, в праздники случается. С зарплаты не пью, – уточнил он.

–А-а, – протянул завхоз и снова уткнулся в бумаги.

– Харашо, – наконец решился он. – Документы я в кадры отдам. Пищи заявлэние и завтра же приступай. С испытательным сроком, – уточнил он.

Утром Петр явился как положено – к восьми.

– Чего-то я тебя не припомню, – засомневался охранник на проходной. – Посетитель, что ли? Свидания с пациентами только в понедельник, среду и субботу. И после обеда.

– Да я по поводу работы у вас вчера был. Электрик я ваш новый. Сегодня первый день.

–А-а, – понимающе откликнулся охранник и порылся в каких-то бумагах на столе. – Пропуска тебе еще не выдали, – и вычитал в своей тетрадке: – «Иванов Петр Степанович...» Так?

Петр кивнул.

– Ладно, проходи.

«Вертушка» щелкнула и перестала сопротивляться.

– Тебе в административный корпус, прямо.

Завхоз уже был на месте и, видимо, ждал его.

– Ты сначала на лечебные корпуса сходи, – выйдя из-за стола, отдавал он распоряжения. – Там снаружи все посмотри. Что-то у них там не то... Постоянно там какие-то проблемы с электричеством. У них, понимаешь, у всех кипятильники, и электрики с этим борются. Но внутрь, то есть в отделение, тебя могут не пустить... Это только по вызову и через меня. Так ты только снаружи все проверь. А потом мы и внутрь тебе разрешение сделаем.

– А на схему электропроводки можно взглянуть? Бумаги там какие-нибудь?

– Вот тут, дарагой, я тебе ничэем не помогу. Я сам тут, понимаешь, не так давно. Где у них тут что, еще не знаю...

– Да как без плана электропроводки? – неуверенно начал Петр. – Это ж черт ногу сломит...

– Ну, ты уж постарайся сегодня. Разбэрьись... Хотя бы отчасти. А эти бумаги мы потом найдем. До тэбя тут у нас, понимаэш, один за другим три электрика было. Это за два мэсяца. И всэ непьющие, – покачал головой завхоз. – Да ты не бойся. У нас тут не тюрьма, дурдом. Проводка как в любом жилом помещении и никакого оборудования. А сигнализация – одно название: звонки у дверей да кнопки под косяком. Если электрик – разбэрьешься. – Он снова сел за свой стол. – Конэчно, поначалу тэбе у нас дико покажется. У мэня у самого так было. Но это поначалу. Потом пройдет. – Он подумал и добавил: – Ты, если где с больными столкнешься, разговоров не веди. Чай будут заказывать или водку – не нэси. Письма станут передавать родственникам – бери и все сюда! А так... Как со всеми... Да! – вспомнил вдруг он. – Спinoй к ним старайся не поворачиваться. Кто знает, чего он выкинет? Больные люди... Хотя с виду они вроде как все – нормальные. Но это только с виду. И с ними стесняться не нужно. Пожестче. Они, понимаэш, как бараны, только кнут уважают.

Он помолчал какое-то время, видимо, давая возможность переварить сказанное. Потом продолжил:

– Ты для начала все хозяйство проверь. Звонки там, проводку. А то у нас тут неделю назад групповой побэг был. По тэлевизору видел? Во-во, кто-то им помог свет отключить, и сигнализация не сработала. Так до сих пор и не поймали. С дураками нужно держать ухо востро. Еще с алкоголиками туда-сюда. Но тоже...

Гусейн Багадулович безнадежно махнул рукой. Потом подумал немного и спросил:

– Ты как, в корпусах-то да в отделениях не заблудишься? Посмотри вон план территории. – Он показал на листок бумаги, висевший на стене. – А знаэш, – неожиданно предложил он, постукивая пальцами по столу, – я тебе на сэгодня проводника дам... А? Из алкоголиков... Пашу Винокурова. Он, правда, у нас тут немножко провинился и за воротник перебрал, так его после этого закрыли. Но это ничего. Территорию и наше хозяйство он знает, все тебе покажет. Паша – мужик толковый, и с головой у него все в порядке. Пока пробку от бутылки не понюхает, – добавил завхоз и ухмыльнулся. – Сейчас я позвоню, чтоб его с отделения выпустили.

Гусейн Багадулович снял трубку и начал набирать номер.

– Да разберусь я, – пытался остановить его Петр. – А если заблужусь, так, наверное, не потеряюсь, – пошутил он.

– Нэт, нэт, так нэ пойдет. – Завхоз уже уговаривал кого-то выпустить из отделения «под его ответственность» опального Пашу.

Через пятнадцать минут в дверь постучали – и вошел парень лет тридцати.

– Меня к вам послали, Гусейн Багадунович, – бодро отрапортовал он.

– Вот и хорошо! – подхватил тот. – Это наш новый электрик, – представил он Петра. – Покажи ему территорию и где там у нас что. Корпуса все. Раздевалку. Баню. Подсобку. На чердак своди. Где электрощитки, покажи. Ты же там у электриков крутился, все знаешь. Вот ключи. – Он положил на стол связку ключей. – Тэбе даю. – Завхоз посмотрел на Петра. – Спецодежды я тэбе пока не дам. Но ты там у электриков что-нибудь старое найдешь. Там у них этих фуфаек до дуры. – Он вышел из-за стола и подошел к Петру. – Так что приступай, – закончил он свое напутствие. – Если что нэясно будет – обращайся ко мнэ...

Сначала двинулись на лечебный корпус, в подсобку к электрикам. Паша шел впереди и рассказывал свою историю, не забывая, впрочем, о порученном задании.

– Да с женой у меня проблемы начались. Лишние сто грамм после работы принял – скандал. Дошло до развода. Пришлось самому в этот обезьянник завалиться.

– Вот с этого отделения побег был, – показал он на дверь с цифрой «1». – Видел, наверное, по телевизору? Идиоты, весь город переполошили... – Потом он стал пояснять причину увольнения прежнего электрика. – С работой-то ты, извини, попал: они, понимаешь, экономят на зарплате. Дураков ищут. Ну, у них эта черта профессиональная! – Паша хихикнул. – Да чтоб не пью-ю-щие были... Да не куря-я-щие! Да чтоб с электричеством он работать мог и с сигнализацией... Но чтоб недорого. – Он скорчил юморную рожу. – Как в сказке: работника не слишком дорогого... А работы-то тут знаешь сколько? Несколько корпусов. И все по территории разбросаны. А ответственность? И кто пойдет за такие деньги работать? Только тот, кого больше никуда не берут, – хронический алкоголик с тридцать третьей в трудовой. Берут такого. И помощников ему из пациентов вербуют – тоже из бывших алконавтов. Вроде меня. Ну, не простых, конечно, а из тех, кто в прошлом с электричеством работал. Алкоголику в дурдоме вообще верят – он тут как неоплачиваемый персонал. Но такому помощничку все по барабану: он же ответственности не несет! Денег он, правда, тоже не получает. Стало быть, за что стараться-то?

Паша замолчал.

– Ну, платят все-таки какие-то копейки, – начал он снова. – Говорят: «Не за что – трудотерапия!»

Ключ долго не подходил к замку, и за дело взялся Паша. В его умелых руках замок почти не сопротивлялся.

Дверь, скрипнув ржавыми петлями, открылась. Паша вошел первым и щелкнул выключателем. Воздух в комнате, казалось, был пропитан пылью. Он был плотный, как вода, его, казалось, можно было потрогать.

На столе были разбросаны какие-то банки из-под дешевых консервов, за столом и под шкафчиками – пустые водочные и винные бутылки – вещдоки, одним словом.

– Да-а... – Петр обвел помещение взглядом и потянул в себя пыльный воздух. – Тут костюм химзащиты нужен как спецодежда, – мрачно пошутил он.

Судя по найденным уликам, подсобка долгое время служила помещением для самогонварения и массового изготовления кипятильников – они ровной стопкой были сложены в шкафу для одежды. Паша сразу ринулся туда:

– Я возьму с собой парочку... На отделении мужики просили, – оправдывался он.

Потом он полез за шкаф в поисках «неконфискованного горячего».

– Две банки самогона там стояло. Уже нашли... – ворчал он разочарованно.

Одежда – старые солдатские фуфайки – была свалена в кучу на кровати, стоящей в углу помещения. Снизу торчала пароварка из нержавеющей стали, а рядом с ней подозрительного вида змеевик.

– Ты вон выбери себе чего-нибудь поновее да почище. – Паша кивнул на кучу фуфаек. – Там и хорошие снизу есть. Это мы сюда списанных с отделений натаскали. Чтобы спать иногда, – пояснял он. – А брюки вон, – кивнул он на шкаф. – Тоже больничные. Примерь.

– Да ладно, я как-нибудь обойдусь. Потом из дома что-нибудь принесу.

– Смотри, – предупредил Паша. – Тебе в подвал нужно будет спуститься. И на чердак подняться. А там нечисто. Своих-то вещей не жалко?

Петр окинул помещение взглядом, прикидывая в уме, что же такое «нечисто», потом посмотрел на свою почти новую куртку и решил все-таки выбрать фуфаечку. Из тех, что поновей да почище.

Выдернул из кучи ярко-зеленую, почти не выгоревшую. Примерил. Оказалась ничего – как по нему шили. Брюки решил оставить свои – сойдет и так.

– Ну что, двинули? – спросил Паша. – Куда теперь?

Решили идти на чердак.

– Ты знаешь, – заволновался вдруг Паша по дороге и начал перебирать ногами, словно ему срочно нужно было в туалет. – Я тут по своим делам сбегаю. Недалеко. В магазин и назад. Мне очень надо! Чаю мужики купить просили. Ты как, не против?

– Да мне-то что. Сбегай. А через проходную-то тебя выпустят?

– Да это ерунда! – сразу оживился Паша. – Там давно все увязано, притерто, и даже налоги регулярно выплачиваются! – Он провел указательным и безымянным пальцами под подбородком. – А ты тут и без меня справишься! Чего тут разбираться-то?! Подсобка у электриков внизу. Мы там с тобой уже были. Чердак наверху. По этой же лестнице. А все что между ними – это отделения. Номера отделений стоят на двери. Правое крыло – бабы. Левое – мужики. Ты давай тут пока один, – засуетился он. – А я быстренько!

И, махнув рукой, он двинулся вниз по лестнице.

Поднявшись наверх, он немного повозился с замком, подбирая к нему ключ, и, откинув чердачный люк в сторону, влез внутрь.

Чердак оказался темным и пыльным. Петр включил фонарик. Где-то наверху в сумерках ворковали голуби.

Один кабель он заметил почти сразу. Он прятался на самом верху, в балках, и убегал куда-то под шифер. «Антенна, наверное», – подумал Петр и, решив проверить это, полез через слуховое окно на крышу.

Выбравшись туда, осмотрел себя и матюгнулся. Стряхнул с брюк голубиный помет.

Потом осмотрелся. Провод, как он и догадывался, шел в сторону больничной антенны.

Сверху видна была вся больничная территория. Крыши корпусов выглядывали одна из-за другой.

Пока он топтался у слухового окна, его заметили из окна соседнего корпуса, и там начала собираться толпа странно одетых существ. Существа что-то обсуждали между собой, бурно жестикулируя и показывая в его сторону пальцами.

Стараясь не отвлекаться, он съехал по крыше вниз и заглянул за ограждение. Справа была водосточная труба, слева спускалась пожарная лестница. Потом посмотрел на соседний корпус.

Странные существа на всех пяти этажах бурно ликовали, подпрыгивали от восторга, тыча в него пальцами. Одно существо в какой-то странной шапочке высунуло небритую харю в зарешеченную форточку и начало что-то кричать человеческим голосом.

Иногда среди полосатых арестантско-дурдомовских костюмов мелькали белые халаты санитаров.

Посмотрев этот спектакль и посмеявшись в душе, он полез назад.

Закрыв чердак на замок, он подумал немного и решил сначала проверить сигнализацию, «все эти звонки у дверей, те, что снаружи» – ее, объяснял завхоз полупшепотом, отведя его в сторону от Паши, нельзя доверять взору дураков.

Дверь открылась так неожиданно, что Петр в испуге шарахнулся в сторону.

– Ты чего тут у дверей возишься? – санитар в застиранном грязно-белом халате смотрел на перемазанного голубиным пометом человека недружелюбно и подозрительно.

– Чего-чего... – Петр пришел в себя и снова пихнул руку под косяк. – Провода тут..

– Провода? – бдительно оживился санитар: в дурдоме, как известно, провода – это самая интересная тема.

– Раз провода ищешь – значит, наш товарищ, – весело констатировал он, видимо, поняв что-то не так и по-своему. Фраза Петру показала несколько двусмысленной.

– Только почему ты, друг, один и без присмотра? – санитар сделал шаг вперед.

В этот момент в углу нервно заскрежетал лифт и, задрожав всем телом, выпустил наружу еще двух краснорожих мордovorотов в таких же грязно-белых халатах.

– Вот он! – сказал один из прибывших. – Твой? – спросил он у санитаря, стоявшего в дверях отделения, и кивнул на электрика.

– Нет, – растерянно ответил тот.

Чувствуя неясную опасность, Петр шарахнулся от двери к лестничному проему.

– Держи-держи-держи!!! Уйдет, сука! – дружно заорали прибывшие с лифтом.

Не успел Петр раскрыть рот, чтобы спросить, в чем, собственно, дело, как вся троица дружно бросились на него и зажала в угол. Одному санитару удалось схватить его сзади за шею, и он держал так, не давая возможности говорить.

– С какого он отделения-то? – спросил один.

– Да кто ж его знает, – ответил второй.

– Фуфайка-то на нем больничная, – неожиданно заметил местный санитар. – Ты посмотри-ка на ней номер отделения, – предложил он. – Там должен быть.

Первый принялся ощупывать и рассматривать фуфайку снаружи и изнутри, разыскивая на ней номер отделения.

– Вырезан, – констатировал он. – Вместе с больничной печатью. Готовился, с-сука!

Он пару раз поддел беглеца кулаком в печень. Тот охнул и провис на «хомуте». Стоявший сзади санитар своевременно подтянул его. Петр дернулся раз-другой в «хомуте», пытаясь найти в нем щелку и хлебнуть кислорода, но, не найдя ее, быстро обмяк и затих.

– Так надежней, – хихикнул державший Петра санитар и ослабил удавку.

– Куда его теперь? – спросил хозяин этажа.

– Куда... К вам, куда еще? Не в приемный же покой! Потом разберутся, чей он! По водосточной трубе спуститься хотел, потом по лестнице! – рассказывал он, таща бесчувственного Петра по коридору. – Мы только выбежали с отделения, а он снова наверх – понял, сука, что уже не уйти! Хорошо, больные сказали, а то ушел бы!

Перед второй дверью, отделяющей служебный коридор от «дурного», остановились. Один санитар не крепко придерживал беглеца на «хомуте», так, на всякий случай, если придет в себя. Второй привычно шарил по карманам. Сигареты, зажигалка и деньги молча перекачивали в его карманы, а ключи, выданные завхозом, удивленно застряли в руках.

– Ты-ы п-посмотри только... Вот су-у-ка! Даже ключи где-то раздобыл! Ну, ладно, там разберутся, что к чему и откуда такой удалец!

– Давайте его в процедурку сначала, – высунулась в коридор медсестра. – Я уже галоперидол в шприц набрала.

Как вводили галоперидол с амиазином, беглец не чувствовал и открыл глаза от резкого запаха нашатырного спирта. Белый потолок. Обшарпанные стены. Злые и незнакомые лица. Десять минут назад он жил в другом, добром мире. Он дернулся, пытаясь встать.

– Куда?! – рявкнул санитар и придавил его коленом к кушетке. Ребра подозрительно щелкнули, дыхание перехватило от боли. Второй санитар сел на ноги. Мелькнула запоздавшая мысль: вот так, наверное, и ловят «бациллу» клаустрофобии. А потом от этого долго и безуспешно лечат в психушке. Он заорал от ужаса.

– Да заткни ты ему пасть! – рявкнул один из санитаров. – Намордник с уздой ему надень!

В рот старательно и умело запихнули узкое полотенце, плотно завязав его на затылке. На голове укрепили наволочку. Крики ужаса начали вязнуть в ткани.

– Давайте сейчас его в надзорку и привязать, – распорядилась медсестра. – А там, глядишь, и хозяин найдется. Ох, и получит же нынче кто-то выговор! – тяжело вздохнула она. – Второй побег за неделю!

Минуты две его тащили на руках какими-то гулкими коридорами. Он только мычал и уже не сопротивлялся, сделав правильный для себя вывод: криками и сопротивлением на ситуацию никак не повлияешь. Лишь ухудшишь положение.

Потом звуки изменились. Его втащили в какое-то просторное помещение. Что-то шаркало, стонало и пыхтело вокруг. А главное – изменился воздух. Тут дышалось и пахло совсем по-другому. Казалось, наволочка, надетая на лицо, начала плавиться, словно пластмасса на огне, и издавать жуткую вонь.

– Давай его сюда, – отдавал распоряжения санитар, – на эту койку. Ближе к санитару. Балда! – рявкнул он. – Ты где там? Тащи жгуты из ванной! Погоди! Давай сначала «дежурный» жгут, тот, что у санитара на входе. И убери судно из-под кровати, чтоб не мешало!

Петр забеспокоился и рванулся в сторону, догадываясь, что мучители замыслили что-то совсем уж нехорошее.

– Ну куда ты рвешься-то, голубчик, – приговаривал санитар, затягивая жгуты у него на руках.

Ноги фиксировал тот, кого звали Балдой. Сквозь неплотную наволочку Петр видел его силуэт на фоне окна. Он попытался крикнуть садистам, что это ошибка и недоразумение, что он простой электрик, но язык уперся в «узду» и изо рта вырвалось лишь слабое мычание.

– Чего мычишь? – не отвлекаясь от дела, спросил санитар. – Недоволен? А я, брат, рад! Мне за беглеца премия полагается. Во как! Это я тебя заметил. А моя премия от меня еще никогда не убегала!

Аминазиновый сон был тяжелый и душный, из него хотелось вырваться и убежать. Этот страшный сон больше напоминал наркоз. Сознание в нем спотыкалось и путалось.

За неплотной тканью наволочки передвигались какие-то тени и призраки, которых то выводили «в туалет на курево», то выдавали им какие-то таблетки. То вдруг их тащили куда-то «на уколы». Иногда эти «призраки» превращались в бунтарей и ставили мучителям свои условия. Тогда их тут же начинали «усмирять и ограничивать». В этот мо-

мент со всех сторон неслись вопли и угрозы. Слышно было, как кто-то кого-то бил, а избиваемый грозил куда-то и кому-то пожаловаться.

У Петра мелькнула вялая мысль, что все эти крики тоже, наверное, во сне. Только не в этом, а в другом, параллельном...

И вдруг родилась сумасшедшая догадка, что это вообще не сон, а просто он попал в ад... И сейчас черти освободятся от своих дел и примутся за него!..

Но черти словно забыли о нем.

– Слушай, – наконец донеслось откуда-то снаружи, из-за границы этого сна. – Он там не задохнется под наволочкой? – Сними ее, – разрешил кто-то. – Скоро ужин. Потом дежурный врач придет. А там займись им, я тебе разрешаю. Может, чего и расскажет.

Наволочку сняли с лица, и Петр зажмурил глаза от яркого света. Потом кто-то расслабил узел на «узды» и ее выдернули изо рта. Петр блаженно закрыл рот, вздохнул облегченно и благодарно посмотрел на своего спасителя.

– Ну, ты как? – спросил тот.

Петр молчал. Язык после «узды» был сухой и шершавый, словно шкурка. Но в движениях и повадках появилось что-то новое и необычное. Он взбунтовался. Он не хотел больше слушать хозяина и сам, словно отдельное живое существо, лез наружу. Раньше такого Петр за ним не замечал. Язык не хотел производить никаких звуков, кроме шипения и цоканья. Он отказывался говорить человеческим языком!

Ощущение было настолько необычным, что Петр даже не поверил, решил, что все это скорее всего от «узды» и пройдет само по себе.

– Чего молчишь? Давай знакомиться! Я, – спаситель ткнул себя кулаком в грудь, – Коля-Балда. А ты?

Связанный зашипел и зацокал в ответ, как тушканчик, пытаясь произнести свое имя. Язык словно заклинило, он не слушался, рот тут же забило слюной, и она медленно потекла по подбородку.

– Ты что, не русский?

«Да русский я, русский!» – хотел прокричать Петр, но язык предательски вывалился наружу. Но и это было не все: оставшиеся части тела тоже взбунтовались, не желая больше подчиняться хозяину. Глаза закатились на самый лоб и не видели даже того, что было перед ними. Шею и тело развернуло куда-то вбок. В памяти всплыли рассказы о парализованных. Внутри шевельнулся ужал.

От галоперида языка сводило судорогой, он то прилипал к небу, то сворачивался в трубочку, то вдруг пытался вылезти наружу, тем самым оскорбляя спрашивающего.

– Ты кому тут языки показываешь? – Петр получил удар в грудь, от которого у него наконец прорезался голос.

– Сулейману скажите... Багадуру!

В голове стоял нейролептический туман: все азиатско-мусульманские имена там спутались и сплелись в одно целое, не давая вспомнить настоящее имя завхоза.

– Слушай, – Балда всем своим видом изобразил посетившую его догадку, – может, ты от Бен Ладена к нам прибыл? А? Ты не бойся, скажи! Мы тебя не выдадим. У нас уже были такие! Может, мне сообщить ему, что ты пока у нас? – Тут он снова перешел на серьезный тон: – Ты, брателло, лучше честно сознайся, чей будешь?

– Да пошел ты на...

Язык по-прежнему не хотел слушаться, но последнее слово было коротким, и Петр постарался произнести его четко.

– Так ты еще и хамишь, скотина?!

Балда обошел кровать с другой стороны.

– Где там у тебя печень-то?

Анатомию человека он знал профессионально.

Петр начал орать.

– Да не бей ты его так, – вступился санитар. – Еще сдохнет...

– Да как он сдохнет-то? – возразил Балда. – Его же вообще в природе не существует! И в списках отделенческих нет!

– Если не заткнешься, – предупредил Петра санитар, – я тебя опять зануздаю! Так до понедельника и будешь с уздой во рту лежать!

Через час Петр беспокойно заерзал на койке: туалет он привык посещать регулярно.

– Чего возишься? – тут же появился Балда. Петр постарался мычанием объяснить свое желание, переводя глаза то на входную дверь, то на свои ноги.

– А-а, в туалет? – сообразил наконец Балда.

– Дай ему «утку», – распорядился санитар.

– Зачем? – удивился Балда. – Я его отучу от этого дела. Чтоб хорошие вещи не портил, – приговаривал он, распуская жгут на ногах и стаскивая с Петра приглянувшиеся ему спортивные брюки. – Чего воешь? – спросил он потерпевшего. – Я тебе сейчас замену выдам. Своих не пожалею! Как, нравятся? – он крутнулся на месте, показывая свои застиранные пижамные брюки. – И носки у тебя клевые...

Он стащил со связанного носки.

– Куда они тебе? – спросил санитар.

– Все равно обоссют, – оправдывался Балда. – А я постираю и пригодятся.

Он сунул под Петра «утку».

– А штанцы-то ничего, – похвалил он откуда-то из угла, видимо, примерив их. – Как по мне шили.

Потом он принялся натягивать свои брюки на Петра.

Через пятнадцать минут принесли ужин. Где-то раньше ему приходилось слышать, что, попав в неволю, человек не может есть первые сутки. Но там, видимо, речь шла о теории...

А он последний раз ел сегодня утром, уходя на работу.

– А на тебя ужин не выдавали, – заметив его голодный взгляд, пошел на хитрость санитар. – На тебя где-то на другом отделении получают. Скажи на каком, мы принесем.

Петр мужественно молчал.

– Ну, вот видишь, – продолжал санитар. – За что же тебя кормить?

В восемь вечера была очередная смена персонала.

– Балда! – с порога удивился вновь заступивший санитар. – Ты опять тут?! Тебя же вывели из надзорки!

– Сначала вывели, потом снова завели.

– За что?

– На комиссию вызвали и вопросами стали мучить. Спросили, чем отличается муха от самолета. Ну, я и сказал, что они жужжат по-разному. Лечащий обиделся и в ссылку сюда отправил.

Вновь заступивший заржал и принялся считать пациентов.

– Этого не считай, – указал на Петра санитар из прежней смены. – Он не с нашего отделения. Побегушник. Может, знаешь его?

Новенький подошел ближе и принялся рассматривать Петра.

– Нет, не знаю, – признался он.

Потом в палату забежала медсестра из новой смены, чтобы взглянуть на странного пациента и тоже не признала его за знакомого.

– Как его хоть зовут-то? – спросила она у санитара.

– Не сознается, – торопливо вклинился Балда. – Его, похоже, от галопередола крутит. Потому и не говорит. Вы ему циклодола дайте, чтоб судороги убрать, а я с ним пообщаюсь.

– Ты, советчик! – возмутилась медсестра – На кого я циклодол-то списывать буду, если это не наш больной?!

Ситуация была тупиковая.

– Ладно, – пообещала она напоследок. – Сейчас я все отделения обзвоню и разыщем хозяина.

И вышла из палаты. Через час она вернулась растерянная.

– Не признается никто, – сообщила она санитару. – Я все отделения обзвонила. Даже дежурный врач в отказ: ваш, говорит, это! А чей, мол, еще, если побега в больнице не было. Дурдом какой-то! – мрачно пошутила она. – Конечно, кому охота выговор получать. Но это ж идиоты! Все равно в понедельник выяснят, чей он.

Перед отбоем на отделение с визитом явился дежурный врач, чтобы лично посмотреть на таинственного беглеца – может, знакомый? А заодно и поговорить с ним. Но к тому моменту язык от галоперидола вывалился наружу и перестал слушаться Петра окончательно. Глаза закатились, и шею развернуло на сто восемьдесят градусов, так, что голова неестественно смотрела куда-то назад. Он хрипел, изо рта шла пена. Сейчас он уже мало чем отличался от других обитателей палаты.

Врач покрутился вокруг него минут пять и, не добившись вразумительного ответа на свои вопросы, распорядился «колоть галоперидолом до понедельника и не развязывать!»

– Там разберутся, – сказал он и ушел, предоставив полную свободу Балде.

«Понедельник! Понедельник!» – крутилось в голове у Петра спасительное слово.

Но Балда решил выяснить все гораздо раньше...

Несколько суток пролетело в этом кошмаре. Петр открывал глаза, лишь когда его в очередной раз кололи галоперидолом с аминазином, и они тут же закрывались сами. Время от времени Балда с санитарями проводили допросы с пристрастием, не позволяя ему спать. Все это напоминало плохой фильм о гестапо, где, казалось, кровати и белые халаты – это ошибка режиссера и неправильная декорация.

Наконец наступил долгожданный понедельник.

Уже под утро Балда утомился и оставил его в покое. Петр проснулся оттого, что кто-то начал теревить его за плечо. Ужас уже поселился в его сознании, и он шархнул в сторону.

– Что ты такой пугливый? – участливо спросил кто-то. – Ты откуда к нам прибыл? Из каких краев?

Говоривший был насмешливо-вежлив. Обычно так говорят с маленькими детьми до пяти-шести лет. Правда, после долгого общения с санитарями и Балдой это все равно было приятно.

Халат на говорившем был не грязно-коричневый, а накрахмален и кристально чист.

Петр оживился и начал гримасами изображать, что он хочет сообщить что-то очень важное.

– У него что, судороги? – равнодушно спросил врач у стоявшей рядом медсестры. – Циклодола-то не давали?

– За циклодол отчитываться нужно, – возразила она, оправдываясь. – На кого мне списывать циклодол, если больной не с нашего отделения?..

– Ну, циклодол не можете дать, значит, развяжите. Как он будет с вами общаться, если у него руки связаны, а язык сводит?

Санитар послушно распустил узлы на руках, не трогая, впрочем, ноги.

Петр облегченно выдохнул, растер руки и тут же принялся жестами показывать, что ему нужна авторучка.

Врач протянул ее, медсестра сунула листок бумаги, подложив под него плотную тетрадь.

Руки совсем не слушались и отказывались держать авторучку, но он сделал усилие и сжал ее пальцами.

«Завхозу позвоните, – каракулями вывел он. – Я – ваш электрик».

Врач улыбнулся и согласно закивал головой, видимо, поняв ответ по-своему.

– С какого отделения? – уточнил он.

Теперь задумался Петр, пытаясь найти ту самую короткую фразу, которая все сразу прояснит.

«Ни с какого, – выцарапал он. – Я свободный».

Смутная догадка шевельнулась на лице у врача. Улыбка слетела с него. Голос сделался серьезно-вежливым и даже заискивающим.

– Отвяжите его, – приказал он санитару. – И приведите к нам в кабинет!

– Ну куда ты торопишься? – главный врач примиряюще развел руками. – Ну, недоразумение вышло. Ошибка. Бывает. А уволиться всегда успеешь... Забери, забери это! – он пододвинул к просителю заявление об увольнении.

Петр хотел было ему возразить, что не по ошибке он сюда попал, а вся их система преступна, но промолчал.

– Ничего себе «бывает»! Трудовую отдайте!

Он шмыгнул распухшим носом и поправил пластырь на щеке. Сейчас он был уже не тот, что при поступлении на работу: никто не может войти в дурдом и выйти из него прежним.

– Я в прокуратуру на вас пожалуюсь! – пообещал он, прижимая к заплывшему глазу холодную монету.

– «Пожалуюсь!» – фыркнул главный. – А чего ты молчал, когда тебя санитары на отделение тащили? Когда привязывали? Сказал бы им, что ты наш электрик, и все дела!

– А что, спрашивали, что ли?

– Ну, медсестре сказал бы. Чего молчал-то?

Электрик хмыкнул от досады, вспомнив, как от галоперидола внезапно перестал слушаться язык.

– То-то же, – по-своему понял его главный. – А то «п-пожа-а-луюсь»! Я тебе пожалуюсь! – неожиданно перешел он в наступление. – Я тебя сейчас на отделение верну! – по-учительски тряс он указательным пальцем. – За неадекватное поведение на работе! За систематическое пьянство! За прогулы! Как там понравилось? – ехидно спросил он.

Петр сразу сбавил тон.

– Так меня же несколько дней на работе не было, – обрадовался он подсказке. – Я даже испытательного срока не выдержал. Обязаны уволить за прогулы! Обязаны!

– Ну, во-первых, не несколько дней прогулов, – глубокомысленно заметил главный, снимая очки – Это ты зря. Там еще два выходных было! А если все-таки и был прогул-два, то все в наших силах. И потом, – нашелся вдруг он, – ты же электропроводку проверял? Так? И за территорию больницы никуда не уходил? Вот и будем считать, что это была служебная командировка!

«Закон Димы Яковлева» глазами психиатра

«Закон Димы Яковлева» побил все рекорды, наша страна доказала, что она всегда способна изумлять.

Между тем детская эгоцентрическая «логика» происшедшего легко узнается любым человеком, лежит на поверхности: «назло батьке уши отморожу» – хотя здесь гаже: не свои, а детей-инвалидов. Но они не в счет, имперские амбиции дороже. Вы цените права человека? Возмущены, что мы их нарушили? Вводите санкции? Так мы нарушим их еще больше! Из-за вас! Вы виноваты в этом!

Никогда власть не сбрасывала маску более явно для каждого. Никогда прежде разрыв власти и народа не достигал степени такого качественного скачка. Никакой реальный (а не выдуманный) враг, очернитель, не сумел бы достичь такого грандиозного эффекта. Здесь дело не в том, кто придумал такой ответ, а в легкости и скорости овладения этой отталкивающей идеей всей Думой и Советом Федерации. Но это не «психическое заражение», это выдрессированный привилегиями нюх на ожидания властной вертикали.

Для психиатра это наглядное свидетельство несостоятельности постановки психиатрического диагноза на основании нелепости совершаемого, как бы чудовищно оно ни было. ГУЛАГ и холокост были задуманы и осуществлены не психически больными. Это банальный бандитский прием консолидации через непосредственное соучастие в преступлении. А задумывают такое люди совершенно других ценно-

стных ориентаций. Современная правящая верхушка настолько оторвалась от народа, что для нее адекватны принципы транскультуральной психологии и психиатрии.

Кликушество заявителей закона Лаховой и Афанасьевой, наступательно многословная аффектация председателя думского комитета Федорова, который на «Эхо» напирал на денежный аспект усыновления, называя это работоторговлей, не замечая «бревна в собственном глазу», неуклюжие прожекты вдогонку только усиливают эффект судорожных поисков спасения навсегда потерянного лица.

Обнажившим свое естество требуется нечто вроде провокаторской роли Григория Грабового в деле детей Беслана.

А пока предложение уральских «пролетариев» и казаков посылать отряды для умирения митингов оппозиции и охраны храмов – чем не тоска по «Черной сотне» охотнорядцев.

Пожалуй, в любой психиатрической больнице атмосфера неизмеримо здоровее.

*Ю.С. Савенко,
президент Независимой психиатрической ассоциации России*

Александр Сидоров

Китайский чай для воркутинских зэков, или Как детские стишки стали гимном советских арестантов

«Каждый кусок угля кровью зэка омыт...»

Одна из самых известных лагерных политических песен посвящена воркутинским лагерям и шахтам, где работали советские зэки. Злая, надрывная, полная ненависти к сталинскому режиму, она известна во многих вариантах; кто-то называет ее «На берегах Воркуты», кто-то – «Угль воркутинских шахт»:

*На берегах Воркуты
Столбы уходят в туман –
Там живут зэка,
Желтые, как банан.*

*Угль воркутинских шахт
Ярким огнем горит.
Каждый кусок угля
Кровью зэка обмыт.*

*Сталин издал закон,
Страшен он, как дракон.
Тысячи душ поглощает он,
И ненасытен он.*

*Пишет сыночку мать:
«Сыночек любимый мой,
Знай, что Россия вся –
Это концлаг большой.*

*На фронте погиб отец,
Большая лежит сестра.
Скоро умру и я,
Не повидав тебя».*

Несколько слов о мрачных воркутинских шахтах. Еще в 1848 году экспедиция Русского географического общества под руководством профессора Э. Гофмана подтвердила наличие в этих краях запасов каменного угля (местное население знало об этом значительно раньше). Но в императорской России не придали информации особого значения. А вот в Республике Советов – как раз наоборот. С 1921 по 1924 год длилась Северная научно-промысловая экспедиция во главе с геологом Александром Черновым. Именно Чернов заявил о существовании Печорского угольного бассейна. А в 1930 году сын Чернова, Георгий Александрович, обнаружил в районе реки Воркуты пять пластов каменного угля, выходящих на поверхность.

В условиях гигантских планов индустриализации страны открытие оказалось чрезвычайно важным, и уже в 1931 году на Воркуте пробурили первую скважину, а годом позже были заложены две наклонные шахты. До начала Великой Отечественной войны Печорский бассейн (шахты Воркуты и Инты) развивался ударными темпами, однако не играл сколько-нибудь существенной роли в добыче угля.

За 1940 год в Советском Союзе было добыто:

Донецкий угольный бассейн – 85,500 млн тонн угля (более 50% союзной добычи);

Кузбасский угольный бассейн – 21,100 млн тонн, или более 18% общей добычи;

Подмосковный угольный бассейн – 9,950 млн тонн;

Карагандинский угольный бассейн – 6,300 млн тонн;

Печорский бассейн – 0,262 млн тонн.

9 мая 1940 года ЦК Компартии и Совет народных комиссаров СССР принимают Постановление «О строительстве Северо-Печорской железнодорожной магистрали и развитии добычи Воркуто-Печорских углей», где к 1942 году предусматривалось увеличить добычу угля на воркутинских шахтах до 500 тыс. тонн. (Заметим, что Воркутское (Воркутинское) месторождение занимает северо-восточную часть Печорского.)

Однако война заставила резко скорректировать планы развития угольного бассейна. Уже в самом начале был потерян весь донецкий уголь: Украина попала «под немца». В крайне сложном положении оказались

шахты Подмосковья. В конце года объем добычи угля в СССР не превышал 37% довоенного уровня. Освоение коксующихся углей Воркутского месторождения стало вопросом жизни и смерти для всей страны. Поэтому уже 28 декабря 1941 года проложена Печорская железная дорога до станции Воркута, а к концу года шахты Печорского бассейна выдали нагора 1,5 млн тонн угля. К 1943 году в Воркуте уже действовали на полную мощность шахты № 1, 2, 3, 4, 9, 10, 11, готовились к закладке № 5 и № 6, были заложены № 12, 14, 16, 7. «Правда» писала 3 марта 1943 года: уголь Воркуты «приводит в движение турбины электростанций Ленинграда, локомотивы ряда железных дорог, корабли и транспорты в Балтике и на Северном Ледовитом океане, плавит металл на многих оборонных заводах». За 1943 год из всего твердого топлива, полученного Ленинградом, около 72% составлял воркутинский уголь.

К 1945 году на Воркутинском месторождении работали десять шахт. За годы войны месторождение дало стране 7 млн 769 тыс. тонн высококачественного угля. Но какой ценою? Георгий Александрович Чернов, открывший здесь первые пласты, вспоминал позднее о своей экспедиции: «Признаться, в те молодые годы я не мог по-настоящему оценить свое открытие... Вряд ли, думалось мне тогда, оно заинтересует угольную промышленность. Я совершенно не понимал, как в такой труднодоступной местности можно начать не только добычу, но даже и разведочные работы. Ни железных дорог, ни людей, ни строительного материала здесь нет».

Однако для ГУЛАГа ничего невозможного не было. Собственно, площадь Воркутинского угольного месторождения невелика, она составляет 300 квадратных километров. Правда, в этой земле скрыто около 4 млрд тонн угля, из них разведано 1,145 млрд тонн. То есть сокровища значительные. Хотя и в условиях вечной мерзлоты. Так вот, на добычу этих сокровищ были брошены десятки тысяч заключенных. В зимовку 1931–1932 годов количество эзков здесь составило три тысячи человек, к 1938 году это число увеличилось до 15 тысяч, к послевоенному времени количество узников советских лагерей, работавших на воркутинских шахтах, достигало в среднем 70 с лишним тысяч человек ежегодно. Труд эзков был очень дешев. Это позволяло до 1935 года производить в шахтах откатку угля вручную, а работать при строительстве лишь кайлом и лопатой. Только с 1940 года стали использовать лошадей, с 1942-го – электровозы, а в 1943 году появились врубовые машины.

Так как шахты были мелко заложения, в условиях вечной мерзлоты температура там была низкая – 4–5 градусов мороза. Сверху по трещинам в забой проникала вода, от которой шахтеры промокали до

нитки, роба замерзала и делалась негибкой. За смену шахтер становится почти сосулькой, организм постоянно переохлаждался. Через несколько месяцев такой адской работы начиналась скоротечная лихорадка, от которой заключенные умирали или становились хроническими туберкулезниками.

«Сталин издал закон...»

Но песня об угле воркутских шахт появилась уже после окончания войны. Можно даже точно сказать, что возникла она не ранее 4 июня 1947 года. Откуда такая уверенность? А как раз из текста песни. Помните слова о том, что Сталин издал «драконовский» закон? На самом деле речь идет не о законе, а об указе. В другом варианте песни сказано прямо:

*В сорок седьмом году
Шверник издал указ.
Нужно развить страну –
Сталина был приказ.*

*Печора, этап встречай,
Жертвы конвой привез,
Сколько рыданий и слез
Он за собой привел.*

*Уголь воркутинских шахт
Ярким огнем горит.
Каждый кусок угля
Кровью зэка омыт...¹.*

Именно Николай Шверник, который с 1946 по 1953 год являлся Председателем Президиума Верховного Совета СССР (номинальным главой государства), подписал указ от 4 июня 1947 года. Grimасы истории: 23 декабря 1953 года тот же Шверник входил в состав Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, вынесшего смертный приговор Лаврентию Берию. А в 1956 году Николай Михайлович возглавил Комиссию партийного контроля и стал ответственным за ре-

---

¹ В книге Майкла и Лидии Джекобсонов «Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник (1940–1991)» с пояснением: «Записано от Александра Балашова, 1937 г.р., в Москве в 1958 году.

абилитацию членов партии, репрессированных при Сталине («комиссия Шверника»)..

Уточним: на самом деле указов было два и вышли они одновременно. За что окрестил их народ «указ два-два». Так обычно в цирке представляли номера, в которых задействованы близнецы (клоуны, акробаты, эквилибристы, жонглеры), – «два-Толли-два», «два-Сильвио-два» и проч. Однако оба названных указа далеки от клоунады или словесной эквилибристики. Напротив, они отличались суровым и конкретным содержанием. Другое их название: «указ четыре шестых», то есть четвертое число шестого месяца – 4 июня 1947 года.

Но все по порядку. После войны криминальная обстановка в Советской стране резко обострилась. Кражи, грабежи, разбои, убийства стали делом обыденным. В преступную деятельность втягивалось все больше новичков, особенно молодежи. Так, в Одессе первых послевоенных лет за ночь совершалось до 70 вооруженных ограблений! Не лучше была обстановка и в других городах. Положение становилось критическим. Разгул преступности грозил еще более обостриться в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года «Об отмене смертной казни»:

ОБ ОТМЕНЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Указ Президиума Верховного Совета СССР

26 мая 1947 г.

Историческая победа советского народа над врагом показала не только возросшую мощь Советского государства, но и прежде всего исключительную преданность Советской Родине и Советскому Правительству всего населения Советского Союза.

Вместе с тем международная обстановка за истекший период после капитуляции Германии и Японии показывает, что дело мира можно считать обеспеченным на длительное время, несмотря на попытки агрессивных элементов спровоцировать войну.

Учитывая эти обстоятельства и идя навстречу пожеланиям профессиональных союзов рабочих и служащих и других авторитетных организаций, выражающих мнение широких общественных кругов, – Президиум Верховного Совета СССР считает, что применение смертной казни больше не вызывается необходимостью в условиях мирного времени.

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Отменить в мирное время смертную казнь, установленную за преступления действующими в СССР законами.

2. За преступления, наказуемые по действующим законам смертной казнью, применять в мирное время заключение в исправительно-трудовые лагеря сроком на 25 лет.

3. По приговорам к смертной казни, не приведенным в исполнение до издания настоящего Указа, заменить смертную казнь, по определению вышестоящего суда, наказаниями, предусмотренными в статье 2-й настоящего Указа.

Трудно сказать, чем руководствовался Великий Вождь и его окружение, решившись на такой, мягко говоря, нетрадиционный для Советского государства шаг. Вряд ли этого требовала мировая общественность. К тому же в первые послевоенные годы Советский Союз – сверхмощная военная держава, которой мир был обязан по большому счету спасением от фашизма, – мог позволить себе роскошь не особенно прислушиваться к чужому мнению.

Еще меньше оснований приписывать отмену смертной казни опьянению победой в Великой Отечественной войне, какому-то радостному возбуждению (хотя сам текст Указа как бы подразумевает именно такую трактовку). Ведь со дня окончания войны прошло уже два года. Достаточный срок для того, чтобы протрезветь и успокоиться.

Ларчик открывается просто: государству для восстановления экономики просто требовалось огромное количество рабской рабочей силы. Поэтому **было признано нецелесообразным уничтожать преступников**: пусть лучше «загибаются» от полезного для страны труда. Но как бы там ни было, а официально смертная казнь была отменена. В качестве комментария: 12 января 1950 года ее снова введут Указом ПВС СССР «ввиду поступивших заявлений от национальных республик, от профсоюзов, крестьянских организаций, а также от деятелей культуры». Сначала только по отношению к изменникам родины, шпионам и подрывникам-диверсантам, а позже (уже при хрущевской «оттепели») число «расстрельных» статей умножится.

Но вернемся в 1947 год. Следом за отменой смертной казни последовали указы «четыре шестых», согласно которым резко увеличивались сроки отбывания наказания в ГУЛАГе. Между указом от 26 мая и указами «два-два» прошло... чуть более недели! Так что же это за жуткие законодательные акты, которые вызывали ужас среди «широких слоев населения», а особенно в среде уркаганов? Ознакомимся с ними поближе.

**ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ХИЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО
И ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА**

Указ Президиума Верховного Совета СССР

4 июня 1947 г.

В целях установления единства законодательства об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества и усиления борьбы с этими преступлениями, – Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Кража, присвоение, растрата или иное хищение государственного имущества –

карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от семи до десяти лет с конфискацией имущества или без конфискации.

2. Хищение государственного имущества, совершенное повторно, а равно совершенное организованной группой (шайкой) или в крупных размерах, –

карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от десяти до двадцати пяти лет с конфискацией имущества.

3. Кража, присвоение, растрата или иное хищение колхозного, кооперативного или иного общественного имущества –

карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от пяти до восьми лет с конфискацией имущества или без конфискации.

4. Хищение колхозного, кооперативного или иного общественного имущества, совершаемое повторно, а равно совершенное организованной группой (шайкой) или в крупных размерах, –

карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от восьми до двадцати лет с конфискацией имущества.

5. Недонесение органам власти о достоверно известном готовящемся или совершенном хищении государственного или общественного имущества, предусмотренном статьями 2 и 4 настоящего Указа –

карается лишением свободы на срок от двух до трех лет или ссылкой на срок от пяти до семи лет.

**ОБ УСИЛЕНИИ ОХРАНЫ
ЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ГРАЖДАН**

Указ Президиума Верховного Совета СССР

4 июня 1947 г.

В целях усиления охраны личной собственности граждан Президиум Верховного Совета СССР п о с т а н о в л я е т:

1. Кража, то есть тайное или открытое похищение личного имущества граждан, –

карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от пяти до шести лет.

Кража, совершенная воровской шайкой или повторно, –

карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от шести до десяти лет.

2. Разбой, то есть нападение с целью завладения чужим имуществом, соединенное с насилием или с угрозой применения насилия, –

карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

Разбой, соединенный с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой смертью или тяжким телесным повреждением, а равно совершенный шайкой либо повторно, –

карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от пятнадцати до двадцати лет с конфискацией имущества.

3. Недонесение органам власти о достоверно известном готовящемся или совершенном разбое –

карается лишением свободы на срок от одного года до двух лет или ссылкой на срок от четырех до пяти лет.

«Двуглавие» указов имеет особое значение. Их репрессивная составляющая была направлена одновременно и на трудовое население Союза, и на уголовный мир. Это мгновенно привело к резкому увеличению спецконтингента в лагерях, колониях и тюрьмах. Достаточно обратиться к статистике послевоенного ГУЛАГа:

Год	Заклученных
1945	1 736 186
1946	1 948 241
1947	2 014 678
1948	2 479 909
1949	2 587 732
1950	2 760 095
1951	2 692 825
1952	2 657 128
1953	2 620 814

То есть после выхода указа «четыре-шесть» годовая численность «сидельцев» увеличилась в среднем на 700 тысяч человек – более чем на 50%! Но средняя статистика по годам не отражает полной картины: приходят новые этапы, объявляются амнистии (их в первые послевоенные годы было несколько), люди освобождаются, люди умирают... Нам же важно знать количество осужденных именно по указу «четыре-шесть». Возьмем 1950 год, когда «население» ГУЛАГа достигло пиковой отметки. В этом году по Указу от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» отбывали наказание 637 055 человек: в значительной мере – рабочие, колхозники и служащие. По Указу от 4 июня 1947 года «Об усилении охраны личной собственности граждан» в местах лишения свободы находились 394 241 человек. Это в основном профессиональные уголовники.

При этом отметим, что указы ударили как по «бытовикам», так и по уголовникам. Причем, исходя из статистики, можно даже предположить, что уголовный элемент «пострадал» не менее, нежели «бытовики». К слову сказать, и многие из «бытовиков» не были «невинно репрессированными». В то время хищения на производстве достигали чудовищных размеров. Мой дед по матери в послевоенные годы работал грузчиком на железнодорожной станции «Ростов-Гора»: тяжелое, но «хлебное» место. У деда было семеро детей и жена, и, чтобы прокормить семью, он таскал из вагонов мешками и ящиками! Сахар, мука, крупы, консервы – много чего... И так поступали ВСЕ, кто имел возможность. Подчеркиваю – все без исключения. Иначе тебя считали недоумком или «стукачом» со всеми вытекающими последствиями. Речь шла об элементарном выживании. За право разгрузить «хороший» вагон дрались до смерти – лопатами-грабарками. Из книги в книгу кочует известная история о «нескольких катушках ниток», за которые давали реальные – и немалые! – сроки. Но не надо забывать: эти катушки работницы пронесли постоянно! Краденую нитью можно было несколько раз опоясать Землю по экватору. На обувных фабриках выносили кожу для продажи частникам. На мясокомбинатах тащили и перебрасывали вырезку, даже части туш. Стихия безудержного воровства захлестнула страну.

Это не в последнюю очередь послужило причиной указа «четыре-шесть». Но к «несунам» в судах относились по-разному. Таких, как дед, даже за хищения в крупных размерах часто пускали не под «указ», а под 162-ю, пункт «д». Ведь забота о семье все равно ложилась на плечи страны. Так, после смерти деда в 1950 году троих его несовершеннолетних сыновей государство взяло в школу-интернат *на полное*

содержание! Забрав в лагерь кормильца многодетной семьи, власть создавала себе огромные дополнительные проблемы.

Во многих случаях суды продолжали применять не «драконовские указы», а статьи уголовного кодекса, карающие за имущественные преступления – кражу, грабеж, разбой, расхищение госсобственности и т.д. Вот данные за 1950 год: в ГУЛАГе отбывали наказание 61 194 вора-рецидивиста (статья 162-в – «Кража, совершенная неоднократно»), 93 477 человек, осужденных за имущественные преступления (статьи от 162 до 178, куда входили кража, разбой, грабеж, присвоение чужого имущества, обман с целью присвоения имущества и проч.), 72 293 человека, осужденных за расхищение соцсобственности (Указ от 7 августа 1932 года). То есть в обход указа от 4 июня в ГУЛАГ попали от 150 до 200 тысяч человек. Ведь сроки по многим из перечисленных статей составляли год или два, то есть **в разы меньше**, нежели по указу «два-два»! То есть даже многих рецидивистов (статья 162, пункт «в») не подвергали «драконовским» наказаниям! Для справки: согласно УК РФ того периода, этот пункт 162-й статьи предусматривал лишение свободы на срок... **до одного года!** («Потолок» самой жестокой санкции этой статьи – пункт «д», каравший за кражи у государства в особо крупных размерах, предусматривал пять лет лишения свободы).

Вопрос: почему этих людей судили не по указу, а по УК и указу 1932 года «о колосках»? Почему за то же самое преступление одних сажали по указу «два-два» на огромные сроки, а других – на год, два, три? Почему указ, нацеленный на пополнение лагерей, не заменил «мягких» статей УК РСФСР, которые действовали параллельно с ним? Секрет прост: суды старались выносить приговоры, исходя из обстоятельств и личности гражданина, совершившего преступление. Существовали те, к кому суд мог проявить снисхождение. Так, после войны СССР вновь столкнулся с тяжелой социальной проблемой – беспризорностью несовершеннолетних. Многие ребята потеряли семьи и оказались на улице; как поется в известном уголовном шлягере, их «засосала опасная трясина»... Вот этих пацанов и пацанок государство не считало себя вправе карать чудовищными сроками – даже если подростки попадались на кражах несколько раз. Понятно, подобная снисходительность распространялась далеко не на всех. Многих бездомная жизнь уже настолько ожесточила и покалечила, что они превратились в законченных уркаганов. Поэтому особо заматеревшие нередко шли и по указу «четыре-шесть». Но дифференциация все же была.

И все же так «везло» далеко не всем. Под указ попадали часто и за мелкие хищения, и за незначительные кражи. Особенно в первое вре-

мя, когда надо было наглядно продемонстрировать действенность драконовских мер, утратить народ. Сажали женщин с детьми, беременных, отвешивая огромные сроки... Всякое было.

Но если говорить совсем откровенно... Люди безбожно тащили с производства и после 1947 года. Жить-то надо! Глаза боятся, а руки тянут. Сбить чудовищную волну массовых хищений удалось значительно позже, с преодолением послевоенной нищеты, дефицита, мизерных зарплат. Однако даже в самые «благостные» советские годы вооружение с предприятий, из колхозов не поддавалось никакому контролю и статистике. Это была оборотная сторона «социалистического производства».

«Большая страна Китай...»

Но опять вернемся непосредственно к воркутинской песне. Литературовед Владимир Бахтин автором песни «На берегах Воркуты» назвал поэта Бориса Емельянова – лагерника с внушительным стажем. Емельянов начал «разматывать срок» еще в Соловецких лагерях особого назначения (печально знаменитый СЛОН), причем с самого их создания в 1923 году. О Емельянове почти ничего не известно; отбывавший наказание на Соловках писатель-эмигрант Борис Ширяев аттестовал поэта как автора фокстротов, писал о нем: «*блестящий версификатор, выступавший в московских нэпических кабаре с мгновенными экспромтами на заданные публикой темы*». Сохранился ряд стихов и песен Емельянова, созданных на Соловках. О дальнейшей судьбе поэта ничего не известно, однако ему приписывают создание еще одной песни послевоенного ГУЛАГа – «Не печалься, любимая». Увы, никаких доказательств авторства обеих песен на сегодня нет; можно говорить лишь о предположениях.

Зато с абсолютной точностью можно назвать первоисточник, который был использован для творческой переработки. Начнем с источника, так сказать, промежуточного. Условно его можно назвать «Песня о китайском чае». Вот наиболее полная и выверенная запись этой песни, сделанная Виктором Сорокиным (мы добавили только последний куплет, который встречается практически во всех вариантах, но отсутствует у Сорокина):

*Большая страна Китай –
Плантации там и тут,
Растет ароматный чай²,
В садах цветы цветут.*

Чай, ароматный чай
Пьют люди всей земли,
Только не знают они
Бедную жизнь кули.

В даль голубой реки
Джонки ушли в туман,
Бедные рыбаки,
Желтые, как банан,

В эти сырые дни
Тянутся по берегам,
В фанзах живут они
И умирают там.

Чай, ароматный чай
Пьют люди все земли,
Только не знают они
Бедную жизнь кули.

Шанхай, корабли встречай,
Плывут корабли гурьбой,
Весь ароматный чай
Они заберут с собой.

Связь обоих произведений совершенно очевидна. Более того: многие даже считают «Песню о китайском чае»... лагерной! Так, в материале «Красные начинают и выигрывают!» Валерия Новодворская пишет: «“Большая страна Китай, народу не перечесть, и крупный порт Шанхай у самого моря есть. Шанхай, корабли встречай, они идут гурьбой, и ароматный чай они увезут с собой”. Это старинная лагерная песня, еще сталинских времен. Эту песню бы в качестве китайского олимпийского гимна утвердить. Два Китая: для парада и для ежедневной горькой жизни; две России: помпезные “свершения” и ГУЛАг... “По берегам реки джонки ушли в туман, бедные рыбаки, желтые, как банан, мокрые невода тянут по берегам, в джонках они живут и умирают там”» («Новая газета» от 4 августа 2008 г.).

---

² Обычно после слова «чай» идет рефрен «чай-чай».

Действительно, песня пользовалась в лагерях популярностью. Литератор Владимир Сергеев вспоминает: *«...сам услышал эту песню впервые в Магадане, от отца в 1953 г., который отсидел 18 лет в лагерях (по делу, кстати (хотя и романтическому, но уголовному)) и только что вышел. Исполнял он ее под гитару, а несколько позже и аккомпанируя себе на пианино, когда мы его приобрели».*

Более того: позднее уже песня «На берегах Воркуты» оказала влияние на «Китайский чай»! В некоторых «шанхайских» версиях поется:

*А на берегу Янцзы
Сопки покрыл туман.
Тянут сети рыбаки,
Желтые, как банан.*

*Лица у них угрюмы.
Ноги свела цинга.
А на могилах их
Вечно поет пурга.*

(Песни нашего двора. Составитель Н.В. Белов, Минск, 2003.)

Откуда «вечная пурга» в Шанхае – большой вопрос. Да и с цингой авторы сильно погорячились. В XX веке ни в Европе, ни в Китае массовых заболеваний цингой не наблюдалось: сталинский ГУЛАГ в этом смысле был почти уникален.

А вот насчет «зека, желтых, как банан» – попадание точное, несмотря на то что упоминание экзотического фрукта в колымском пейзаже кажется слишком экзотичным. Между тем цвет лиц гулаговских сидельцев действительно отличался желтизной. Екатерина Кухарская в лагерных мемуарах «Будь что будет» вспоминает: *«...Узнать даже самого близкого человека среди этой толпы людей, обезличенных одинаковой одеждой, отросшими, почему-то у всех рыжеватыми бородами и общим выражением измученных желтых лиц, было невозможно».*

В арестантском мире бытовала еще одна переделка «Песни о китайском чае» – без упоминания о сталинском указе, но более близкая к оригиналу:

*Большая страна Союз,
Тюрем ведь там не счесть.
Посередине Москвы
Тюрьма Бутырка есть.*

*Тюрьма, воронки встречай,
Они бегут гурьбой,
И заключенный люд
Они везут с собой.*

*В даль голубой реки
Баржи ушли в туман,
В трюмах набиты зека³,
Желтые, как банан.*

*Их привезет конвой,
Сбросит на берег там.
В тюрьмах живут зека
И умирают там⁴.*

Однако совершенно определенно можно сказать, что песня о шанхайском чае приобрела широкую популярность все-таки первоначально не в лагерях, а на воле. Именно с воли она и пришла в ГУЛАГ. Но кто же автор оригинала, кто и когда ее создал? Владислав Сергеев предположил, что эта песня – двадцатых годов прошлого века (если не более ранних). И оказался отчасти прав. Действительно, текст «Песни о китайском чае» возник во второй половине двадцатых годов. Но только песней он тогда еще не был. Обратимся к отрывку из интервью китаеведа-историка Лидии Ивановны Головачевой (родилась в 1937 году):

«Лет пять мне было, когда я впервые узнала о Китае из потрепанной детской книжки с картинками, которую дедушка принес из библиотеки. Называлась она "Китайчонок Лан":

*Большая страна Китай!
Повсюду – и там, и тут,
Цветет ароматный чай,
Который все в мире пьют...*

---

³ Заметим, что в случаях, когда строка кончается на слово «зека», оно повторяется дважды – «зека-зека». Это – еще одна параллель с «Песней о китайском чае», где повторяется «чай-чай». Для справки: долгое время слово «зека» обозначало заключенного в единственном числе, а «зека-зека» – массу заключенных.

⁴ В книге Майкла и Лидии Джекобсонов «Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник (1940–1991)» с комментарием: «*Записано от Григория Вайнберга, 1920 г.р., в Москве в 1958 году.*»

*Шанхай, корабли встречай,
Придут корабли гурьбой,
И чай, ароматный чай
Они увезут с собой...*

В этом стихотворении рассказывалось о шанхайском мальчике, который пробрался на один такой корабль и залез в трюм. Злые английские моряки обнаружили его далеко в море и выбросили за борт. А мальчик хорошо плавал. Обнаружив это, англичане выловили ребенка и со смехом привязали к его ногам гири: "Ну-ка, ты поныряй с гирями на ногах!.." Ужасный этот образ остался со мной на всю жизнь. Спустя много лет мне сказали, что это было стихотворение Джека Алтаузена»⁵.

Если быть совсем точными, стихотворение о несчастном китайском мальчике Джек Алтаузен написал в соавторстве с Борисом Ковыневым. Называлось оно «Повесть о капитане и китайчонке Лане» и вышло отдельной книжкой в 1928 году. Тогда же оба поэта выпустили еще одну совместную стихотворную историю – «Повесть о негритенке». В те поры вообще была популярна тема международной солидарности рабочего класса, угнетения иностранных тружеников, особенно – ребятишек: на память сразу приходит поэма Николая Тихонова «Сами», созданная в 1920 году (мое поколение заучивало ее еще в 1960-е годы):

*Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только больно дерется стеклом...*

Что касается «китайчонка Ланя», здесь первую скрипку можно с полной уверенностью отдать именно Алтаузену. Яша Алтаузен родился в 1907 году в семье золотоискателя-старателя Моисея Алтаузена; в 11 лет попал в Китай – сначала в Харбин, затем в тот самый Шанхай, который позднее опишет в стихах. Служил боем (мальчик-прислуга) в отеле и на пароходе, получил имя Джек, которое внесли в документы. Вернувшись в Россию, познакомился в Чите с поэтом Иосифом Уткиным, подружился с ним и избрал ту же стезю. У Бориса Ковынева опыт странствий отсутствовал, хотя стихотворец и создал в 1927 году на пару со своим коллегой Б. Савранским стихотворение «Глаза индуса».

Как бы то ни было, вскоре после выхода книжки о китайчонке отрывок из стихотворной повести пошел в народ и стал песней. Правда,

часть истории – об утоплении мальчика жестокими англичанами – оказалась невостребованной, вполне хватило ароматного чая и рыбаков, желтых, как банан. Затем в этот экзотический цвет лагерные сочинители выкрасили и воркутинских эзков...

Если же предположить, что текст песни создан до 1953 года (а это наиболее вероятно), строки «каждый кусок угля кровью эзка омыт» оказываются еще и пророческими. С началом июня 1953 года в воркутинских лагерях начинаются забастовки, во главе которых, как правило, оказываются «политики» (и уголовники с огромными сроками). Дело в том, что 5 марта этого года умер Иосиф Сталин, а 27 марта Президиум Верховного Совета СССР утвердил Указ «Об амнистии», подготовленный Лаврентием Берией. Однако под этот указ не попало большинство «политиков» и закоренелых уголовников. Обстановка в лагерях накалялась, но была еще надежда на дополнительные амнистии. И вот 26 июня в Москве арестовывают Берию, с которым арестанты связывали (совершенно справедливо) «бериевскую» амнистию 1953 года и надежды на новые акты милосердия. После ареста Берии оперработники отделов МГБ в лагерях закручивают гайки и ужесточают репрессии.

В шахтах Воркуты распространяются листовки «Не давать угля, пока не будет амнистии!», «Свободу заключенным!». Такие же надписи появляются на пустых вагонетках, выходящих из шахты на поверхность.

Руководство МВД пыталось решить конфликт мирными средствами; на переговоры с забастовщиками прибыла московская комиссия МВД СССР во главе с заместителем министра внутренних дел СССР генералом армии Иваном Масленниковым. Комиссия отметила, что в лаготделении № 10 организаторы «саботажа» вели себя наиболее дерзко и вызывающе, требуя отпустить на свободу всех подряд заключенных. 1 августа 1953 года арестанты попытались прорваться через ворота зоны на волю, но их остановили пулеметы. По официальным данным МВД, погибло 42 и ранено 135 заключенных (большинство из них – легкораненые).

Восстание в Воркуте оказалось менее кровавым, чем в Норильске (26 мая – 4 августа 1953 г., убито 123 человека, ранено 242). Часть заключенных сами связали и выдали организаторов, заявив, что «не хотят участвовать в саботаже и просят убрать от них этих саботажников».

И все же восстания сделали свое дело. Вскоре начался массовый пересмотр дел политзаключенных (главное требование забастовщиков Воркуты). 26 августа 1955 года Совет министров СССР принял постановление о переводе шахт комбината «Воркутауголь» на вольнонаемную рабочую силу. Этот перевод был закончен в 1960 году.

А песня продолжает жить. Как память...

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 448
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: 201-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 25.04.2013 г.
Отпечатано в типографии

Тираж 2000 экз. Заказ №
Цена свободная